

954
X23

х 235

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ УССР

ХАРЬКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ВЫПУСК ДЕВЯТЫЙ

ХАРЬКОВ — 1957

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ УССР

ХАРЬКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

-----
*КАФЕДРА УГОЛОВНОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА
И КАФЕДРА КРИМИНАЛИСТИКИ*

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ВЫПУСК ДЕВЯТЫЙ

Х А Р Ь К О В
1 9 5 7

Печатается
по постановлению
Ученого Совета института
от 19 ноября 1956 г.

Редакционная коллегия:

Доктор юридических наук профессор *М. М. Гродзинский*
(ответственный редактор);
доцент *В. П. Колмаков*; кандидат юридических наук *В. В. Сташис*;
доцент *А. Л. Ривлин*; доцент *А. Н. Колесниченко*.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Профессор В. С. ТРАХТЕРОВ

ВМЕНЯЕМОСТЬ КАК УСЛОВИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Для разъяснения вопроса о вменяемости как условии уголовной ответственности необходимо установить сначала соотношение между вменяемостью и виной, — ее отличие от вины и связь ее с виной.

* *
*

Вменяемость можно определить как способность лица сознавать значение совершаемого им общественно-опасного деяния и руководствоваться сознанным, — принимать соответствующие решения; вменяемость, следовательно, характеризует свойства субъекта преступления.

Вина же есть проявление сознания и воли, решимости субъекта в совершенном им общественно опасном деянии; вина, следовательно, характеризует субъективную сторону преступления.

Такое же различие устанавливается, очевидно, между вменяемостью и отдельными формами вины — умыслом и неосторожностью, — независимо от того, что последним присущи известные особенности в содержании сознания и в характере воли, решимости виновного.

Постановления советского уголовного законодательства различают вменяемость и то или иное субъективное отношение вменяемого лица к совершенному им общественно-опасному деянию.

В соответствии со ст. 10 УК УССР (ст. 11 УК РСФСР), под вменяемостью следует понимать обусловленную состоянием психического здоровья лица способность его отдавать себе отчет в совершаемых им общественно-опасных действиях и руководить ими.

В ст. 9 УК УССР (ст. 10 УК РСФСР) содержание умысла также определяется двумя признаками — сознательным и определенным

волевым отношением виновного к совершаемому им общественно-опасному деянию.

Но различие вменяемости с одной стороны и форм вины с другой в дальнейшем рисуется в законе далеко не однотипно (чем это различие излишне усложняется). В определении небрежности «не предвидели последствий своих действий, хотя и должны были их предвидеть», — дана далеко не полная характеристика содержания сознания при небрежности, а указание на волевой момент, — на особый характер решимости, и вовсе здесь отсутствует (последнее замечание относится и к самонадеянности).

Мнение об указанном различии между вменяемостью и виной (ее формами) разделяется судебной практикой, признается и в уголовно-правовой литературе.

Но для подлежащего установлению различия между вменяемостью и виной важно, в частности, обращать внимание в теоретических работах на наличие сознания и при небрежности — сознательное пренебрежение виновным своими обязанностями, быть внимательным, осмотрительным¹, а также — на содержание волевого признака — решимости в этих случаях.

* *

*

Единообразие определений критериев вменяемости и признаков вины свидетельствует, с другой стороны, о связи между ними. Вменяемость является необходимым, неотъемлемым условием вины.

Это последнее положение требует разъяснения. Вменяемость есть психическое состояние, относящееся ко времени совершения общественно-опасного деяния; вина есть психическое отношение к совершенному общественно-опасному деянию. Отсюда следует, что вменяемость лишь логически, а не фактически, предшествует вине, вменению в вину — как тогда, когда наличие вменяемости у данного обвиняемого предполагается, подразумевается (что имеет место в подавляющем большинстве случаев), так и тогда, когда, в случае сомнения, она предварительно, т. е. до решения вопроса о виновности, специально устанавливается. Вполне соответствовало бы такому именно пониманию связи между обоими понятиями определение вменяемости как возможности быть виновным².

¹ См. А. С. Никифоров, Основные вопросы уголовной ответственности за преступление, совершенное по небрежности, Ученые записки Всесоюзного института юридических наук Министерства юстиции, 1955 г.

² По взгляду О. С. Иоффе (Ответственность по советскому гражданскому праву, 1955 г., стр. 61), определением вменяемости как способности быть виновным не исчерпывается содержание вменяемости, так как «тогда по таким, например, нормам, как ст. 404 ГК, ответственность могли и должны были нести и невменяемые, поскольку вина не относится этими нормами к числу необходимых условий привлечения к гражданско-правовой ответственности».

Вменяемость в значении условия вины может рассматриваться и как предпосылка вины. «Условие» и «предпосылка» являются синонимами, хотя последний термин указывает чаще всего на нечто фактически предшествовавшее дальнейшему, последующему развитию: например, тогда, когда говорят, что вменяемость является предпосылкой для привлечения к уголовной ответственности.

Подтверждением положения, что только лицу вменяемому могут быть вменены в вину совершенные им общественно-опасные действия,— только оно может быть признано действовавшим с умыслом или по неосторожности, служит вводная фраза ст. 10 УК УССР (ст. 11 УК РСФСР) «Меры социальной защиты судебно-исправительного характера не могут быть применяемы в отношении лиц...»: она означает, что лица невменяемые не могут быть признаны виновными¹. Статья о невменяемости в будущем Уголовном кодексе и могла бы, соответственно, начинаться словами: «Не является (или «Не признается») виновным лицо, которое...».

Положение, что вменяемость есть условие (предпосылка) вины полностью разделяется судебной практикой.

«...Одним из обязательных условий признания виновности является вменяемость обвиняемого... Лицо невменяемое ни при каких условиях не может быть признано виновным»². «В случае сомнения по поводу психического состояния обвиняемого привлечение экспертизы является обязательным, независимо от выраженного желанья или нежеланья обвиняемого»³. «Требование Судебной коллегии Верховного суда СССР о выполнении ст. ст. 128, 206 и 207 УПК РСФСР в отношении невменяемого Гранкина является неправильным. Невменяемому лицу не должно

ности». Но гражданскому праву известно не понятие невменяемости, а понятие недееспособности,— и недееспособные, действительно, несут ответственность по ст. 404 ГК в определенных случаях. Поэтому утверждение автора, что вменяемость — более широкое понятие, чем способность быть виновным, следует признать необоснованным.

¹ Своеобразное выражение взгляда, что вменяемость есть предпосылка умысла и неосторожности, что только лицо вменяемое может действовать умышленно или неосторожно, мы находим в проекте УК РСФСР 1925 года (коллегия НКЮ). В этом проекте статья о неприменении мер судебно-исправительных (11-ая) непосредственно следует за статьей, которая устанавливает, что меры судебно-исправительные применяются лишь в отношении лиц, которые действовали умышленно или неосторожно. И начинается статья 11-ая так: «Не могут быть применяемы в силу этого судебно-исправительные меры в отношении лиц...», т. е. невменяемых. Этой аргументацией подчеркивается, что невменяемый не может действовать ни умышленно, ни неосторожно, что умысел и неосторожность мыслимы лишь при наличии вменяемости.

² Дело Данилова. Постановление Пленума Верховного суда СССР от 13 июля 1944 года, Судебная практика Верховного суда СССР, 1944 г., в VII (VIII), стр. 9. Дальнейшее указание, содержащееся в этом постановлении, что «как виновными, так и невиновными, могут быть признаны только лица вменяемые», служит лишь развитием положения, что «лицо невменяемое ни при каких условиях не может быть признано виновным».

³ Дело Н. и Ш. Определение от 10 января 1945 г. Судебная практика Верховного суда СССР, 1945 г., II (XVII), стр. 19.

предъявляться обвинение. Не требуется и составление обвинительного заключения»¹.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР, рассмотрев 22 августа 1941 года дело Медведевой, нашла, что «...действия ее были вызваны не хулиганскими побуждениями, а ее болезненным состоянием».

Приведем также некоторые подтверждения этого взгляда, почерпнутые из советской уголовно-правовой литературы.

«Лишь при установлении вменяемости лица может быть поставлен вопрос о его виновности»². «Одним из определенных условий признания виновности является вменяемость обвиняемого»³. Лица невменяемые лишь «с чисто медицинской точки зрения... действуют... умышленно или неосторожно»⁴.

Невменяемый не может действовать виновно-умышленно или неосторожно. Так, забывчивость, рассеянность, вызвавшие, например, утерю им документов, не могут рассматриваться как неосторожность.

«Испытуемый О. обвиняется в халатном отношении к хранению личных документов. После предоставленного ему месячного отпуска в воинскую часть своевременно не вернулся. В пути следования через Москву утерял документы и об утере не заявил. До г. Мурманска, где находилась часть, доехать не смог и возвратился к сестре в г. Красноград, где нелегально проживал у сестры, и только 3 марта 1948 года обратился в Красноградский РВК с просьбой направить его в часть. В выводах комиссии указывается: «Испытуемый О. страдает душевным заболеванием в форме циклофрении. Инкриминируемое правонарушение совершил в один из приступов болезненного состояния,— тяжелой депрессии,— не мог отдавать себе отчет в своих действиях»⁵.

Сходным является и дело К., обвинявшегося по пункту 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1947 г. В анамнезе указывается, что в последние 3—4 года К трудно было справляться с работой из-за ослабления памяти, появилась излишняя суетливость, стал делать просчеты. По словам жены, стал очень рассеянным и забывчивым, забывает, где что положит, потерял зимою хлебные карточки. В выводах читаем: «1. Испытуемый К. страдает душевным заболеванием в форме склероза сосудов мозга». 2. Инкриминируемое ему деяние совершено в

---

¹ Дело Гранкина, Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 28 февраля 1951 г., Судебная практика Верховного суда СССР, 1951 г., № 6, стр. 28.

² Советское уголовное право, 1952 г., стр. 203.

³ М. Д. Шаргородский, Вопросы Общей части уголовного права, 1955 г., стр. 164.

⁴ Б. С. Маньковский, Проблема ответственности в уголовном праве, 1949 г., стр. 114.

⁵ По материалам отдела экспертизы Украинского Психоневрологического института.

болезненном состоянии (патологическая рассеянность артериосклеротического характера), в связи с чем за данное правонарушение уголовной ответственности нести не может, и к нему должна быть применена ст. 10 УК УССР. 3. Испытуемый К. подлежит лечению в амбулаторных условиях и освобождению от работы, связанной с особо ответственной документацией»¹.

* * *

*

Признание вменяемости условием вины имеет весьма важное значение для установления границы, отделяющей лиц, которые могут быть признаны виновными, от лиц, чьи общественно-опасные действия им в вину не вменяются.

Но самое определение демаркационной линии между вменяемостью и невменяемостью зависит от содержания психологических (юридических) критериев вменяемости.

Так, интеллектуальному критерию вменяемости — способности лица отдавать себе отчет в своих действиях надлежит придавать значение способности лица отдавать себе отчет не только в фактической стороне, но и в общественно-опасном характере своих действий (что и следовало бы отражать в соответствующих актах судебно-психиатрической экспертизы)².

Волевой критерий вменяемости — способность руководить своими действиями — также требует пояснения.

Волевая деятельность человека характеризуется не только способностью производить выбор между различными способами действия или изменять план действия, но и способностью овладевать и управлять собственным поведением, т. е. возможностью производить сознательный выбор самих целей, направления своих действий. «Каждое волевое действие человека... обусловлено объективными причинами. Однако отсюда вовсе не следует, что волевые акты человека автоматически подчиняются любым внешним или внутренним раздражителям. Основываясь на своих знаниях явлений внешнего мира и особенностей собственного поведения, человек может осуществлять сознательный выбор той или иной цели, может реагировать на одни влияния и воздерживаться от действий, связанных с нежелательными побуждениями»³.

Приведенные характеристики волевой деятельности человека

¹ По материалам отдела экспертизы Украинского Психоневрологического института.

² См. об этом в моей статье «Юридические критерии невменяемости в советском уголовном праве». Ученые записки Ленинградского юридического института, вып. IV, 1947 г.

³ Г. С. Костюк, Психология, Учебник для педагогических ВУЗ'ов, 1955 г. (на украинском языке). И та же мысль: «Если я при всяких условиях подчиняюсь движению событий... то в моей воле выбрать, каким из составных сил движения я хочу себя подчинить». К. Е. Федин, «Необыкновенное лето», 1950 г., стр. 503.

вполне применимы и к разъяснению содержания волевого критерия вменяемости.

Возможность «осуществлять сознательный выбор той или иной цели» характеризует борьбу мотивов, предшествующую принятию определенного решения — совершить преступление или воздержаться от его совершения. Такая возможность не зависит от исхода этой борьбы, — она сохраняет свое значение и применительно к психическому состоянию лица, совершившего общественно — опасное деяние, характеризуя, таким образом, волевой критерий вменяемости.

Самые же пределы такой возможности должны соответствовать указанной выше — пополненной — характеристике содержания критерия интеллектуального (что также вполне уместно было бы отражать в актах психиатрической экспертизы).

Вопрос о специфике психологических (юридических) критериев вменяемости не нашел отражения в докладе Н. В. Случевского «О понятии невменяемости и спорных вопросах с этим понятием связанных»¹. Если неспособность человека отдавать отчет в своих действиях или руководить ими свойственна, по взгляду автора, как состоянию невменяемости, так и душевной болезни, наступившей после совершения преступления, то следовало, во всяком случае, показать принципиальные особенности терминологически единых характеристик.

Установление границы между вменяемостью и невменяемостью зависит также от правильного установления и оценки содержания вины при совершении преступлений в состоянии простого (физиологического) алкогольного опьянения — в тех «отдельных, очень редких тяжелых случаях, которые можно приравнять к психотическим состояниям...»².

Из указания, содержащегося в примечании к ст. 10 УК УССР, вытекает, что лица, совершившие общественно-опасное деяние в состоянии опьянения, «при котором они временно не могли отдавать себе отчета в своих действиях или руководить ими» (вне случаев приведения себя в состояние опьянения «для совершения общественно-опасного деяния»), признаются невменяемыми и, следовательно, невиновными.

В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР по делу Цыплакова также высказан взгляд, что «поведение человека, находившегося, судя по показаниям свидетелей, в состоянии, близком к безсознательному состоянию, не может быть расценено, как поведение человека, действовавшего

¹ См. тезисы докладов на теоретической конференции кафедр уголовного права и уголовного процесса Ленинградского университета по вопросам борьбы с общественно-опасными действиями несовершеннолетних и невменяемых, Издательство Ленинградского университета, 1956 г.

² М. И. Затуловский, Судебно-психиатрическая оценка состояния опьянения, Проблемы судебной психиатрии, сборник 5, 1946 г., стр. 102; см. также выступление Н. Ф. Случевского в «Вопросах судебно-психиатрической экспертизы», 1955 г., стр. 135.

с умыслом совершить хулиганские действия». Опыание Цыплагова, как усматривается из этого же определения, исключало возможность умысла на совершение и другого преступления против порядка управления (нанесения оскорбления или угрозы работникам милиции в связи с исполнением ими своих служебных обязанностей).

Здесь, таким образом, совершенно не учитывается значение вины лица, выразившейся в самом приведении себя в состояние опыания.

Согласно же примечанию к ст. 11 УК РСФСР, наоборот, лица, неспособные вследствие тяжелого физиологического опыания отдавать себе отчет в общественно-опасном характере своих действий или руководить ими, признаются, все же, виновными в их совершении.

Но аргументация, приводимая в пользу этого взгляда, что «субъект, доводя себя до такого сильного опыания, сознает, что он может в таком состоянии совершить преступление»¹, еще не обосновывает признания наличия конкретного состава инкриминируемого преступления — вины, выразившейся в совершении именно этих действий.

С этой точки зрения, особенно в связи с предложениями по усовершенствованию уголовного законодательства, заслуживает внимания особый подход к вопросу о вменяемости и вине в этих случаях Уголовного кодекса Чехословацкой Республики. § 186 этого Кодекса проводит различие между виной, выразившейся в доведении себя до состояния опыания (достигшего степени невменяемости), и тем состоянием невменяемости, в котором общественно-опасное деяние большей или меньшей тяжести было совершено².

* *

*

Признание вменяемости условием вины приводит к выводу, что вменяемость — так же, как и вина, является условием уголовной ответственности, наказуемости.

Во вводной фразе статей о невменяемости в действующем уголовном законодательстве это положение и находит свое выражение. В статьях будущего уголовного кодекса предлагается предусмотреть более развернутую формулировку: «Не является (или «Не признается) виновным и не подлежит уголовной ответственности лицо, которое...».

В материалах судебной практики и в литературе советского

¹ Г. Мендельсон, Ю. Ткачевский, Борьба с преступлениями в состоянии опыания, журн. «Социалистическая законность», 1955 г., № 8, стр. 27.

² См. также тезисы доклада Н. С. Лейкиной «Влияние опыания на уголовную ответственность» на теоретической конференции кафедр уголовного права и уголовного процесса Ленинградского университета, 1956 г.

уголовного права мы также находим указания на непосредственную связь между вменяемостью и уголовной ответственностью.

«Обвинительный приговор не может быть оставлен в силе, если по делу имеются обстоятельства, возбуждающие сомнение по поводу вменяемости подсудимого, не разрешенные путем привлечения судебно-психиатрической экспертизы»¹. «В отношении Илюхина приговор подлежит отмене для производства судебно-психиатрической экспертизы и определения его вменяемости»². «Где нет вменяемости, не может возникнуть самого вопроса об уголовной ответственности...»³. Вменяемость «служит основанием уголовной ответственности не только тогда, когда совершается умышленное преступление, но и тогда, когда преступление совершено по неосторожности»⁴.

* * *

*

Вменяемость в качестве условия (предпосылки) уголовной ответственности устанавливает границу, отделяющую лиц, которые могут подлежать наказанию, от тех, к кому наказание неприменимо.

Существует также связь между содержанием вменяемости и другими вопросами, относящимися к учению о наказании. Но рассмотрение ее уже выходит за рамки настоящей статьи.

---

¹ Дело Шишкина, Определение Верховного суда СССР от 10.I.1945 г., Судебная практика Верховного суда СССР, 1945 г., II (XII), стр. 18.

² Судебная практика Верховного суда СССР, 1949 г., № 8, стр. 44. Касаясь требования Верховным судом производства судебно-психиатрической экспертизы в случаях сомнения во вменяемости, Т. Д. Сергеева пишет: «В тех случаях, когда в деле имеются материалы, дающие основание полагать, что обвиняемый является невменяемым, Верховный суд не допускает его осуждения, требуя производства психиатрической экспертизы» (Вопросы виновности и вины в практике Верховного суда СССР, 1950 г.)

³ А. Н. Трайнин, Состав преступления в советском уголовном праве, 1951 г., стр. 77, 78.

⁴ Советское уголовное право, 1952, стр. 202.

Кандидат юридических наук В. В. СТАШИС

ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ЗА СПЕКУЛЯЦИЮ ПО СОВЕТСКОМУ УГОЛОВНОМУ ПРАВУ

Усиление борьбы со спекуляцией является в настоящее время одной из важных задач судебных и следственных органов. Товарищ Н. С. Хрущев в отчетном докладе ЦК КПСС XX съезду партии указал, что «Надо усилить борьбу против спекулятивных элементов, которые, пользуясь временной нехваткой в ряде мест некоторых продуктов для полного удовлетворения населения, наживаются за счет честных людей, за счет государства»¹.

Для выполнения этой задачи чрезвычайно важно, чтобы ни один случай спекуляции в любом ее виде не оставался безнаказанным и был правильно квалифицирован по соответствующим статьям УК союзных республик.

В судебной практике встречаются случаи совершения спекулятивных действий должностными лицами, использующими свое служебное положение. При этом чаще всего должностные лица выступают в качестве соучастников спекулянтов. Наиболее распространены в настоящее время спекулятивные действия с участием должностных лиц торгующих организаций².

В связи с этим приобретают существенное значение вопросы квалификации действий должностных лиц, различным образом использующих свое служебное положение для спекуляции. Вопросы эти в литературе уголовного права являются спорными, что в значительной мере объясняется неудачной обрисовкой субъекта спекуляции в статьях УК союзных республик, предусматривающих ответственность за спекуляцию.

Рассмотрению этих вопросов посвящена данная статья.

¹ Н. С. Хрущев. Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии. Госполитиздат. 1956 г., стр. 71—72.

² С. М. Г. Гольст. Усилить борьбу со спекуляцией. «Социалистическая законность». 1956 г., № 1, стр. 20.

В тексте диспозиции ст. 127 УК УССР¹ говорится о скупке и перепродаже, совершаемой частными лицами. Получается, таким образом, что субъектом данного преступления является только лицо «частное»; должностное же лицо субъектом спекуляции быть не может.

Такое понимание субъекта спекуляции нашло себе место и в советской уголовно-правовой литературе. Проф. А. Н. Трайнин писал: «Ст. 107 УК РСФСР в качестве субъекта спекуляции называет исключительно частных лиц. Отсюда следует, что аналогичные действия, совершенные должностными лицами, спекуляции не образуют. В соответствующих случаях должен встать вопрос об ответственности за должностные преступления, чаще всего, за злоупотребление властью»². Указание на то, что субъектом спекуляции могут быть лишь частные лица, содержится и в учебниках Особенной части уголовного права изданий 1938 года и 1943 года, а также в других работах³.

Некоторые авторы ставят под сомнение даже самую возможность совершения спекулятивных действий должностным лицом. Так, Р. А. Хрулинский-Бурбо полагает, что должностное лицо субъектом спекуляции быть не может, ибо по должности спекуляцию совершать нельзя; что «лицо, служащее в государственном или общественном учреждении или предприятии, может быть субъектом спекуляции, но не как должностное, а как частное лицо». Приводя в качестве примера случай, когда директор магазина путем злоупотребления служебным положением приобретает в своем магазине дефицитные товары, а потом сбывает их в целях наживы по спекулятивным ценам на рынке, автор утверждает, что, «сбывая товары на рынке, этот директор действует не как должностное лицо, а как частное»⁴. Аналогичную точку зрения высказывает Н. А. Беляев, по мнению которого, «должностное лицо, именно как должностное лицо, не может заниматься спекуляцией»⁵.

Судебная практика также длительное время придерживалась взгляда, что должностное лицо не может быть субъектом спекуляции.

¹ Здесь, как и в дальнейшем, при ссылках на статьи Уголовного кодекса УССР имеются в виду и соответствующие статьи Уголовных кодексов других союзных республик.

² А. Н. Трайнин. Должностные и хозяйственные преступления. М. 1938 г., стр. 107—108.

³ См. В. М. Чхиквадзе. Борьба со спекуляцией. 1939 г.; Хрулинский-Бурбо Р. А. Советское уголовное законодательство о борьбе со спекуляцией и квалификация преступления по статьям 107 и 105 УК РСФСР. Ученые труды Саратовского государственного юридического института им. Д. И. Курского, вып. II. 1948 г., стр. 15; проф. Утевский. Уголовное право. Библиотека народного судьи. 1950 г., стр. 173; Н. А. Беляев. О преступлениях против социалистической системы хозяйства по советскому уголовному праву. Автореферат кандидатской диссертации. Ленинград. 1954 г., стр. 15.

⁴ Р. А. Хрулинский-Бурбо, названная работа, стр. 15.

⁵ См. Н. А. Беляев, названная работа, стр. 15.

Ограничение круга лиц, несущих ответственность за спекуляцию, только частными лицами не может быть признано правильным.

Упоминание в статьях УК союзных республик, предусматривающих ответственность за спекуляцию, о «частных лицах» ни в какой мере не вытекает из общесоюзных законов: «О порядке производства торговли...» от 20 мая 1932 г. и «О борьбе со спекуляцией» от 22 августа 1932 г. В этих законах, положенных в основу соответствующих статей УК союзных республик, содержание понятия субъекта спекуляции определено широко.

Здесь говорится не только о недопущении «открытия магазинов и лавок частными торговцами», но и о необходимости «всячески искоренять перекупщиков и спекулянтов», — независимо, следовательно, от того, являются ли они лицами частными или должностными.

Задаче искоренения спекуляции прямо противоречило бы ограничение круга возможных субъектов спекуляции частными лицами.

Состоявшийся вскоре после издания закона от 22 августа 1932 г. сентябрьский Пленум ЦК ВКП(б) 1932 г. предложил, в целях правильного развития советской торговли и улучшения снабжения рабочих и крестьян, развернуть решительную борьбу за искоренение спекуляции и, в частности, за искоренение спекулянтских элементов в самом торговом аппарате¹. Тем самым Пленум прямо указал на необходимость борьбы и со спекулятивными действиями должностных лиц.

Наконец, отказ от привлечения должностных лиц, совершающих спекулятивные действия в связи со своим служебным положением, к ответственности по ст. 127 УК УССР совершенно неосновательно ставил бы этих лиц в привилегированное положение и смягчал бы их ответственность по сравнению с ответственностью частных лиц, поскольку санкции соответствующих статей о должностных преступлениях значительно мягче санкций ст. 127 УК УССР.

Решительно нельзя согласиться с утверждением, будто исключается самая возможность совершения спекулятивных действий должностными лицами. В приводимом Р. А. Хрулинским-Бурбо примере (который нередко встречается в судебной практике) субъектом спекуляции является должностное лицо, а не частное. Решающее значение в этом отношении имеет то, что сама скупка данного товара в спекулятивных целях (являющаяся существенным признаком спекуляции) оказывается возможной для данного лица только благодаря его служебному положению, и совершаются эти действия, следовательно, именно должностным лицом. Мало того, могут быть случаи (также встречающиеся в судебной практике), когда должностное лицо совершает, используя свое

¹ См. КПСС в резолюциях. Издание седьмое, ч. III, М., 1954 г., стр. 163.

служебное положение, не только скупку товаров, но и перепродажу их в спекулятивных целях, т. е. действует как должностное лицо при совершении обоих этих действий.

Взгляд, согласно которому виновным в спекуляции может быть признано не только частное, но и должностное лицо (обычно в этом случае виновное не только в спекуляции, но и в злоупотреблении служебным положением, т. е. в совершении двух преступлений), высказывается в литературе советского уголовного права¹.

Эта же точка зрения в последнее время разделяется и нашей судебной практикой. Предметом рассмотрения Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР было следующее дело. Е., Ц., Е. и Б. были признаны виновными в том, что, работая (Б — председателем правления артели «Пищепромкомбинат», Ц — заведующим складом той же артели, Е. — заведующим торговым ларьком, Е. — продавцом ларька) приобрели, по предварительному между собой сговору, в Самтредском районе значительную партию груш и яблок и с целью личной наживы продали их по спекулятивным ценам в торговом ларьке артели. Указанные лица были осуждены за злоупотребление служебным положением. Верховный суд СССР признал, что действия подсудимых были неправильно квалифицированы только как злоупотребление служебным положением и указал, что «должностное лицо, использовавшее свое служебное положение с целью спекуляции, подлежит ответственности по совокупности за злоупотребление служебным положением и спекуляцию»².

Аналогичное указание содержится и в определении Верховного суда СССР по делу Механошиной³.

Приговором народного суда 8 участка Ленинского района г. Харькова Ф. была осуждена по ст. ст. 97 и 127 УК УССР за то, что, работая буфетчицей и злоупотребляя своим служебным положением, в целях личной наживы продавала через буфет, вместо водки, разведенный спирт, который скупала у неизвестных лиц.

Народным судом 5 участка Ленинского района г. Харькова Г. был осужден по ст. 97 и 127 УК УССР за то, что, работая в должности старшего продавца киоска № 51 артели «Харинторг», неизвестно где скупил 150 пар дамских трико, которые реализовал по повышенной цене через киоск.

За скупку и перепродажу различных товаров через вверенный ей лоток этим же судом по ст. 97 и 127 УК УССР была осуждена Т.

¹ См., например, Советское уголовное право. ч. Особенная. 1951 г., стр. 308; Е. А. Фролов. Уголовная ответственность за преступления против советской торговли. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1955 г., стр. 7.

² Судебная практика Верховного суда СССР 1949 г., № 8, стр. 28.

³ Сборник постановлений Пленума и определений коллегии Верховного суда СССР за 1944 г., изд. 1948 г., стр. 102.

В всех этих случаях указанные лица могли совершать спекулятивные действия именно благодаря своему служебному положению, т. е. как лица должностные.

Сказанное дает достаточно оснований утверждать, что субъектом спекуляции могут быть как частные, так и должностные лица и что действия этих лиц должны быть квалифицированы как спекуляция и одновременно как должностное преступление.

Из того, что должностное положение лица, совершившего спекулятивные действия, не освобождает и не может освобождать его от ответственности за спекуляцию (наряду с ответственностью за должностное преступление), вытекает необходимость расширить в законе понятие субъекта спекуляции. Для этого из диспозиции статей УК, предусматривающих спекуляцию, должно быть исключено указание на «частных лиц», как на субъектов данного преступления.

Особо следует рассмотреть вопрос об ответственности должностных лиц за соучастие в спекуляции.

По этому вопросу были допущены двоякого рода ошибки в советской уголовно-правовой литературе и в судебной практике.

В одних случаях эти ошибки выражаются в утверждении, что должностные лица, содействующие спекулянтам, отвечают лишь за должностное преступление.

Так, М. В. Красильников писал: «Должностные лица, содействующие спекуляции, отвечают по статьям главы УК о должностных преступлениях»¹.

Н. Лаговьер указывал, что лиц, способствующих спекуляции путем злоупотребления служебным положением, следует привлекать к ответственности по статьям УК о должностных преступлениях².

Данная точка зрения разделяется иногда и судебной практикой.

Так Судебная Коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР, признав установленным, что П., Ф., А. и Г., использовав свое служебное положение, содействовали спекулятивной деятельности К. (осужденного по данному делу), квалифицировала действия указанных лиц по ст. 109 УК РСФСР³.

В качестве примера можно привести также дело Ш., Л. и Г., рассмотренное одним из народных судов г. Москвы. Ш. обвинялся по ст. 19—107 УК РСФСР в том, что не занимаясь общественно-полезным трудом, приобрел у неизвестных лиц для последующей перепродажи большое количество кожаных товаров. Л., коммерческий директор артели, и Г., заведующий складом той же артели, обвинялись по ст. 109 УК РСФСР в том, что незакон-

¹ Советское уголовное право. Учебник для юридических школ. 1940 г., стр. 179.

² См. Н. Лаговьер. Методика судебно-следственной работы по борьбе со спекуляцией. Советская юстиция. 1935 г., № 2, стр. 4.

³ См. Судебная практика Верховного суда СССР. 1949 г., № 5, стр. 9.

но хранили в кладовой артели товар, приобретенный Ш. для спекуляции. При пересмотре дела в порядке надзора Пленум Верховного суда СССР, признав эти обстоятельства установленными, оставил без изменения указанную квалификацию действий осужденных¹.

По вопросу об ответственности должностных лиц за соучастие в спекуляции имеют место и ошибки противоположного, так сказать, характера.

Так, в советской уголовно-правовой литературе высказывалась точка зрения, согласно которой в тех случаях, когда должностное лицо, используя свое положение, содействует спекулянтам, его действия следует квалифицировать только по ст. ст. 20—127 УК УССР.

Иногда на эту точку зрения становится и судебная практика. Так в приведенном выше деле, где действия П., Ф., А. и Г., использовавших свое служебное положение для содействия спекулятивной деятельности К., были Судебной Коллегией по уголовным делам Верховного суда квалифицированы по ст. 109 УК РСФСР, Пленум Верховного суда признал такую квалификацию неправильной и указал, что их действия следует квалифицировать по ст. 17—107 УК РСФСР.

Такое решение данного вопроса нельзя признать правильным.

Квалификация действий должностных лиц, соучастников спекулянтов, только как должностного преступления или же только как соучастия в спекуляции не может быть принята, потому что не дает возможности правильно оценить степень общественной опасности этих действий.

В первом случае не подчеркивается специфика и особая опасность того преступления, которое совершали должностные лица, участвовавшие в спекуляции, и эта последняя как бы растворяется в должностном преступлении. Кроме того, с точки зрения применения меры репрессии, эта квалификация данных преступных действий ставит, как было уже указано, должностное лицо в привилегированное положение, так как санкция ст. 97 УК УССР ниже санкции ст. 127 УК УССР.

Во втором случае также не дается полная юридическая характеристика преступлений, совершенных виновным лицом.

Общественно-опасные действия должностного лица, являющегося соучастником спекулянта, содержат в себе признаки двух составов — должностного преступления и соучастия в спекуляции. Поэтому исчерпывающей квалификацией, дающей полную и правильную юридическую характеристику содеянного, является лишь такая, в которой отражены оба указанных преступления, т. е. квалификация по совокупности преступлений, предусмотренных ст. ст. 97 и 20—127 УК УССР.

¹ См. Судебная практика Верховного суда СССР. 1949 г., № 11, стр. 11—13.

Как справедливо отмечает проф. А. Н. Трайнин, из положения, воспринятого нашей судебной практикой, что частные лица могут отвечать за соучастие в должностных преступлениях, «...последователен и другой вывод: должностное лицо может быть соучастником преступления, совершенного частным лицом¹. Общие положения квалификации случаев т. н. идеальной совокупности преступлений должны найти и здесь свое выражение.

Вполне обоснованно Верховный суд СССР в определении Судебной Коллегии по уголовным делам от 10 января 1941 г. по делу С. указывал, что «в случаях, когда должностное лицо, используя свое служебное положение, совершило действия, содержащие состав общеуголовного преступления, эти действия надлежит квалифицировать по совокупности — по соответствующей статье главы УК о должностных преступлениях и по той статье УК, которая предусматривает совершенное действие»².

В соответствии с этими положениями общего характера имеются высказывания и по рассматриваемому вопросу.

Так, проф. Б. С. Утевский указывает, что должностных лиц, использующих свое служебное положение для содействия спекулянтам, следует привлекать к ответственности по совокупности — за соответствующее должностное преступление (обычно, это — злоупотребление властью) и за соучастие в спекуляции³. Аналогично разрешают данный вопрос и другие авторы⁴.

Таковы же неоднократные указания руководящих судебных и прокурорских органов.

Еще в Инструктивном письме Прокуратуры СССР от 28-го июля 1935 г. № 74/8 «О борьбе с злоупотреблениями в комиссионных магазинах» указывалось, что «За принятие для продажи через комиссионные магазины от спекулянтов скупленных этими последними товаров привлекать должностных лиц этих магазинов к ответственности по ст. ст. 17—107 и 109 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик»⁵.

В своем руководящем постановлении от 20 сентября 1946 г. «О судебной практике по делам о спекуляции» Пленум Верховного суда, отметив случаи участия в спекуляции должностных лиц, дал судам следующие указания: «Действия должностных лиц, виновных в заведомой продаже спекулянтам товаров для спекуляции, должны квалифицироваться по совокупности, как

¹ А. Н. Трайнин. Состав преступления по советскому уголовному праву. 1951 г., стр. 303.

² Сборник Постановлений Пленума и определений Верховного суда Союза ССР за 1941 г., изд. 1947 г., стр. 67.

³ Б. С. Утевский, названная работа, стр. 173.

⁴ См., например, Меньшагин, Вышинская. Советское уголовное право. Учебник для юридических школ 1950 г., стр. 426; Советское уголовное право. ч. Особенная, 1941 г. стр. 309; Уголовное право. ч. Особенная, 1943 г., стр. 351; Тихенко С. И. Советское уголовное право. ч. Особенная. Выпуск I Киев, 1951 г.

⁵ О борьбе со спекуляцией. Сборник, 1942 г., стр. 26.

злоупотребление служебным положением и соучастие в спекуляции (ст. ст. 107 и 17—107 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик)...»¹.

В соответствии с этим, в определении Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 19 ноября 1949 г. по делу В., С. и Х. указывается, что так как данные должностные лица признаны виновными в том, что, помимо прилавка, продавали заведомым спекулянтам дефицитные промышленные товары, они виновны в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 109 и 17—107 УК по совокупности².

В приведенном выше руководящем постановлении Пленума от 20 сентября 1946 г. указывается, что должны квалифицироваться, как злоупотребление служебным положением и соучастие в спекуляции, действия должностных лиц, виновных в заведомой продаже спекулянтам товаров для спекуляции. Думается, однако, что данное указание следует понимать более широко и что таковой должна быть и квалификация иных действий должностных лиц, злоупотребляющих своим служебным положением в целях содействия спекулянтам.

Харьковским областным судом были признаны виновными и осуждены по ст. 127 УК УССР В. и Ф., которые, нигде не работая, скупали по селам крупный рогатый скот, забивали его на убойных пунктах, а мясо продавали на рынках гор. Харькова по спекулятивным ценам. Действиям спекулянтов содействовали должностные лица: А. и Ф., которые, являясь, первый — секретарем, и второй — инспектором коммунального отдела Чугуевского Горсовета, снабжали фиктивными справками спекулянтов о принадлежности скота последним; М. — фельдшер райветлечебницы, который выдавал спекулянтам справки для убоя скота, не отражая их в журнале лечебницы; К. — заведующая убойным пунктом, которая допускала убой коров, доставляемых спекулянтами, без проходных ветеринарных свидетельств. Все эти должностные лица вполне правильно были осуждены Харьковским областным судом по ст. ст. 97 и 20—127 УК УССР.

По этим же статьям УК УССР Харьковский областной суд квалифицировал действия должностных лиц комиссионных мага-

¹ Судебная практика Верховного суда Союза СССР. 1946 г., вып. VII.

² См. Судебная практика Верховного суда СССР. 1950 г. стр. 23.

Следует заметить, что в судебной практике встречались дела, по которым должностных лиц, виновных в продаже спекулянтам товаров по повышенным ценам, привлекали к ответственности по ст. 128-в УК РСФСР (ст. 135⁴ УК УССР), как за нарушение установленных розничных цен. Народный суд г. Харькова осудил Х. и П. по ч. 2 ст. 135⁴ УК за продажу заведомым для них спекулянтам денатурированного спирта по повышенным ценам. Верховный суд отметил, что такая квалификация этого преступления извращает смысл данного закона, призванного охранять интересы потребителей, а не спекулянтов, обворовывающих потребителей, и смазывает имеющее место соучастие в спекуляции (см. В УСК Верховного суда СССР. Дела по обвинению в спекуляции, Советская юстиция, 1937 г., № 17, стр. 45).

зинов В., Ш. и Г., содействовавших спекулянтам в реализации вещей через магазин.

Квалификация действий должностных лиц, использующих свое служебное положение в целях содействия спекулянтам, как должностного преступления и соучастия в спекуляции, дает возможность правильно оценить степень общественной опасности этих действий и успешно вести борьбу со спекуляцией.

Совокупность преступлений имеет место и тогда, когда содействие со стороны должностных лиц спекулянтам осуществляется путем хищения. В этих случаях действия должностных лиц должны квалифицироваться по совокупности, как хищение и как соучастие в спекуляции.

В руководящем постановлении Пленума от 20 сентября 1946 г. указано: «Хищение или присвоение должностными лицами товаров и последующая продажа или передача их спекулянтам для спекуляции должны также квалифицироваться по совокупности по соответствующим статьям УК, предусматривающим хищение или присвоение и соучастие в спекуляции. В тех случаях, когда указанные действия должностных лиц причинили крупный ущерб или совершались систематически, либо организованной группой, эти действия должны квалифицироваться по совокупности по закону от 7 августа 1932 г. и как соучастие в спекуляции»¹

Эти указания сохраняют свое принципиальное значение и в настоящее время, когда, в связи с изданием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», статьи УК, предусматривающие ответственность за хищение или присвоение, а также закон от 7 августа 1932 г., не подлежат применению. В соответствии с этим хищение должностными лицами товаров и последующая продажа их частным лицам для спекуляции должны теперь квалифицироваться по этому Указу и по статьям УК, предусматривающим соучастие в спекуляции.

По вопросу об ответственности должностных лиц за соучастие в спекуляции проф. Утевский пишет: «Действия должностных лиц, виновных в продаже спекулянтам товаров, заведомо для спекуляции, должны квалифицироваться по совокупности как злоупотребление служебным положением и соучастие в спекуляции (ст. ст. 109 и 17—107 УК РСФСР). Если должностные лица причинили своими действиями крупный ущерб или если их действия совершались систематически либо организованной группой, то такие действия должны квалифицироваться по совокупности по Указу от 4 июня 1947 года «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и как соучастие в спекуляции»².

Последнее утверждение вызывает следующие замечания.

¹ Судебная практика Верховного суда СССР. 1946 г., вып. VII, 1947 г., стр. 4—6.

² Б. С. Утевский. Названная работа, стр. 175.

Для квалификации действий должностных лиц по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. недостаточно установить, что эти действия причинили крупный ущерб либо совершались систематически, либо организованной группой. Привлечение к ответственности должностных лиц за соучастие в спекуляции и за хищение может иметь место лишь в тех случаях, когда в действиях должностного лица установлены все признаки хищения. При этом квалификация действий должностных лиц, виновных в хищении и в содействии спекуляции, по Указу Президиума Верховного суда СССР от 4 июня 1947 года и по соответствующим статьям УК должна иметь место независимо от того, имеются ли в деле отягчающие обстоятельства — причинение крупного ущерба, систематичность или наличие организованной группы. Эти обстоятельства имеют значение лишь для применения той или иной статьи Указа Президиума Верховного Совета СССР (наряду с статьями УК, предусматривающими соучастие в спекуляции) ¹.

Соучастие должностных лиц в спекулятивных действиях нередко встречается в судебной практике.

Спекуляция зачастую связана с различного рода злоупотреблениями в торговом аппарате. Должностные лица торгующих государственных и кооперативных организаций в ряде случаев выступают в качестве пособников спекулянтов, снабжая их за взятки товарами, нарушая правила торговли, отпуская в одни руки товары в количествах, превышающих установленные нормы, и т. д. Спекуляция теснейшим образом связана также и с хищениями социалистической собственности. Спекулянт и вор действуют заодно. Должностные лица, — расхитители социалистической собственности, — либо сами сбывают похищенное, либо, чаще всего, пользуются услугами посредников и спекулянтов. Последние часто выступают и в качестве организаторов хищения.

Поэтому в делах о спекуляции необходимо выявлять злоупотребления или хищения, способствующие спекуляции, для привлечения виновных лиц к ответственности.

Еще в постановлении Пленума от 31 декабря 1938 г. «О судебной практике по делам о спекуляции» ² указывалось на необходимость установления связи спекулянтов с работниками торговли и кооперации.

Эта связь может быть установлена в частности путем выявления происхождения товаров, являющихся предметом спекуляции. В постановлении Пленума от 20 сентября 1946 г. говорится: «Предложить судам при рассмотрении дел о спекуляции исследовать вопрос об источниках приобретения спекулянтами перепродаваемых ими товаров и в надлежащих случаях выносить определения о привлечении к уголовной ответственности должностных

¹ См. С. И. Тихенко. Названная работа, стр. 89.

² Сборник действующих постановлений Пленума Верховного суда СССР. 1941 г., стр. 9.

лиц торговых организаций, в отношении которых судом будут обнаружены данные о содействии спекуляции»¹.

Несоблюдение этого требования часто влечет отмену приговора.

Так, Судебная Коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР своим определением от 7 января 1948 г. отменила по этим основаниям приговор народного суда по делу Р., указав, что «по делам о спекуляции органы следствия и суд должны исследовать не только обстоятельства, относящиеся к скупке и перепродаже товаров, но и к источникам их приобретения, привлекая к ответственности виновных в незаконной продаже либо в хищении и последующей передаче или продаже товаров спекулянтам»².

Однако, и до настоящего времени органы расследования и суд в ряде случаев не выявляют источники получения товаров спекулянтами, связь их с отдельными работниками торговой сети³.

Устранение этого серьезного недостатка следственной и судебной практики является одним из условий успешной борьбы со спекуляцией.

---

¹ Судебная практика Верховного суда СССР. 1946 г., вып. VII 1947 г., стр. 4.

² Судебная практика Верховного суда СССР. 1948 г., вып. III, стр. 16.

³ См., За дальнейшее укрепление законности в работе судебных органов (передовая). Социалистическая законность, 1955 г., № 9, стр. 4.

Кандидат юридических наук Л. Н. СУГАЧЕВ

ОБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ОСКОРБЛЕНИЯ ПО СОВЕТСКОМУ УГОЛОВНОМУ ПРАВУ

Коммунистическая партия и Советское правительство проявляют постоянную заботу о личности и ее интересах. В исторических решениях XX съезда КПСС нашла яркое выражение неустанная забота Партии и Правительства о дальнейшем улучшении благосостояния советских людей.

Важнейшее значение в обеспечении прав и законных интересов личности имеет Основной закон Советского государства — Конституция СССР. Советская Конституция провозгласила и гарантировала величайшие демократические права и свободы граждан нашей страны. На страже прав и законных интересов советских граждан стоит также советское уголовное законодательство, охраняющее жизнь, здоровье, свободу и достоинство личности.

В настоящее время, в условиях строительства коммунистического общества, посягательства на достоинство личности являются особенно нетерпимыми. Между тем, несмотря на столь важное значение решительной борьбы с этими посягательствами, и в том числе с оскорблением, вопросам об уголовной ответственности за это преступление не уделено еще достаточное внимание в литературе советского уголовного права. В настоящей статье рассматриваются некоторые из этих вопросов, именно те, которые относятся к объективной стороне оскорбления.

I

Объективная сторона оскорбления состоит в неприличном по форме обращении с другим человеком.

Фактические признаки объективной стороны оскорбления чрезвычайно разнообразны. Таковы, например произнесение по

адресу потерпевшего нецензурных слов, плевков в лицо, нанесение пощечины и т. п. Но оскорбление может быть нанесено и путем такого обхождения с личностью, признание которого оскорбительным зависит от характера отношений между лицами, от особой интонации, с которой те или иные слова или выражения произносятся по адресу потерпевшего.

Определение оскорбления как неприличного обхождения с человеком не только указывает на фактические признаки, присущие объективной стороне данного преступления, но и раскрывает его социальное содержание.

Социально-политическая характеристика объективной стороны оскорбления тесно связана со значением, социально-политической ценностью объекта этого посягательства.

Неприличное, оскорбляющее достоинство человека обхождение противоречит требованиям, вытекающим из норм коммунистической нравственности, не соответствует установившимся в социалистическом обществе взаимоотношениям людей. Оскорбление,— пишет проф. А. А. Пионтковский,— «...состоит в таком обращении с потерпевшим, которое выражает отрицательную оценку человеческого достоинства, причем оценку, данную в такой форме, которая противоречит установленным в социалистическом обществе правилам поведения, противоречит требованиям коммунистической нравственности»¹.

Наряду с этим, социально-политическая характеристика объективной стороны оскорбления включает в себе указание на общественную опасность (противоправность) этого деяния, указание на то, что охраняемый уголовным законом объект — достоинство личности — представляет собой высокую социальную ценность с точки зрения правил социалистического общежития. «Важность и значение некоторых объектов столь велики,— указывает проф. Н. Д. Дурманов,— что посягательства на них всегда являются опасными и юридически рассматриваются как преступления. Таковы посягательства на диктатуру рабочего класса, на внешнюю безопасность СССР, на социалистическую собственность и социалистическую систему хозяйства, на жизнь и телесную неприкосновенность, свободу и честь людей и многие другие»².

Из социально-политической характеристики объективной стороны оскорбления, как деяния общественно-опасного, вытекает следующий важный вывод: признание наличия или отсутствия оскорбительного обхождения с личностью зависит от материального определения понятия преступления, как деяния общественно-опасного (ст. 4 УК УССР, ст. 6 УК РСФСР).

Это положение означает необходимость объективного,— социально-политического,— критерия в вопросе об оскорбительности поведения обвиняемого, о недопустимости в этом отношении

¹ А. А. Пионтковский, В. Д. Меньшагин. Курс советского уголовного права. Особенная часть, том. I, М., 1955 г., стр. 658—659.

² Н. Д. Дурманов. Понятие преступления. М.—Л., 1948 г., стр. 132.

«субъективных, произвольных оценок самого потерпевшего. «...Лишь такая отрицательная оценка качеств человека может быть признана судом оскорбительной, которая объективно сделана в неприличной, противоречащей правилам социалистического общежития форме. Суд, таким образом, не может исходить из субъективного восприятия отдельных лиц, считающих себя оскорбленными, — он должен руководствоваться в решении этого вопроса правилами социалистического общежития»¹.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР в определении от 25 мая 1949 г. по делу Кауфмана отметила: «Наличие тяжелого оскорбления, как признак состава преступления, предусмотренного ст. 138 УК РСФСР, должно быть установлено судом, руководствующимся при оценке тяжелого оскорбления своим социалистическим правосознанием, а не субъективной оценкой виновного».

Приговором Народного суда 4 участка Ленинского района г. Харькова гр-ка М. была осуждена по ст. 167 УК УССР. Она была признана виновной в том, что на собрании коллектива учреждения назвала гражданина Ш. «личным врагом». Это выражение Ш. воспринял как оскорбление. Судебная коллегия по уголовным делам Харьковского областного суда, рассмотрев дело по кассационной жалобе осужденной, отменила приговор и дело прекратила, указав что высказывание М. «Ш. — мой личный враг» не может быть признано оскорбительным.

Объективная сторона оскорбления состоит в неприличном по форме обхождении с человеком. Поэтому объективная сторона оскорбления имеется налицо, независимо от того, соответствует ли действительности выраженная в неприличной форме отрицательная оценка, данная личности потерпевшего. Можно высказывать всякую правду, но нельзя высказывать правду во всякой форме. Ссылка виновного на правильность данной им оценки оскорбленного не устраняет наличия оскорбления и должна быть отвергнута судом.

Судебная практика придерживается этой точки зрения.

Объективная сторона оскорбления характеризуется как неприличное обращение с определенным конкретным лицом. Приговором по делу милиционера К. было установлено, что обвиняемый 3 ноября 1942 г., находясь в нетрезвом состоянии и будучи в милицейской форме, допустил, проходя по улице, ряд хулиганских действий и продолжал буйствовать в отделении милиции, куда он был доставлен. Судом первой инстанции действия К. были квалифицированы по ст. 109 (дискредитирование власти), ч. 2 ст. 69 (хулиганство) и ч. 2 ст. 54²¹ (агитация с целью возбуждения национальной розни) УК Туркменской ССР.

¹ В. И. Курляндский. Советский закон на страже интересов личности, М., 1954 г., стр. 78.

Коллегия Верховного суда СССР исключила из приговора ч. 2 ст. 54²¹ УК Туркменской ССР, переквалифицировала действия К. с ч. 2 ст. 69 УК Туркменской ССР на п. «б» ст. 204⁵ того же УК (оскорбление военнослужащего). Пленум Верховного суда СССР в своем постановлении по этому делу признал, что Коллегия неосновательно переквалифицировала действия К. на п. «б» ст. 204⁵ Туркменской ССР, так как К. никому персонально оскорбления не наносил, а допустил нецензурные выражения в общественном месте, что явилось одним из элементов его хулиганских действий¹.

II

Для более полного освещения объективной стороны оскорбления необходимо рассмотреть отдельные виды этого преступления.

Советское уголовное законодательство предусматривает несколько видов оскорбления. При этом в одних случаях критерием является способ нанесения оскорбления. Ст. 167 УК УССР карает «оскорбление, нанесенное кому-либо действием, словесно или письменно»; УК РСФСР в ч. 1 ст. 159 устанавливает ответственность за «оскорбление, нанесенное кому-либо словесно или письменно», а в ч. 2 — за «оскорбление, нанесенное кому-либо действием». В других случаях в основе разграничения отдельных видов оскорбления лежат особые условия совершения этого преступления. Так, ст. 168 УК УССР (ст. 160 УК РСФСР) предусматривает ответственность за «оскорбление, нанесенное в распространенных или в публично выставленных произведениях печати или изображениях». Указанные виды оскорбления известны всем уголовным кодексам союзных республик².

Различные виды оскорбления предусмотрены также в уголовных кодексах стран народной демократии³.

Словесное оскорбление состоит в посягательстве на достоинство потерпевшего посредством произнесения по его адресу оскорбительных слов.

---

¹ Сборник постановлений Пленума и определений Коллегий Верховного суда СССР за 1943 г. М. 1948 г. стр. 44—45.

² См. ст. ст. 237, 238 УК Белорусской ССР; ст. ст. 218, 219 УК Узбекской ССР; ст. ст. 174, 175 УК Грузинской ССР; ст. ст. 202, 204 УК Азербайджанской ССР; ст. ст. 192, 193 УК Таджикской ССР; ст. ст. 185, 186 Армянской ССР; ст. ст. 170, 171 Туркменской ССР.

³ Ст. 165 Уголовного кодекса Народной Республики Болгарии указывает: «Кто скажет или совершит что-либо унижительное для чести или достоинства другого лица в присутствии этого лица, наказывается за оскорбление»; ст. 167 предусматривает ответственность за «оскорбление, нанесенное публично, даже и заочно, в печатном произведении или распространенное другим способом...». Уголовный кодекс Народной Республики Албании в ч. I ст. 172 предусматривает ответственность за «оскорбление лица в устной или письменной форме», а в ч. 2 — за «оскорбление действием, в печати или публично».

В советской уголовно-правовой литературе имеется попытка классифицировать различные формы словесного оскорбления¹. Такая классификация является практически бесполезной. Конкретные формы словесного оскорбления чрезвычайно разнообразны, а признание поведения оскорбительным зависит, как было указано выше, не только от смысла самих слов, произнесенных по адресу потерпевшего, но и от характера отношений между лицами, иногда даже от особой интонации, с которой те или иные слова или выражения произносятся. Подведение конкретного случая словесного оскорбления под тот или иной раздел соответствующей классификации имело бы смысл лишь при условии, что этим определялась бы большая или меньшая степень общественной опасности конкретного посягательства на достоинство личности. В действительности же степень резкости, грубости, тяжести оскорбления, влияющая на меру наказания, определяется судом не по каким-либо моментам формального характера, а на основе учета всех конкретных обстоятельств дела.

Письменное оскорбление состоит в посягательстве на достоинство потерпевшего посредством употребления в письменном виде неприличных слов, выражений или изображений по его адресу.

Письменное оскорбление,— так же, как и словесное,— не допускает какой-либо классификации, вследствие невозможности охватить все разнообразие конкретных случаев. Такая классификация была бы лишена и практического значения при определении судом конкретной меры наказания.

Сопоставление письменного оскорбления со словесным приводит к следующему выводу. Письменное оскорбление отличается от словесного по способу посягательства, способ же совершения преступления не является в данном случае элементом, делающим основной состав более опасным. Это подтверждается, в частности, тем, что оскорбление, совершенное словесно или письменно, включается в одни и те же диспозиции статей об оскорблении во всех уголовных кодексах союзных республик.

Оскорбление действием состоит в посягательстве на достоинство потерпевшего путем такого неприличного обхождения с ним, которое либо не связано с прикосновением к телу потерпевшего, либо нарушает его телесную неприкосновенность, не сопровождаясь или сопровождаясь причинением ему физических болезненных ощущений.

К первой группе относится оскорбление, совершаемое путем таких действий, которые имеют конклюдентное значение, т. е. свидетельствуют о намерении виновного нанести оскорбление. Эта группа оскорбления действием представляет собой так назы-

¹ См. А. А. Жижиленко. Преступления против личности. М.—Л., 1927 г., стр. 89—90.

ваемую символическую обиду, проявляющуюся, например, в неприличных жестах по адресу потерпевшего.

Ко второй группе оскорбления действием относятся случаи нарушения телесной неприкосновенности потерпевшего, не сопровождающиеся причинением ему физической боли. Можно, в виде примера, привести следующее дело. Приговором Народного суда 4 участка Ленинского района г. Харькова М. был осужден по ст. 167 УК УССР за оскорбление действием К. Как видно из обстоятельств дела, М. опоздал на работу на 30 минут, и К. написала соответствующий рапорт. Узнав об этом, М. подошел к К. и, проведя рукой по ее щеке, выпачкал ей лицо.

Оскорбление действием, как конклюдентное, так и в виде нарушения телесной неприкосновенности, не сопровождающееся причинением физической боли потерпевшему, не допускает какой-либо классификации: оно чрезвычайно разнообразно по своему внешнему выражению, и различные внешние формы выражения этого оскорбления сами по себе не определяют степени общественной опасности преступления.

Сопоставление оскорбления действием в указанных выше его видах со словесным и письменным оскорблением приводит к выводу, имеющему значение с точки зрения редакции статьи об оскорблении в будущем УК УССР. Оскорбление действием, с одной стороны, и словесное и письменное, — с другой, отличаются между собой только по способу посягательства. Этот способ совершения преступления — оскорбление действием — не является элементом, влияющим на степень общественной опасности данного преступления. Какое, например, значение имеет установление только того обстоятельства, что неприличное обхождение в одном случае выразилось в словесном (или письменном) оскорблении, а в другом — в действии конклюдентного характера или таком, которое, нарушая телесную неприкосновенность, никакого болезненного физического ощущения не производит?

С этой точки зрения и должна быть дана оценка статей об оскорблении в уголовных кодексах союзных республик. Следует признать правильной позицию Уголовного кодекса УССР (а также УК Белорусской ССР, УК Таджикской ССР), который, следуя в этом отношении за УК 1922 г. (ст. 172), относит к оскорблению, как основному составу, не только словесное и письменное, но и — в указанных выше пределах — оскорбление действием. Отнесение же в Уголовном кодексе РСФСР (а также в Уголовных кодексах Грузинской ССР и Армянской ССР) таких видов оскорбления действием к посягательствам с повышенной опасностью является необоснованным по приведенным выше соображениям.

Отсюда вытекает следующее предложение, относящееся к постановлениям об оскорблении в будущем Уголовном кодексе УССР.

Оскорбление словесное, письменное и действием (в указанных выше пределах последнего), представляя собой различные формы

оскорбления, отличающиеся между собой только по способу совершения этого посягательства, должно быть предусмотрено в качестве основного состава оскорбления. При этом, в диспозиции данной статьи нет надобности приводить перечень способов совершения этого преступления: такой — казуистический — перечень был бы лишен всякого значения.

Иначе должен быть разрешен вопрос относительно третьей группы оскорбления действием, где преступление выражается в таком неприличном обхождении с личностью потерпевшего, которое сопровождается причинением последнему физической боли.

Взгляд, что в этих случаях имеется налицо оскорбление действием, имеет широкое распространение в литературе советского уголовного права.

Так, З. А. Вышинская к оскорблению действием относит не только «разного рода неприличные знаки» и «плевков», но и «пощечину»¹. Б. С. Утевский в качестве примеров оскорбления действием приводит, помимо «различных неприличных жестов», «удары по лицу, имеющие целью оскорбить достоинство человека»².

В советской юридической литературе была высказана точка зрения, согласно которой такого рода действия рассматривались как насилие над личностью, квалифицируемое по ч. I ст. 153 УК УССР (ч. I ст. 146 УК РСФСР). «..Пощечина,— указывал А. А. Жижиленко,— должна рассматриваться с точки зрения Уголовного кодекса не как обида действием, а как насилие над личностью»³.

С этим нельзя согласиться. Оскорбление действием в указанных случаях представляет собой такое посягательство, которое наносит ущерб двум непосредственным объектам — достоинству личности и ее телесной неприкосновенности (здоровью). Статья же 153 УК УССР (ст. 146 УК РСФСР) имеет в виду случаи, когда действия виновного причиняют ущерб лишь одному объекту — телесной неприкосновенности личности. Поэтому юридическая характеристика оскорбления действием, причинившим физическую боль, только как насилия над личностью не обеспечивает должной охраны такого важного интереса личности, как ее достоинство, не обеспечивает должного учета своеобразия и степени общественной опасности этого преступления.

¹ См. З. А. Вышинская. Преступления против личности. М., 1939 г., стр. 47.

² См. Б. С. Утевский. Уголовное право, М., 1950 г., стр. 206. См. также А. Трайнин, В. Меньшагин, З. Вышинская. Уголовный кодекс РСФСР. Комментарий, М., 1946 г., стр. 205; В. Д. Меньшагин, З. А. Вышинская. Советское уголовное право. М., 1950 г., стр. 333; А. Н. Трайнин. Состав преступления по советскому уголовному праву М. 1951 г., стр. 199; М. Д. Шаргородский. Ответственность за преступления против личности, Л. 1953 г., стр. 105.

³ А. А. Жижиленко. Названная работа, стр. 92—93.

Другие советские юристы полагают, что в оскорблении, совершенном при помощи удара или иного насильственного действия, имеется так называемая идеальная совокупность двух преступлений — именно оскорбление действием и нанесение удара. «Если действие, причиняющее боль, выполнено с целью нанести оскорбление,— писал С. Мокринский,— оно будет отвечать составам двух преступлений,— ст. ст. 167 и I ч. 153 УК УССР (2 ч. 159 и I ч. 146 УК РСФСР)»¹. Такого же взгляда придерживался и А. А. Пионтковский. «При наличии физической боли,— указывал автор,— нанесенное оскорбление следует рассматривать как идеальную совокупность составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 146 и 159. ...Поэтому оскорбление действием в виде нанесения сильного удара по лицу подойдет под состав преступления, предусмотренного ст. 146 и ст. 159 УК»².

Судебная практика в настоящее время также идет по этому пути.

Приговором Народного суда 2 участка Валковского района Харьковской области гражданка С. была признана виновной в том, что, желая оскорбить гражданку Н., нанесла последней пощечину. Народный суд квалифицировал действия С. по совокупности ч. I ст. 153 и ст. 167 УК УССР. Таким же образом поступил Народный суд 6 участка Ленинского района г. Харькова по делу Г. Как видно из обстоятельств дела, Р. передала мастеру, что по вине Г. не выполнено его распоряжение. Присутствовавшая при этом Г. дала Р. пощечину. Народный суд квалифицировал действия Г. по ч. I ст. 153 и ст. 167 УК УССР.

Квалификация оскорбления действием, причинившим болезненное физическое ощущение, как так называемой идеальной совокупности преступлений — оскорбления действием (ст. 167 УК УССР, ч. 2 ст. 159 УК РСФСР) и причинения насилия (ч. 1 ст. 153 УК УССР, ч. 1 ст. 146 УК РСФСР), вызывает следующие возражения.

«Идеальной» совокупностью называются случаи, когда в совершенном обвиняемом деянии содержатся признаки нескольких преступлений (ч. 1 ст. 45 УК УССР, ст. 49 УК РСФСР). В этом

¹ С. Мокринский и В. Натансон. Преступления против личности. Харьков. 1928 г., стр. 67.

² А. А. Пионтковский, Преступления против личности. М., 1938 г., стр. 130; Уголовное право. Особенная часть. М., 1943 г., стр. 207—208. В курсе советского уголовного права, изданном в 1955 г. (стр. 660), как и ранее в учебнике советского уголовного права, издания 1951 г. (стр. 233), А. А. Пионтковский изменил эту точку зрения. Он считает, что «при наличии физической боли (сильный удар по лицу) нанесенное оскорбление охватывается одновременно ст. ст. 146 и 159 УК и квалифицируется в зависимости от обстоятельств дела по ст. 146 или 159 УК». Однако нельзя не обратить внимание на допущенное автором противоречие. Если оскорбление действием охватывается одновременно ст. ст. 146 и 159 УК, то оно не может «в зависимости от обстоятельств дела» квалифицироваться по ст. 146 или по ст. 159 УК.

своим значении понятие так называемой идеальной совокупности к рассматриваемому деянию совершенно неприменимо и, притом, с различных точек зрения.

Представим себе, прежде всего, что одним из преступлений, входящих в совокупность, является такое неприличное обращение, которое никакого насилия, никакой боли потерпевшему не причинило. Но при т. н. идеальной совокупности речь всегда идет о мысленном выделении в совершенном обвиняемым деянии всех признаков каждого из преступлений, входящих в совокупность. Такому, единственно правильному пониманию «идеальной» совокупности противоречит выделение из совершенного обвиняемым деяния — оскорбления действием, причинившим боль, — оскорбления, которое никакой боли потерпевшему не причинило: в этом преступлении как раз отсутствуют все те признаки, которые присущи каждому из преступлений, входящих в совокупность.

Представим себе, что из совершенного обвиняемым деяния мысленно выделяется оскорбление, осуществляемое путем причинения насилия, физической боли, — наряду с преступлением, предусмотренным в ч. 1 ст. 153 УК УССР (ч. 1 ст. 146 УК РСФСР). Но устанавливать здесь т. н. идеальную совокупность двух преступлений — оскорбления действием насильственного характера, с одной стороны, и причинения насилия, с другой, — было бы невозможно.

Эти случаи представляют собой сложный состав преступления, для объективной стороны которого недостаточно неприличного обращения с присущим ему последствием — ущербом для достоинства личности, а необходимо еще установление дальнейшего последствия — причинения физического насилия, боли. К таким — сложным — преступлениям относятся также: разбой, превышение власти, сопровождающееся насилием, ложный донос, обмеривание и обвешивание. Таким образом, различие между сложными (составными) преступлениями и т. н. идеальной совокупностью заключается в том, что в первом случае сам закон объединяет признаки нескольких составов в один, а не предоставляет суду действовать на основании правил об «идеальной» совокупности. Оскорбление действием, причинившим физическую боль, характеризуется совокупностью двух непосредственных объектов единого — сложного преступления, — а не является т. н. идеальной совокупностью двух преступлений.

Оскорбление действием рассматриваемого вида — так же, как конклюдентное и не сопровождающееся причинением физической боли, — устраняет возможность и необходимость какой-либо классификации, поскольку характеризуется разнообразием конкретных черт и не устанавливает каких-либо особенностей, по степени общественной опасности той или иной конкретной формы такого оскорбления действием. Важно только, чтобы физическая боль, причиненная потерпевшему, по своему характеру не выхо-

дила за пределы признаков состава преступления, предусмотренного в ч. 1 ст. 153 УК УССР, ч. 1 ст. 146 УК РСФСР.

Вместе с тем, по сравнению со словесным, письменным, конклюдентным и ненасильственным оскорблением, оскорбление действием рассматриваемого вида представляет существенные особенности. Речь здесь идет о таком способе совершения преступления, который, оставляя неизменным основной состав — неприличное обхождение с человеком, — оказывает влияние на степень общественной опасности данного состава преступления. Он создает более опасный состав, так как оскорбление действием, причинившим физическую боль, наносит ущерб двум непосредственным объектам — достоинству личности и ее телесной неприкосновенности.

С этой точки зрения может быть дана оценка позиции уголовного законодательства союзных республик по вопросу об оскорблении действием рассматриваемого вида, а также судебной практики по делам об оскорблении.

Уголовный кодекс УССР устанавливает, что оскорбление, нанесенное кому-либо действием, словесно или письменно, влечет за собою исправительно-трудовые работы на срок до шести месяцев или штраф до пятисот рублей (ст. 167). Нельзя считать правильным такое приравнивание оскорбления действием, причинившим физическую боль, к другим видам неприличного обхождения с человеком. Необходимо, поэтому, признать практически целесообразной квалификацию этого посягательства судебными органами УССР по признакам ст. 167 и ч. 1 ст. 153 УК.

Уголовный кодекс РСФСР правильно выделяет оскорбление действием в особый состав, более опасный по сравнению с оскорблением словесным и письменным, и устанавливает за него наказание в виде исправительно-трудовых работ на срок до двух месяцев или штрафа до трехсот рублей (ч. 2 ст. 159). Но эта статья вызывает возражения с точки зрения объединения в ней всех видов оскорбления действием по их наказуемости. Следует заметить также, что наказание, которое предусмотрено за оскорбление в ч. 2 ст. 159 (исправительно-трудовые работы на срок до двух месяцев или штраф до трехсот рублей), ниже того, которое установлено за насильственные действия, сопряженные с причинением физической боли, в ч. 1 ст. 146 (исправительно-трудовые работы на срок до шести месяцев или штраф до трехсот рублей). Тем не менее необходимо признать целесообразной квалификацию этого посягательства судами РСФСР по признакам ч. 2 ст. 159 и ч. 1 ст. 146 УК.

Эти соображения следовало бы учесть и при подготовке проекта УК УССР, предусмотрев в нем оскорбление действием, причинившим физическую боль, в качестве самостоятельного — более тяжкого — вида оскорбления.

Оскорбление, нанесенное в распространенных или в публично выставленных произведениях печати или изображениях, является,

согласно ст. 168 УК УССР, оскорблением, нанесенным при отягчающих обстоятельствах, а в соответствии со ст. 160 УК РСФСР, — наиболее тяжким видом оскорбления.

Приговором Народного суда I участка Чугуевского района Харьковской области гр-ка А. была признана виновной в нанесении оскорбления гражданке Г. Оскорбление выразилось в том, что А. изобразила на бумаге карикатурный рисунок, оскорбляющий достоинство потерпевшей, и вывесила его на ставне окна дома последней. Народный суд осудил А. по ст. 168 УК УССР.

Признаком, делающим оскорбление в этих случаях более (наиболее) тяжким, является его публичный характер. Обстановка совершения этого преступления — совершение его в условиях публичности — свидетельствует о большей общественной опасности неприличного обхождения с человеком ввиду большей тяжести ущерба, причиняемого объекту посягательства.

В тексте ст. 168 УК УССР (ст. 160 УК РСФСР), помимо оскорбления в изображениях, предусмотрено только оскорбление «в произведениях печати». Таким образом, нанесение оскорбления в распространенном или публично выставленном письме или в неприличной надписи на стене, заборе и т. п. при буквальном толковании этих статей не может быть квалифицировано как посягательство на достоинство личности, совершенное при отягчающих обстоятельствах, поскольку оно не является оскорблением в «произведении печати». Но совершенно очевидно, что оскорбительное письмо, размноженное простым переписыванием и всяким иным способом, ничем, в сущности, не отличается по характеру и степени общественной опасности от такого же письма, размноженного путем печати. Это полностью относится и к написанной от руки и вывешенной для всеобщего обозрения оскорбительной для потерпевшего записке, надписи на стене и т. п.

Отсюда следует, что диспозицию ст. 168 УК УССР (ст. 160 УК РСФСР) следует толковать шире ее буквального смысла и распространить действие ее на оскорбление не только в печатном, но и иным способом размноженном письменном произведении.

Это положение подтверждается следующим. Диспозиция ст. 168 УК УССР охватывает также «оскорбление, нанесенное в распространенных или в публично выставленных... изображениях». Здесь имеется в виду всякое оскорбительное изображение, независимо от того, сделано ли оно типографским способом или выполнено от руки. Следовательно, и под «произведениями печати» надо, по мысли законодателя, понимать письменное произведение, выполненное любым способом. В пользу такого вывода говорит также обрисовка в советском законодательстве более тяжкого вида клеветы: «Клевета в печатном или иным способом размноженном произведении...» (ч. 2 ст. 169 УК УССР, ч. 2 ст. 161 УК РСФСР).

Однако момент публичности повышает степень общественной опасности не только письменного оскорбления, но и оскорбления, совершенного словесно или действием. В Уголовных кодексах

союзных республик публичное оскорбление представителя власти,— независимо от того, совершенно ли оно письменно, словесно или действием,— признается более тяжким видом оскорбления представителя власти (ст. 71 Украинской ССР, ст. 99 Узбекской ССР). Уголовный кодекс Народной Республики Болгарии и Уголовный кодекс Народной Республики Албании признают оскорбление, совершенное публично, более тяжким видом этого преступления.

По этим основаниям целесообразно в будущем Уголовном кодексе УССР, наряду с видами оскорбления, различающимися между собой по способу посягательства, предусмотреть в качестве наиболее тяжкого вида публичное оскорбление.

Ассистент З. Г. КОРЧЕВА

К ВОПРОСУ О ВРЕДНЫХ ПОСЛЕДСТВИЯХ НАРУШЕНИЯ ТРУДОВОЙ ДИСЦИПЛИНЫ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ

При определении уголовной ответственности за нарушение трудовой дисциплины на железнодорожном транспорте весьма существенное значение имеют общественно-опасные последствия этого преступления.

Согласно прямому указанию закона, по ст. 56—30 «а» УК УССР (ст. 59—3 «в» УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик) может быть квалифицировано не всякое нарушение трудовой дисциплины, а лишь такое, которое вызывает наступление либо возможность наступления определенных, перечисленных в данной статье последствий. Этим определяется важность правильного и исчерпывающего установления характера этих общественно-опасных последствий и их правового значения. Между тем, данный вопрос не получил должного разрешения в советской уголовно-правовой литературе.

Последствия представляют собой те изменения во внешнем мире, которые вызывает преступное деяние, иначе говоря — это тот ущерб, который причиняет преступление охраняемому законом объекту.

Природа ущерба, а в соответствии с ним, и характер последствий могут быть различными.

«Объектом посягательства... могут быть как материальные, так и политические, моральные и иные ценности. В соответствии с этим и последствиями должны быть признаны не только изменения, происходящие в сфере внешней физической природы, но и факты, относящиеся к сфере политической, психической, моральной»¹.

¹ А. Н. Трайнин, Состав преступления по советскому уголовному праву, 1951 г., стр. 194.

В тех случаях, когда ущерб носит характер материального последствия, например, при убийстве, крушении поезда, хищении имущества и т. п., он легко определяется и поддается соответствующей оценке. Последствия в этих преступлениях являются одним из обязательных признаков состава, и преступление считается оконченным лишь при точном установлении данного последствия.

Труднее определить и дать точную оценку ущербу, носящему политический, моральный или иной какой-либо характер. Так, например, спекуляция всегда приносит вред советской торговле, но определить, в какой мере отдельный случай спекуляции повредил советской торговле, невозможно. Равным образом трудно установить ущерб, которые причиняют такие преступления, как оскорбление, недоносительство, неявка по мобилизации и т. п. Однако ущерб во всех этих случаях, безусловно, имеется и включается в содержание общественно-опасного действия, в виду чего установление последствий для состава указанных преступлений не обязательно.

Характер и содержание последствия любого преступления определяется характером его объекта, т. е. той общественной ценности, которой причинен ущерб.

Предусмотренное ст. 56—30 «а» УК УССР преступление посягает на два непосредственных объекта: на нормальную работу транспорта по обеспечению правильности и безопасности движения поездов (основной непосредственный объект) и на трудовую дисциплину (дополнительный непосредственный объект).

Различный характер этих общественных отношений предполагает различную природу ущерба, причиняемого преступным действием, и, в соответствии с этим, различный характер общественно-опасных последствий.

Ущерб, причиняемый трудовой дисциплине, как объекту посягательства, выражается в нарушении правил поведения, обеспечивающих нормальное осуществление трудового процесса на транспорте и воспитание у советских граждан коммунистического отношения к труду.

Это нарушение приводит в конечном итоге к неслаженности и несогласованности в работе, к нечеткости действий отдельных работников, к расхлябанности, безответственности, к снижению производительности труда и т. п. Данный ущерб не может быть точно установлен в каждом отдельном случае и определен в какой-либо конкретной форме, так как последствия, в которых он выражается, не имеют материального характера. В связи с этим, последствия не включаются в формулу состава преступления и специального установления не требуют. Ущерб, причиняемый указанному объекту, полностью охватывается понятием конкретного действия, и установление самого действия, т. е. нарушения трудовой дисциплины, есть вместе с тем определение того ущерба, который ей причинен.

Иной характер носит ущерб, причиняемый основному непосредственному объекту рассматриваемого состава преступления — нормальной работе транспорта по обеспечению правильности и безопасности движения поездов. Этот ущерб, главным образом, и определяет опасность данного преступления.

Последствия, являющиеся необходимым элементом состава этого преступления, определены в законе следующим образом: «если это нарушение повлекло или могло повлечь повреждение или уничтожение подвижного состава, пути и путевых сооружений, либо несчастные случаи с людьми, несвоевременную отправку поездов и судов, скопление на местах выгрузки порожняка, простой вагонов и судов...» Характер перечисленных последствий никаких споров в советской юридической литературе не вызывает, и все авторы полагают, что эти последствия представляют собой реальный ущерб нормальной работе транспорта по обеспечению правильности и безопасности движения поездов и носят так называемый материальный характер, т. е. характер механических или физических изменений в объекте.

Существенные разногласия вызывает содержащееся в законе указание на такие действия работников транспорта, которые еще не повлекли, но могли повлечь вышеперечисленные последствия, иначе говоря — действия, представляющие собой угрозу правильности и безопасности движения поездов.

Здесь имеются, в основном, две различные точки зрения:

Проф. А. Н. Трайнин, признавая наличие последствий, а в соответствии с этим, и ущерба при совершении любого преступления, полагает, что предусмотренное в ст. 56—30 «а» УК УССР действие, которое не повлекло еще указанных в статье последствий, но могло их повлечь, причиняет определенный ущерб объекту. «... Ст. 59—3 «в», — утверждает проф. Трайнин, — предусматривает в указанных случаях реальное и возможное наступление не вообще каких-либо последствий, а определенных, в законе описанных, последствий... Возможное отсутствие этих последствий отнюдь не исключает реальное наличие иных последствий»¹.

Этой точки зрения придерживается и Б. С. Никифоров. Не обращаясь специально к характеристике рассматриваемого состава преступления, Б. С. Никифоров отмечает, что «последствие в виде нарушения объекта имеется при совершении любого преступления»².

Противоположную точку зрения высказывает проф. Н. Д. Дурманов. Он пишет: «А. Н. Трайнин неправ, утверждая, что не существует оконченного преступления, при котором не был бы причинен вред объекту... Закон знает ряд случаев, когда преступление является оконченным только при возможности наступле-

¹ А. Н. Трайнин, указанная работа, стр. 199.

² Б. С. Никифоров. «Объект преступления по советскому уголовному праву». Автореферат докторской диссертации, 1956 г. стр. 25.

ния тяжелых последствий (ст. ст. 59—3 «в», 109, 110 УК и др.)»¹. Тем самым проф. Н. Д. Дурманов отрицает наличие результата и причинения определенного ущерба в тех составах преступления, предусмотренных ст. 56—30 «а» УК УССР, в которых действие не вызвало последствий материального характера, а лишь создало угрозу их наступления.

Таково же мнение и И. С. Тышкевича.²

Нужно сказать, что в работах, специально посвященных анализу состава преступления, предусмотренного ст. 56—30 «а» УК УССР, этому важному вопросу совершенно не уделялось внимания³.

Правильное разрешение данного вопроса имеет существенное практическое значение. Если признать, что угроза правильности и безопасности движения поездов, которая заключается в создании возможности наступления вредных последствий, перечисленных в ст. 56—30 «а» УК УССР, входит в состав данного преступления как определенное его последствие, то указанная угроза должна устанавливаться не по характеру самого действия, взятого изолированно, а в зависимости от наличия тех обстоятельств, которые определяют результат этого действия. В связи с этим, по ст. 56—30 «а» УК УССР (и соответствующим ст. ст. УК других союзных республик) может быть квалифицировано не всякое нарушение трудовой дисциплины, а лишь такое, которое вызывает реальную угрозу в виде создавшейся на транспорте опасной обстановки.

Если же считать, что предусмотренная в законе угроза не является последствием рассматриваемого преступления, а определяется опасностью действия самого по себе, то тогда любое нарушение трудовой дисциплины (сон стрелочника на посту, нарушение правил движения машиниста, халатность мастера или бригадира пути и т. п.), независимо от того, создает оно или не создает реальную угрозу для правильности и безопасности движения поездов, должно квалифицироваться как преступление. Это чрезмерно расширило бы сферу применения ст. 56—30 «а» УК УССР, с чем, конечно, согласиться нельзя.

Предусмотренная в ст. 56—30 «а» УК УССР угроза представляет собой не только конкретное и реально существующее последствие данного преступления, но и выражает определенный ущерб, который причиняет это преступление правильности

¹ Н. Д. Дурманов. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, 1955 г., стр. 40.

² И. С. Тышкевич. Понятие приготовления и покушения в советском уголовном праве, автореферат кандидатской диссертации, 1953 г.

³ См. С. А. Домохин. «Ответственность за преступления на автотранспорте», 1956 г. и диссертации: М. Шнейдера «Преступление против трудовой дисциплины на ж. д. транспорте СССР», 1948 г., В. В. Даниэльбека «Транспортные преступления по советскому уголовному законодательству», 1949 г. и А. А. Чистякова «Борьба с нарушениями трудовой дисциплины на железнодорожном транспорте СССР», 1952 г.

и безопасности движения поездов на железнодорожном транспорте.

Под действием, которое еще не повлекло, но могло повлечь перечисленные в законе последствия, понимается создание на транспорте такой обстановки, при которой вполне реальной является опасность крушения, аварии, несчастных случаев с людьми или других, указанных в законе, последствий. Во всех этих случаях преступление считается оконченным при наличии обстановки, содержащей в себе опасность наступления вредных последствий. Эта опасная обстановка выражается в различного рода обстоятельствах, которые в своей совокупности и представляют реальную угрозу для правильности и безопасности движения поездов. Гр. Катковский был признан виновным в том, что, работая мастером пути, халатно отнесся к своим обязанностям, вследствие чего оказалось, что на его участке путь был захламлен остатками лесоматериала и кирпича, шпалы были полусгнившие, требующие немедленной замены, в одном месте был дефектный рельс, своевременно им незамеченный. Все эти факты свидетельствовали о том, что в данном случае создалась обстановка, опасная для движения поездов. Исходя из этого, Железнодорожная Коллегия Верховного Суда СССР признала правильным применение к Катковскому ст. 59—3 «в» УК РСФСР¹.

На возможность наступления вредных последствий было указано и в приговоре Линейного Суда Южной ж. д. от 15 октября 1955 г. по делу Деркача. Линейный суд отметил, что дежурный по станции Деркач, не потребовав от стрелочника проверки свободности пути, дал указание приготовить маршрут для принятия поезда на этот путь. В результате — прибывший на станцию поезд был принят на путь, занятый другим поездом, и столкновение было предотвращено лишь благодаря бдительности машиниста.² В данном случае действия дежурного по станции также создали опасную на этом участке пути обстановку, содержащую в себе угрозу наступления предусмотренного законом последствия.

Создание такой опасной обстановки означает наступление определенных изменений в объективной действительности, изменений, которые явились результатом преступных действий виновного лица. Поэтому данная опасная обстановка и должна рассматриваться как реально существующее последствие преступления.

Это последствие находит свое конкретное выражение в наличии определенных обстоятельств и включается в состав данного преступления как необходимый признак объективной его стороны. Всякое нарушение правил движения машинистом, сон стрелочника на посту, халатность мастера пути и т. п. в известной мере

¹ Дело Катковского и др., Сборник постановлений Пленума и определений Верховного Суда СССР за 1939 г., стр. 32.

² Дело Линейного суда Южной ж. д. № 371 за 1955 г.

содержит в себе угрозу правильности и безопасности движения поездов, но для состава преступления, предусмотренного в ст. 56—30 «а» УК УССР, этого недостаточно. Необходимо еще установить наличие обстоятельств, свидетельствующих о создавшейся в результате преступных действий определенной опасной обстановки. Так например, если в результате проезда машинистом семафора или неправильного приготовления маршрута стрелочником поезд оказался на занятом другим паровозом пути, при чем для торможения и остановки оставалось недостаточное расстояние, то при таком положении можно говорить о конкретной угрозе столкновения двух поездов а, следовательно, о наличии состава преступления, предусмотренного ст. 56—30 «а» УК УССР.

Указанная опасная обстановка, являясь конкретным последствием преступления, в то же время представляет собой и определенный ущерб, причиняемый этим преступлением нормальной работе транспорта по обеспечению правильности и безопасности движения поездов.

Этот ущерб своеобразен, поскольку выражается в последствиях, не имеющих материального характера, но от этого он не перестает быть реальным ущербом для правильной работы транспорта по организации движения поездов.

Иллюстрацией может служить следующее дело: машинист Борматов, готовя паровоз, решил перед отправлением пойти позавтракать. Уходя с паровоза, Борматов открыл регулятор, чтобы спустить пар, но при этом, по халатности, забыл винт переменного хода поставить на центр. Вскоре паровоз, вследствие накопления пара, тронулся с места, прошел на большой скорости, без бригады и управления, станцию, вышел на перегон и остановился из-за израсходования пара за несколько километров от станции.

Действия Борматова были квалифицированы как нарушение трудовой дисциплины на ж. д. транспорте.¹ Последствия, которые имеет в виду ст. 56—30 «а» УК УССР: крушение, аварии, задержка в отправке какого-либо поезда, человеческие жертвы и т. п., в данном случае не наступили. Но допущенное подсудимым нарушение, бесспорно, создало реальную возможность наступления этих последствий. Исходя из той обстановки, которая была создана на станции самопроизвольно ушедшим паровозом, можно утверждать, что ущерб правильности и безопасности движения поездов все же был нанесен. Этот ущерб выразился в том, что работа станции в тот момент была буквально парализована и все силы работников станции были направлены на остановку несущегося без управления паровоза. Более того, по всей линии было объявлено угрожающее положение. Следовательно, работа транспорта по организации движения поездов в этот момент не пред-

¹ Приговор Линейного суда Уралоблсуда от 16/1 1931 г., журнал «Советская юстиция» № 9 за 1931 г., стр. 18.

ставляла уже того единого конвейера, работающего с точностью часового механизма, каждый из производственных звеньев которого продолжает работу другого и где имеется исключительная слаженность и взаимодействие всех его частей.

Такого же характера ущерб был нанесен и в случае, описанном в газете «Труд» от 11 июля 1945 г.

«6 июня на участке Тула — Серпухов пассажиры скорого поезда № 16 Днепропетровск — Москва заметили, что с составом творится что-то неладное. То он шел на повышенной скорости, то вдруг резко останавливался, а потом рывком трогался с места. Главный кондуктор поезда т. Шушин сбросил на станции Тарусская записку с просьбой сообщить в Серпухов, чтобы там осмотрели поезд. В Серпухове весьма удивились, когда увидели, что на паровозе нет машиниста. Там находился только его помощник Неред. А машинист, как вскоре выяснилось, соскочил у светофора, чтобы подобрать упавшую фуражку. Все объяснилось просто. Машинист И. А. Снетков и его помощник П. А. Неред были пьяны».

В описанном случае Снетков и Неред были своевременно отстранены от работы на паровозе, а результатом допущенного ими нарушения была лишь угроза наступления указанных в ст. 56—30 «а» УК УССР последствий. Эта угроза и определила общественную опасность данного нарушения.

Следует отсюда прийти к выводу, что создание опасной обстановки является таким же реально существующим последствием, причиняющим ущерб нормальной деятельности транспорта по движению поездов, как и крушение, аварии, человеческие жертвы и т. п. Различие заключается лишь в разном характере ущерба, который причиняется производственной деятельности транспорта.

О характере подобного «причинения» говорит в автореферате своей диссертации Б. С. Никифоров. Рассматривая «усеченные составы», которые, по мнению большинства советских криминалистов, не причиняют ущерба соответствующему объекту, а только создают угрозу его причинения, автор пишет: «При внимательном изучении составов этой группы неизменно обнаруживается, что речь здесь в действительности идет не о незавершенной преступной деятельности, а о действиях, нарушающих особые, самостоятельные интересы, особые общественные отношения, которые законодатель, конструируя эти составы, стремится поставить под охрану; следовательно, речь в этих случаях идет о действиях, в указанном смысле полностью завершенных (ст. ст. 59—3, 133, 156 УК РСФСР). Обычно эти действия подобно формальным преступлениям порождают вредные последствия, прежде всего в политической, моральной, организационной и т. п. областях».¹

¹ Б. С. Никифоров, указанный автореферат, стр. 25, 26.

К данной группе посягательств полностью должно быть отнесено и преступление, предусмотренное ст. 56—30 «а» УК УССР, при наличии вредных последствий в виде созданной на транспорте опасной обстановки.

Наличие этих последствий определяет квалификацию рассматриваемого состава преступления, так как действие само по себе, как было уже сказано, причиняет ущерб лишь трудовой дисциплине и не содержит в себе ущерба основному объекту данного преступления — нормальной работе транспорта по обеспечению правильности и безопасности движения поездов.

В самом деле: нарушение правил движения, недоброкачественный ремонт подвижного состава и пути, несвоевременная отправка поездов — все эти действия, свидетельствуя о нарушении трудовой дисциплины, еще не говорят о том, нарушена ли этим самым правильность и безопасность движения поездов. Направленность деяния на этот последний объект можно установить, лишь обратившись к последствиям, т. е. к установлению того результата, который повлек за собой данное преступное действие.

Этот результат может в одних случаях выражаться в крушении, аварии, человеческих жертвах и т. п., в других — в создании опасной обстановки, т. е. в наличии реальной возможности наступления указанных последствий. Однако, и в том и в другом случае налицо имеется конкретный ущерб, причиненный объекту данного преступления.

Все изложенное дает основание утверждать, что угроза правильности и безопасности движения поездов, предусмотренная ст. 56—30 «а» УК УССР, может быть признана вредным последствием лишь в том случае, если она выражается в наличии обстоятельств, определяющих в своей совокупности опасную на железнодорожном транспорте обстановку.

На этой позиции стоит и судебная практика. Рассматривая дела о нарушениях работниками транспорта трудовой дисциплины, суды усматривают состав преступления только там, где подсудимые своими действиями создали опасную на ж. д. транспорте обстановку, грозящую наступлением тяжелых последствий.

Установление в каждом отдельном случае факта создания опасной обстановки на транспорте представляется на практике наиболее трудным, что приводит иногда к неправильной квалификации рассматриваемого преступления.

Так, Линейный суд Одесской ж. д. 6 декабря 1949 г. осудил по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. проводника вагонов Задонского за появление на работе в нетрезвом состоянии. Железнодорожная Коллегия Верховного суда СССР не согласилась с приговором Линейного суда на том основании, что появление Задонского в нетрезвом виде на работе, которая по своему характеру связана с безопасностью движения поездов, подлежит квалификации по ст. 56—30 «а» УК УССР. Пленум Верховного Суда СССР отменил определение Коллегии

и указал: «по делу было установлено, что Задонский был отстранен от работы еще до отправления в рейс и заменен другим работником соответствующей квалификации и, таким образом, явка его на работу в нетрезвом виде не только не повлекла, но и не могла повлечь за собой последствия, предусмотренные ч. 1 ст. 56—30 «а» УК УССР»¹.

Из этого постановления Пленума Верховного Суда СССР вытекает, что для состава ст. 56—30 «а» УК УССР недостаточно опасности самого действия, необходимо также установить факт создания опасной обстановки, как результата этого действия.

Наличие такой опасной обстановки имело место в деле Кузнецова.

Бригадир пути Кузнецов приговором Линейного суда Южной ж. д. от 20 сентября 1950 г. был осужден по ст. 56—30 «а» УК УССР за нарушение трудовой дисциплины на транспорте, выразившееся в том, что он 10 апреля 1950 г., оставив вверенную ему бригаду рабочих, производивших перешивку пути, ушел с работы и напился пьяным. Генеральный Прокурор СССР принес на данный приговор протест, в котором указывал, что действия Кузнецова следует квалифицировать по ст. 5 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г., так как никакой угрозы транспорту действия осужденного не создали.

Железнодорожная Коллегия Верховного Совета СССР, отклоняя протест, указала: «как видно из материалов дела 10 апреля 1950 г., под руководством Кузнецова производилась перешивка пути, поэтому, отлучаясь с работы или появляясь на работе в нетрезвом виде, Кузнецов ставил под угрозу безопасность движения поездов на месте производства ремонта пути»².

Вполне обоснованным является вывод суда по вопросу о создании опасной обстановки и при разрешении другого уголовного дела. Бригадир пути Лисунов был осужден по ст. 59—3 «в» УК РСФСР за то, что, производя путевые работы на стрелочном переводе стрелки № 2, не оградив место ремонта и, не предупредив об этом диспетчера, уехал на перегон за рельсом для замены, а затем ушел на обеденный перерыв. Линейный суд правильно квалифицировал действия Лисунова по ст. 59—3 «в» УК РСФСР, так как разобранный для ремонта стрелка (в которой было снято подряд два болта в стыке крестовины) и неогражденное место работы создали реальную опасность для движения поездов на этом участке»³.

Заслуживает в этом отношении внимания также дело старшего кондуктора Настенко, который был привлечен к уголовной ответственности по ст. 105 УК УССР за то, что в свой рабочий тамбур посадил за взятку четырех бесплатных пассажиров. Окруж-

¹ Журн. «Социалистическая законность», № 2, 1951 г., стр. 91.

² Определение Железнодорожной Коллегии Верховного Суда СССР № 05—6249 от 27 декабря 1950 г.

³ Дело Линейного суда Южной ж. д. № 943 за 1951 год.

ной суд ж. д. транспорта Донецкого округа не согласился с такой квалификацией и указал: «Переходя к определению правильной квалификации, Окружной суд находит, что действие Настенко, работающего старшим кондуктором, как это видно из обстоятельств дела, выразилось в том, что он нарушил трудовую дисциплину на ж. д. транспорте тем, что в рабочий тамбур скорого пассажирского поезда № 27 посадил на ст. Солнцево за взятку в 120 рублей 4-х бесплатных пассажиров, которые следовали в тамбуре до ст. Харьков. Тем самым Настенко отвлекался от своих прямых обязанностей ст. кондуктора и в тамбуре, занятом пассажирами, не мог нормально выполнять свои обязанности. Данное нарушение трудовой дисциплины со стороны Настенко могло повлечь указанные в ст. 56—30 «а» ч. 1 УК УССР последствия»¹.

Позиция, которую занял в данном случае Окружной суд, не может быть признана обоснованной. Действия Настенко, в какой-то степени, конечно, создали возможность наступления указанных в ст. 56—30 «а» УК УССР вредных последствий. Однако, эта возможность не представляется в данном конкретном случае настолько реальной, чтобы можно было говорить о создании опасной обстановки, являющейся необходимым последствием состава указанного преступления.

Все эти примеры свидетельствуют о том, что создание возможности наступления указанных в ст. 56—30 «а» УК УССР последствий суды рассматривают, исходя не только из опасности самого действия, но и в зависимости от того общественно-опасного результата, в виде опасной обстановки на железнодорожном транспорте, которую повлекло за собой данное действие.

Правильное понимание опасной для нормальной работы транспорта обстановки, как необходимого элемента состава рассматриваемого преступления, является важным условием правильной квалификации действий виновного лица и установления его уголовной ответственности. Успешное разрешение этих вопросов еще больше повысит эффективность борьбы с преступными посягательствами на советский железнодорожный транспорт.

---

¹ Определение Окружного Суда Донецкого округа № 50 (5641 — д).

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Кандидат юридических наук С. А. АЛЬПЕРТ

ПРИНЦИП ПУБЛИЧНОСТИ (ОФИЦИАЛЬНОСТИ) И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

В исторических решениях XX съезда Коммунистической партии Советского Союза подчеркнута важность всемерного укрепления социалистической законности в нашей стране. В решении этой задачи особое значение имеет деятельность следственно-прокурорских органов по расследованию преступлений и избличению преступников. Эта деятельность осуществляется в особой, самостоятельной стадии советского уголовного процесса — в стадии предварительного расследования.

Уже в самом названии этой стадии, в указании на то, что расследование, осуществляемое в ней, является по своему характеру предварительным, определяется ее место и значение в системе советского уголовного процесса.

Деятельность органов расследования предшествует деятельности суда. По общему правилу, нужно до суда собрать необходимые доказательства по делу, чтобы суд мог вынести законный и обоснованный приговор.

Разумеется, при рассмотрении дела суд не ограничен тем доказательственным материалом, который собран органами расследования; он может как по ходатайству сторон, так и по собственной инициативе истребовать и рассмотреть дополнительные доказательства. И это понятно, так как судебное разбирательство представляет собой новое, самостоятельное исследование всех собранных по делу доказательств.

Отмечая самостоятельный характер производимого в стадии судебного разбирательства исследования, необходимо подчеркнуть и его теснейшую связь со всей предшествующей деятельностью органов расследования. Собирая и тщательно исследуя доказательства, относящиеся к событию преступления и лицу,

совершившему его, органы расследования тем самым обеспечивают реальную возможность успешного судебного разбирательства.

Большое значение четкой работы органов расследования для осуществления задач социалистического правосудия определяет важность теоретической разработки тех вопросов советского уголовного процесса, от правильного разрешения которых зависит высокое качество следственной работы. В этой связи значительный интерес представляет вопрос о принципах советского уголовного процесса.

В советской юридической литературе было уделено много внимания раскрытию понятия принципов процесса. Хотя до настоящего времени единство взглядов не достигнуто, ни у кого не вызывает сомнения, что принципы процесса — это те общие руководящие положения, которые определяют весь строй советского уголовного процесса, его последовательно демократический характер.

Необходимо отметить, что не всякое общее процессуальное правило является по своему значению принципом процесса. Важнейшим моментом, характеризующим то или иное правило в качестве процессуального принципа, является его руководящий характер; иными словами, принципы процесса — это основные, исходные положения, которые определяют характер всех других процессуальных правил.

Ряд процессуалистов проводит мысль, что в стадии предварительного расследования действуют особые, исключительно ей присущие процессуальные принципы¹, а именно: 1) объективность расследования, 2) полнота и всесторонность расследования, 3) быстрота и активность расследования.

Наиболее ярко эта точка зрения выражена у Г. П. Саркисянца, который в автореферате диссертации пытается обосновать указанный взгляд тем, что предварительное расследование, как особая стадия советского уголовного процесса, имеет свои особенности.

Между тем, нет и не может быть самостоятельных принципов, присущих той или иной стадии. Все стадии советского уголовного процесса неразрывно связаны между собой и направлены к единой общей цели — обеспечению осуществления задач социалистического правосудия. Тесная связь и взаимозависимость стадий советского уголовного процесса обеспечивается прежде всего тем, что они имеют общие принципы, объединяющие их в единую цельную систему. Разумеется, это не исключает того, что принципы советского уголовного процесса получают в каждой из

¹ См. проф. М. С. Строгович. Уголовный процесс. М., 1946 г., стр. 72—81, 279; П. И. Тарасов-Родионов. Предварительное следствие. 1946 г., стр. 52—58; Г. П. Саркисянц. Принципы предварительного следствия в советском уголовном процессе. Автореферат диссертации, М., 1952 г., стр. 12.

стадий своеобразное выражение, определяемое ее задачами и условиями.

Среди принципов советского уголовного процесса, действующих в стадии предварительного расследования, важное место принадлежит принципу публичности. Однако в советской юридической литературе этот принцип недооценивается некоторыми процессуалистами, и недооценка эта доходит до того, что отрицается даже его наличие в нашем уголовном процессе. Так, авторы пособия «Советский уголовный процесс»¹ считают возможным говорить лишь о конституционных основах советского уголовного процесса; что же касается принципа публичности и всех других принципов советского уголовного процесса, непосредственно в Конституции не указанных, но из нее вытекающих, то они даже не упоминаются.

Авторы пособия подменяют понятие «принципы» понятием «основы» советского уголовного процесса, с чем решительно нельзя согласиться. Прежде всего такое изменение терминологии ничего нового не вносит, так как «основы» означает не что иное, как «главные, исходные положения, принципы...»² Кроме того,— и это главное,— авторы пособия без всяких к тому оснований суживают понятие принципов процесса, что не может не сказаться отрицательно как на деятельности следственно-прокурорских и судебных органов, так и на плодотворном исследовании важнейших вопросов теории советского уголовного процесса.

Если авторы пособия молчаливо отрицают существование в нашем процессе принципа публичности, то еще более категоричным является утверждение доцента М. Л. Якуба, по мнению которого «публичность не имеет самостоятельного значения принципа советского уголовного процесса, она поглощается принципом социалистической законности».³

Беспорной является теснейшая связь между принципами законности и публичности в советском уголовном процессе, но это не дает никаких оснований утверждать, что один из указанных принципов поглощает другой. В силу принципа социалистической законности все министерства и подведомственные им учреждения, равно как и должностные лица, а также граждане СССР в своей деятельности должны строго и неуклонно руководствоваться указаниями советских законов. Требования же, вытекающие из принципа публичности в советском уголовном процессе, распространяются лишь на деятельность суда, прокуратуры, органов расследования. Принципы социалистической законности и публичности в советском уголовном процессе имеют различное содержание.

¹ Советский уголовный процесс. Пособие. Редактор проф Д. С. Карев. Госюриздат. М., 1953 г., стр. 29—43.

² Толковый словарь русского языка, под редакцией проф. Д. Н. Ушакова, М., 1938 г., том 2, стр. 871.

³ М. Л. Якуб. Демократические основы советского уголовно-процессуального права. Автореферат докторской диссертации, М., 1956 г., стр. 18—19.

Именно поэтому нельзя согласиться с утверждением, что принцип публичности не имеет самостоятельного значения в советском уголовном процессе.

В процессуальной литературе встречаются различные определения принципа публичности; вместе с тем все авторы видят сущность этого принципа в том, что прокурор, органы расследования и суд, в силу возложенных на них законом обязанностей, выполняют в интересах советского правопорядка все необходимые процессуальные действия, направленные на осуществление задач социалистического правосудия.

Такое понимание принципа публичности означает, что:

а) уголовный процесс проводится в интересах Советского государства, в интересах социалистического общества. Этим подчеркивается целеустремленный характер деятельности органов расследования, прокуратуры и суда;

б) в сфере своей деятельности указанные органы обладают полнотой власти в решении всех возникающих перед ними вопросов и потому не зависят от усмотрения потерпевшего и других заинтересованных лиц;

в) эти органы обязаны свою активность и инициативу в возбуждении, расследовании и разрешении уголовных дел сочетать со всемерной защитой прав и законных интересов всех участвующих в деле лиц, и — прежде всего — обвиняемого и потерпевшего.

Изложенное свидетельствует о многогранности принципа публичности. Только сочетание всех указанных выше признаков дает правильное о нем представление.

Принцип публичности пронизывает весь строй советского уголовного процесса. Нет таких стадий и институтов, в которых этот принцип не получил бы своего выражения.

Яркое выражение получает рассматриваемый принцип и в стадии предварительного расследования.

Как отмечалось выше, органы предварительного расследования обладают в сфере своей деятельности полнотой власти в решении всех возникающих перед ними вопросов; они вправе и обязаны самостоятельно определить пределы исследования, оценить собранные доказательства и принять такое решение, которое вытекает из их внутреннего убеждения, основанного на рассмотрении каждого доказательства в отдельности и всех доказательств в их взаимной связи и совокупности. Органы предварительного расследования обязаны выполнять указания, данные им судом, но при этом следователь¹ самостоятельно разрешает все возникающие в ходе расследования вопросы. В частности, следователь, получив определение суда о возбуждении уголовного преследования, вправе прекратить уголовное дело, если по выполнении

¹ Здесь, как и в дальнейшем, «следователь» обозначает всякое лицо, производящее предварительное расследование.

необходимых следственных действий придет к выводу, что отсутствуют основания для предания данного лица суду.

В силу принципа публичности,— в его связи с принципами объективной истины и права обвиняемого на защиту,— органы предварительного расследования обязаны проявлять максимальную активность и инициативу в целях обеспечения полного, всестороннего и объективного исследования всех обстоятельств дела (ст. ст. 109, 110 УПК УССР; ст. ст. 111, 112 УПК РСФСР). Невыполнение этого требования приводит к неполноте расследования дела.

Приговором Ярославского областного суда Карякин и Тихомиров были признаны виновными в том, что они, работая по найму в колхозе по распиловке лесоматериала на территории конюшни, допустили преступную небрежность — курили вблизи здания, где находились легко воспламеняющиеся отходы — опилки, солома и т. д. Допустив небрежное обращение с огнем, Карякин и Тихомиров бросили непогашенные окурки папирос и ушли на обеденный перерыв; от этих окурков вскоре возник пожар, которым был причинен большой ущерб колхозу.

При пересмотре дела Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР нашла, что органы предварительного расследования, а также суд не выяснили все обстоятельства дела, не выяснили, не мог ли этот пожар возникнуть вследствие того, что в конюшню, после ухода оттуда Карякина и Тихомирова, пришли другие колхозники, которые значительное время оставались в конюшне. Один из свидетелей — председатель колхоза Палевин — показал, что некоторые из колхозников, когда они были еще в конюшне, просили у него бумаги для папирос и что они закурили только после того, как вышли из конюшни. Как отмечает Коллегия в своем определении, «указанные лица заинтересованы в исходе дела, однако они были допрошены поверхностно и в результате не установлена действительная причина пожара». Ввиду того, что со времени пожара прошел почти год и что восполнить пробелы предварительного следствия не представлялось возможным, приговор был отменен и дело производством прекращено.¹

Как видно из приведенного определения, в данном случае неполнота расследования возникла вследствие того, что следователь не проявил должной активности в исследовании дела, иными словами — не выполнил требования, вытекающего из принципа публичности в советском уголовном процессе.

Деятельность органов предварительного расследования должна быть направлена на объективное, полное и всестороннее

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР». 1950 г., № 7, стр. 29—30. На неполноту исследования, явившуюся результатом поверхностного предварительного расследования, указывает также Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР в определении по делу Д. См. «Судебная практика Верховного суда СССР». 1954 г., № 2, стр. 23.

исследование каждого дела, почему должны быть в равной мере выяснены как те обстоятельства, которые изобличают обвиняемого в совершении преступления, так и те, которые устраняют уголовную ответственность обвиняемого или смягчают ее. «Все это, — как справедливо отмечает кандидат юридических наук Л. М. Карнеева, — единый процесс и с юридической, и с психологической точек зрения. Действия, подпадающие под понятие «уголовное преследование», и действия, направленные на выяснение обстоятельств оправдывающих обвиняемого, неотделимы друг от друга в процессе расследования».¹

Объективность расследования — важнейшее условие, без которого немыслимо успешное расследование дела. Конечно, в следственной практике встречаются иногда случаи необъективного расследования. Но это ни в какой мере не дает основания утверждать, как это делает проф. М. А. Чельцов, что нормы уголовно-процессуального закона, предусматривающие объективность расследования, носят декларативный характер.² Указанные нормы (ст. 111 УПК РСФСР; ст. 109 УПК УССР) по своему характеру являются императивными, и задача заключается в том, чтобы обеспечить неуклонное их осуществление в следственной практике, решительно пресекая всякое проявление т. н. обвинительного уклона, который всегда приводит к одностороннему, неполному исследованию дела и к нарушению прав и законных интересов обвиняемого.

Являясь выражением принципа публичности, а также принципов объективной истины и права обвиняемого на защиту, объективность, всесторонность и полнота расследования требуют, чтобы органы расследования по собственной инициативе, независимо от ходатайств обвиняемого и потерпевшего, собирали и исследовали все доказательства, имеющие значение для дела.

В этом отношении принципиальное значение имеют положения, сформулированные в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР по делу Самойлова. Народный суд возвратил в подготовительном заседании данное дело для дополнительного расследования, ввиду того, что необходимо было произвести очные ставки между обвиняемым и свидетелями. Это определение было опротестовано прокурором по тем мотивам, что обвиняемый ни во время расследования дела, ни при ознакомлении с материалами законченного следственного производства не заявил ходатайств о дополнении следствия и об устройстве очной ставки со свидетелями. В своем определении Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР указала:

¹ Л. М. Карнеева. Процессуальные основания и порядок привлечения к уголовной ответственности в советском уголовном процессе. Автореферат диссертации. М., 1955 г., с. 4—5.

² М. Чельцов. Система основных принципов советского уголовного процесса. «Ученые записки» ВЮИ. Выпуск VI, М., 1947 г., стр. 130.

«По мысли прокурора, органы следствия и суд не обязаны выяснять обстоятельства, оправдывающие обвиняемого, если последний сам не возбуждает об этом вопроса и не представляет для этого соответствующих доказательств. Такое утверждение находится в грубом противоречии с основными принципами советского не только уголовного, но и гражданского процесса, как процесса активного, возлагающего на органы следствия и суд (по уголовным делам) и на суд (по гражданским делам) обязанность выяснить все обстоятельства дела независимо от объяснений и доказательств, представленных сторонами... Этот принцип активности в советском процессе, наиболее ярко выраженный в ст. 5 ГПК, в еще большей степени должен быть соблюден по уголовным делам, где закон возлагает на обвинителя обязанность доказать виновность обвиняемого, а не на обвиняемого — доказать свою невиновность. В связи с этим ст. 111 УПК РСФСР обязывает следователя выяснить и исследовать все обстоятельства, как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а равно все обстоятельства, как усиливающие, так и смягчающие степень и характер его ответственности.

Равным образом ст. 112 УПК обязывает следователя направлять предварительное следствие, руководствуясь обстоятельствами дела, в сторону наиболее полного и всестороннего расследования дела. При этих условиях ссылка прокурора на отсутствие ходатайства обвиняемого, как на обстоятельство, исключающее необходимость в устройстве очных ставок для выяснения существенных обстоятельств по делу, звучит как грубое нарушение основных принципов советского уголовного процесса».¹

Верховный суд СССР говорит здесь о принципе активности в советском уголовном процессе и его значении для полного и объективного расследования. Но активность есть не что иное, как одно из конкретных выражений принципа публичности советского уголовного процесса.

Объективность расследования, вытекающая из принципа публичности, требует, далее, чтобы все действия органов расследования были строго основаны на законе, а принимаемые этими органами решения — обоснованы фактическими обстоятельствами дела.

В советской юридической литературе законность и обоснованность обычно рассматриваются как требования, предъявляемые к приговору. Между тем совершенно очевидно, что это в полной мере относится и ко всем другим решениям, принимаемым судом и следственно-прокурорскими органами. Следует поэтому согласиться с мнением проф. Чельцова и доцента Радькова, что в Уголовно-процессуальном кодексе требования законности и обо-

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР». 1946 г., выпуск VIII (XXXII), М., 1947 г., стр. 27—29.

снованности должны быть распространены и на решения органов расследования и прокуратуры.¹

Особо важное значение с точки зрения объективности расследования имеет обоснованность решения таких, в частности, вопросов, как привлечение в качестве обвиняемого, применение мер пресечения и составление обвинительного заключения. Поэтому целесообразно включить в Уголовно-процессуальный кодекс указание на обязанность органов расследования мотивировать каждое свое решение.

Презумпция невиновности рассматривается в советской уголовно-процессуальной литературе прежде всего как выражение принципов объективной истины и права обвиняемого на защиту;² между тем презумпция невиновности, как и правила, из нее вытекающие, является выражением также и принципа публичности, поскольку правовая обязанность обосновать обвинение возлагается исключительно на органы расследования и прокурора и, как отмечал Верховный суд СССР, не может быть перенесена на обвиняемого.³

Активная, целеустремленная деятельность органов предварительного расследования неразрывно связана с оперативностью расследования, которая требует своевременного производства каждого следственного действия. В этой связи важное значение приобретает планирование предварительного расследования, являющееся одним из криминалистических приемов, который «обеспечивает своевременное обнаружение и закрепление доказательств по делу, способствует в необходимых случаях быстрейшему розыску и опознанию преступника»⁴.

Генеральный прокурор СССР неоднократно указывал на обязанность следственных органов обеспечить максимально высокие темпы расследования. Приказом Генерального Прокурора СССР от 19 марта 1952 г. № 63 на следователей прокуратур была возложена обязанность заканчивать расследование уголовных дел, по общему правилу, в месячный срок. На необходимость усиления борьбы с волокитой в расследовании уголов-

¹ М. Чельцов и В. Радьков. О расширении гарантий законности в советском уголовном процессе. Ж. «Социалистическая законность», 1954 г., № 9, стр. 14.

² См. В. И. Каминская. Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе. М.—Л., 1948, стр. 97; М. М. Гродзинский. Доказательства в советском уголовном процессе. (см. книгу «Государственный обвинитель в советском суде». М., 1954 г., стр. 70); М. С. Строгович. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М.—Л., 1955, стр. 183; Н. Н. Полянский. Вопросы теории советского уголовного процесса. Изд-во Московского ун-та, 1956, с. 182—183.

³ См., например, дело К. («Судебная практика Верховного суда СССР». 1946 г., вып. X (XXXIV), М., 1947 г., стр. 17—19).

⁴ А. Н. Колесниченко. Планирование советского предварительного следствия. Автореферат диссертации. Харьков, 1952 г., стр. 4. См. также В. Савицкий. Оперативность в расследовании — залог его высокого качества. Ж. «Социалистическая законность». 1954 г., № 8, стр. 46—47.

ных дел указывается и в ряде других приказов Генерального Прокурора СССР, в которых, в частности, отмечается, что устранение фактов волокиты в расследовании уголовных дел является важной задачей в деле усиления борьбы с преступностью, а быстрота, оперативность и качество расследования — непременным условием успешного раскрытия преступления и создания обстановки неотвратимости наказания за совершенное преступление.

Трудно переоценить всю важность своевременного производства таких следственных действий, как обыск и наложение ареста на имущество виновных по делам о хищениях государственного и общественного имущества. Генеральный Прокурор СССР потребовал от органов следствия, чтобы по каждому возбужденному уголовному делу о хищениях и растратах в организациях потребительской кооперации и торговли в качестве первых следственных действий был произведен обыск и наложен арест на имущество виновных. Своевременное производство указанных действий является реальной гарантией возмещения потерпевшему от преступления понесенного им имущественного ущерба.

Важное значение имеет оперативно произведенный осмотр места происшествия. Своевременный выезд на место происшествия и умелый осмотр его с применением научно-технических средств дает, как правило, следователю возможность собрать и закрепить важнейшие доказательства и наметить наиболее вероятные версии, что, в свою очередь, обеспечивает сокращение сроков расследования.

Говоря об оперативности расследования, нельзя не отметить, какое большое значение имеет своевременность предъявления обвинения. В силу принципа публичности органы предварительного расследования обязаны принять все меры, чтобы собрать в возможно кратчайшие сроки доказательства, необходимые для привлечения данного лица в качестве обвиняемого, составить постановление о привлечении и ознакомить с ним обвиняемого в сроки, указанные законом (ст. 126 УПК УССР; ст. 128 УПК РСФСР). Своевременность предъявления обвинения следует рассматривать как одно из условий успешности расследования и вместе с тем как важнейшую гарантию прав и законных интересов обвиняемого. Поэтому должна быть признана порочной еще встречающаяся иногда практика, когда отдельные следственные работники относят привлечение в качестве обвиняемого и ознакомление последнего с обвинением к моменту, непосредственно предшествующему окончанию расследования, что фактически лишает обвиняемого предоставленного ему законом права на защиту. В частности, несвоевременность предъявления обвинения приводит к нарушению прав обвиняемого при производстве экспертизы. По делу Куревлева и других Водно-Транспортная коллегия Верховного суда СССР указала на нарушение

ст. ст. 169—171 УПК РСФСР, выразившееся в том, что «все три экспертизы — бухгалтерская, техническая и графическая — проведены в тот период времени, когда еще Куревлев, Пилюгин, Воеводкин, Любимов, Косарев, Купцов и Давыдов не были привлечены в качестве обвиняемых, а поэтому, естественно, не могли участвовать и не участвовали при производстве бухгалтерской и технической экспертиз, не имели возможности использовать свои права по отводу экспертов, по дополнению экспертов и не могли представить экспертам свои вопросы».¹

В Советском государстве, где забота о личности является краеугольным камнем жизни общества, защита прав и законных интересов граждан составляет важнейшую, вытекающую из принципа публичности, обязанность прокурора, органов расследования и суда. В этом ярко выражается социалистический демократизм советского уголовного процесса.

Права и законные интересы обвиняемого обеспечиваются прежде всего тем, что на органах расследования, как было уже указано, лежит обязанность полно, всесторонне и объективно расследовать каждое дело. Наряду с этим следователь и прокурор обязаны по собственной инициативе предпринять все действия, необходимые для того, чтобы обвиняемый имел реальную возможность осуществить предоставленные ему законом процессуальные права.

Как известно, Уголовно-процессуальные кодексы союзных республик не содержат общей нормы, предписывающей следователю разъяснять обвиняемому его процессуальные права, но это ни в какой мере не означает, что на следователе не лежит такая обязанность. В статье 200 УПК УССР (ст. 206 УПК РСФСР) содержится прямое указание на обязанность следователя «разъяснить обвиняемому его право на ознакомление с актами предварительного следствия». Об обязанности следователя разъяснить обвиняемому его процессуальные права говорит ряд циркуляров и приказов Прокуратуры СССР. Так, в директивном письме Прокуратуры СССР от 13 августа 1934 г. предлагается лицам, производившим расследование, «объявлять участвующим в деле сторонам их право принесения жалоб с указанием, кому именно жалобы могут подаваться и в какие сроки, и немедленно по поступлении жалоб направлять таковые по принадлежности». На обязанность следователя разъяснять обвиняемому принадлежащие ему права при производстве экспертизы указывает приказ Прокурора СССР от 13 мая 1939 года.

Вытекающая из принципа публичности инициатива органов расследования находит свое выражение также в деятельности по охране прав и законных интересов потерпевшего от преступления.

¹ «Судебная практика Верховного суда, СССР», 1950 г., № 1, стр. 15.

Так, следователь обязан разъяснить потерпевшему его право заявить гражданский иск, если действиями обвиняемого потерпевшему причинен имущественный ущерб (ст. 116 УПК УССР; ст. 119 УПК РСФСР). Генеральный Прокурор СССР вменил в обязанность прокурорам и следственным органам принимать меры к предъявлению заинтересованными организациями исков о возмещении ущерба. В связи с изданием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. «Об амнистии» отдельные прокуроры, прекращая дела или отказывая в их возбуждении в силу упомянутого Указа, не ставили об этом в известность заинтересованные организации и не сообщали о их праве и обязанности предъявить к лицам, причинившим своими действиями материальный ущерб, иски в порядке гражданского судопроизводства. Решительно осудив такую практику, Генеральный Прокурор СССР предложил прокурорам немедленно послать соответствующим организациям сообщения о их праве и обязанности предъявить иски в порядке гражданского судопроизводства и лично проследить за рассмотрением этих исков в суде.

Думается, что органы расследования и прокурор обязаны в силу принципа публичности извещать потерпевшего о его праве заявить иск в гражданском порядке не только в тех случаях, когда уголовное дело прекращается на основании акта об амнистии, но и тогда, когда дело подлежит прекращению в стадии предварительного расследования ввиду отсутствия в действиях обвиняемого состава преступления, смерти обвиняемого, а также недостижения обвиняемым возраста уголовной ответственности, поскольку прекращение уголовного дела по указанным мотивам не лишает потерпевшего от преступления права заявить свой иск в порядке гражданского судопроизводства.

Требования ст. 111 УПК УССР (ст. 112 УПК РСФСР) в полной мере относятся и к гражданскому иску. Это значит, что следователь обязан собирать доказательства, необходимые для правильного разрешения вопроса об основании и размере иска. На это, в частности, обращает внимание Генеральный Прокурор СССР, требуя от следователей обязательного указания в справках, прилагаемых к обвинительному заключению, точной суммы причиненного преступлением ущерба.

Наконец, принцип публичности находит свое выражение и в тех процессуальных нормах, которые предоставляют следователю право (а в ряде случаев возлагают на него обязанность) принять необходимые меры обеспечения как заявленного, так и будущего гражданского иска (ст. 118 и примечание 2-е к ст. 93 УПК УССР; ст. 121 УПК РСФСР), а также принять необходимые меры в целях обеспечения возможной конфискации имущества (ст. 119 УПК УССР; ст. 121-а УПК РСФСР).

Все изложенное свидетельствует о широкой и разнообразной сфере действия принципа публичности, об исключительной важности его последовательного осуществления в стадии предвари-

тельного расследования. Определяя активный и целеустремленный характер деятельности органов предварительного расследования, принцип публичности во взаимосвязи с другими принципами процесса обеспечивает высокое качество расследования и является поэтому одним из условий осуществления судом задач социалистического правосудия.

Кандидат юридических наук М. П. ДИДЕНКО

О ГРАЖДАНСКОМ ИСКЕ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Одним из важных правовых средств, при помощи которых потерпевший от преступления защищает свои имущественные интересы, является гражданский иск в советском уголовном процессе.

В действующих уголовно-процессуальных кодексах союзных республик этому правовому институту уделено недостаточно внимания. Не все вопросы, связанные с гражданским иском в уголовных делах, регулируются в уголовно-процессуальных кодексах союзных республик достаточно полно и ясно, что отрицательно сказывается на практическом применении данного института.

* *
*

Вопросам, связанным с рассмотрением гражданского иска в уголовном процессе, когда ущерб наносится социалистической собственности, посвящен ряд нормативных актов¹.

¹ Таковы: постановление 47 Пленума Верховного суда СССР от 9 июня 1934 года «О борьбе судебных органов с растратами в торговле и кооперации»; инструкция прокуратуры СССР и НКЮ СССР от 28.II.1939 года за № 49(1)А — 21 «О расследовании и рассмотрении дел о растратах и хищениях в потребительской кооперации»; постановление Верховного суда СССР от 15.VIII.1940 года за № 29(16)У «О недостатках судебной практики по делам о хищениях социалистической собственности, о спекуляции, о хулиганстве и корыстных должностных злоупотреблениях»; директивное письмо МЮ СССР от 15 июня 1946 года за № Д-18 «Об усилении борьбы с растратами, хищениями и недостачами в системе потребительской кооперации»; приказ генерального прокурора СССР от 12 июля 1947 года за № 139 «Об исполнении Указов Президиума Верховного Совета СССР от 4.VI.1947 года»; постановление Пленума Верховного суда СССР от 28 мая 1954 года за № 6 «О судебной практике по взысканию материального ущерба, причиненного преступлением».

Что же касается гражданских исков по делам, когда ущерб наносится личному имуществу граждан, то об этом упоминает только постановление Пленума Верховного суда СССР от 28 мая 1954 года «О судебной практике по взысканию материального ущерба, причиненного преступлением».

В настоящее время вопрос о возмещении имущественного ущерба, причиненного преступлением личной собственности граждан, нужно поставить аналогично тому, как он поставлен в отношении социалистической собственности.

Профессор М. А. Чельцов пишет: «Все сказанное о новейшем направлении законодательства и судебной практики в СССР по вопросу о гражданском иске в уголовном процессе позволяет прийти к выводу о признании за этим институтом публично-правового характера. Остается сделать еще один шаг и обязать суды ставить всегда *ex officio* вопрос о возмещении вреда, причиненного преступлением каждому потерпевшему — отдельному гражданину. Исключением должны быть только те случаи, в которых потерпевший заявит суду, что вопрос о возмещении вреда он хочет сделать предметом особого иска в порядке гражданского процесса»¹.

К мнению профессора М. А. Чельцова следует полностью присоединиться. Более того, на случаи причинения преступлением имущественного ущерба личной собственности отдельных граждан следует распространить в будущем УПК также правило об обязательном наложении ареста на имущество обвиняемого в обеспечение гражданского иска, а равно правило о предъявлении иска по инициативе прокурора, если иск не заявлен потерпевшим. Исключение должны составить лишь случаи прямо выраженного потерпевшим возражения против указанных действий следственных, прокурорских или судебных органов.

* *
*

Защита прав и законных интересов потерпевшего от совершенного преступления рассматривается в действующих уголовно-процессуальных кодексах союзных республик как одна из обязанностей судебно-следственных органов. Так, в соответствии с примечанием 2 к ст. 93 УПК УССР, следственно-прокурорские органы обязаны одновременно с возбуждением дела о хищении, растрате, уничтожении или порче социалистической собственности налагать арест на имущество лиц, подозреваемых в совершении указанных преступлений. Ст. 116 УПК УССР (ст. 119 УПК РСФСР)² возлагает на следователя, а ст. 276 УПК РСФСР — и на председательствующего в суде обязанность разъяснить потерпевшему его право предъявить гражданский иск.

¹ М. А. Чельцов, Советский уголовный процесс, М., 1951 г., стр. 131.

² Всюду, где указаны статьи УПК УССР и УПК РСФСР, имеются в виду, если иное не указано, также статьи УПК других союзных республик.

Ст. 52 УПК УССР (ст. 54 УПК РСФСР) предоставляет прокурору право поддерживать этот иск. Ст. 118 УПК УССР (ст. 121 УПК РСФСР) предоставляет следователю право принимать меры обеспечения предъявленного или могущего быть предъявленным гражданского иска. Ст. 305 УПК УССР (ст. 330 УПК РСФСР) предоставляет право суду при вынесении приговора постановить о принятии мер обеспечения будущего гражданского иска.

Однако вряд ли можно утверждать, что действующая редакция указанных статей уголовно-процессуальных кодексов УССР и РСФСР полностью отвечает тем требованиям, которые в настоящее время стоят перед следственными и судебными органами в деле охраны имущественных интересов потерпевшего.

Статьи 118 и 305 УПК УССР (ст. ст. 121 и 330 УПК РСФСР) недостаточно четко решают вопрос об обеспечении гражданского иска и, в сущности, передают его целиком на усмотрение следователя и суда.

Для успешной охраны интересов потерпевшего необходимо, чтобы закон о б я з ы в а л следователя и суд принимать меры к обеспечению предъявленного или могущего быть предъявленным гражданского иска во всех случаях, когда непринятие этих мер может лишить гражданского истца возможности получить возмещение понесенного им ущерба. Именно так разрешен данный вопрос (но только в отношении предварительного расследования) в уголовно-процессуальных кодексах Узбекской ССР (ст. 18), Туркменской ССР (ст. 47) и во Временных правилах производства предварительного расследования по уголовным делам Грузинской ССР (ст. 13).

Нельзя признать полностью отвечающим интересам потерпевшего от преступления положение, содержащееся в ст. 52 УПК УССР (ст. 54 УПК РСФСР), где указано, что «при наличии в деле гражданского иска, прокурор может, если признает это необходимым, поддерживать иск во всех стадиях процесса...». Тем самым закон не обязывает прокурора поддерживать имеющийся в деле гражданский иск, а только предоставляет ему это право. Представляется, что данный вопрос будет правильно решен тогда, когда участвующий в деле прокурор, признав притязания гражданского истца в уголовном деле справедливыми, будет обязан в силу закона поддерживать это притязание. Поэтому в будущем УПК соответствующую статью можно было бы изложить, примерно так: «При наличии в деле гражданского иска прокурор обязан, если признает притязания гражданского истца справедливыми, поддерживать этот иск».

Уголовно-процессуальные кодексы УССР (ст. 52) и Туркменской ССР (ст. 5) предоставляют прокурору право не только поддерживать имеющийся в деле гражданский иск, но и право, если этого требует охрана интересов государства или трудящихся, по

своей инициативе предъявить к обвиняемому гражданский иск, если он не был предъявлен самим потерпевшим.

Что же касается уголовно-процессуальных кодексов других союзных республик, то они такого права прокурору не предоставляют, что является существенным пробелом, который должен быть устранен в будущем УПК.

* *
*

Как было уже указано, согласно ст. 330 УПК РСФСР суд, усмотрев, что потерпевшему причинен ущерб, вправе (в тех случаях, когда гражданский иск не был предъявлен) при вынесении обвинительного приговора постановить о принятии мер обеспечения будущего гражданского иска.

УПК Украинской ССР (ст. 305) и УПК Азербайджанской ССР (ст. 327) идут дальше и предоставляют суду право не только обеспечить будущий гражданский иск, но и присудить определенную сумму в пользу потерпевшего, хотя бы последним гражданский иск не был предъявлен.

Решение данного вопроса уголовно-процессуальными кодексами Украинской и Азербайджанской республик является вполне правильным. Возможны случаи, когда потерпевший по каким-либо причинам не предъявил гражданский иск, но в то же время явный ущерб налицо и имеется реальная возможность этот ущерб возместить. При таком положении вещей упущение потерпевшего может и должен восполнить суд при постановлении приговора. Поэтому будущий УПК должен обязать суды во всех случаях причинения преступлением имущественного ущерба ставить по своей инициативе вопрос о его возмещении, если иск не заявлен потерпевшим, независимо от того, причинен ли ущерб социалистической организации или отдельному лицу. Исключение из этого правила должны составить случаи, когда ущерб нанесен личному имуществу граждан и потерпевший откажется притом от принадлежащего ему права на иск.

Но потерпевший, не предъявивший гражданский иск, может полагать, что присужденная ему в указанном порядке сумма не покрывает полностью понесенный им ущерб. Может ли этот потерпевший, не являющийся гражданским истцом, обжаловать приговор в данной его части?

Пленум Верховного суда УССР еще в 1926 году указал, что «в случае, когда в пользу потерпевшего присуждена в порядке ст. 334 УПК (имеется в виду УПК УССР 1922 года; соответствует статье 305 действующего УПК — М. Д.) сумма, размером которой потерпевший не доволен, то он вправе обжаловать в кассационный срок приговор в этой части, оспаривая в своей кассационной жалобе соображения и процессуальные действия суда,

которые привели суд к неправильному заключению о размерах убытков»¹).

Данное решение вопроса является совершенно правильным и единственно возможным. Поэтому соответствующее положение должно быть включено в будущий УПК.

* *

*

Ст. 251 УПК УССР, ст. 269 УПК РСФСР, ст. 269 УПК БССР, ст. 266 УПК Азербайджанской ССР, ст. 246 УПК Армянской ССР и ст. 269 УПК Грузинской ССР устанавливают правило, в силу которого гражданский иск устраняется от рассмотрения, если потерпевший или его представитель не явились в судебное заседание.

Это положение закона не отвечает задачам всемерной защиты имущественных интересов социалистических организаций и советских граждан.

В гражданском процессе дело может быть рассмотрено в отсутствие гражданского истца (ст. 116 ГПК УССР, ст. 98 ГПК РСФСР). Следовательно, истец в уголовном процессе оказывается в значительно худшем положении, чем в гражданском.

Поэтому следует признать совершенно правильным решение данного вопроса уголовно-процессуальными кодексами Узбекской ССР (ст. 108) и Туркменской ССР (ст. 118), которые допускают рассмотрение иска и при неявке гражданского истца или представителя его интересов.

При том значении, которое придается гражданскому иску в советском уголовном процессе, неявка гражданского истца или его представителя в судебное заседание не может препятствовать рассмотрению гражданского иска в порядке уголовного судопроизводства. Поэтому правило, изложенное в ст. 251 УПК УССР и соответствующих статьях уголовно-процессуальных кодексов других союзных республик, в будущий УПК включать не следует.

* *

*

В заключение необходимо остановиться на вопросе о гражданском ответчике в уголовном процессе.

В советской юридической литературе было высказано мнение о нецелесообразности сохранения в уголовном процессе самостоятельной процессуальной фигуры гражданского ответчика. Так, профессор Д. С. Карев пишет: «Нам представляется, что вопрос о возложении материальной ответственности за действия подсудимого на гражданского ответчика должен разрешаться в

¹ Вопросы уголовного права и процесса в постановлениях Пленума Верховного суда УССР, Юриздат НКЮ УССР, 1928 г., стр. 129.

порядке гражданского судопроизводства, а не в уголовном процессе»¹.

Согласиться с этим нельзя. Участие в уголовном процессе гражданского ответчика имеет много положительных сторон. К ним прежде всего следует отнести то, что одновременное рассмотрение всех гражданских последствий данного преступления, наряду с последствиями уголовными, экономит средства, время и труд судебных органов.

Далее, участие в уголовном процессе гражданского ответчика удобно для потерпевшего — гражданского истца, так как последний имеет возможность тут же в уголовном деле обратиться свои исковые притязания, вытекающие из рассматриваемого преступления, к надлежащему ответчику. В противном случае потерпевший вынужден будет ждать окончания рассмотрения дела уголовным судом, с тем, чтобы после вступления в законную силу приговора по этому делу, обратиться со своим гражданским иском к третьим лицам в порядке гражданского судопроизводства. При этом потерпевшему придется дважды принимать участие в деле, именно: — сначала в уголовном процессе, где он должен доказать, что преступление, которым нанесен ему имущественный ущерб, в действительности имело место и было совершено обвиняемым; затем, предъявляя иск к третьим лицам, в процессе гражданском, потерпевший должен доказать размер гражданского иска.

Наконец, участие в деле третьих лиц, несущих материальную ответственность за обвиняемого, дает им возможность оспаривать не только размер, но и само основание гражданского иска.

Таким образом, если подходить к вопросу об участии гражданского ответчика в уголовном процессе с точки зрения тех начал, на которых зиждется гражданский иск в уголовном процессе вообще, то следует признать правильным предоставление потерпевшему права предъявить в уголовном процессе гражданский иск не только к обвиняемому, но и к тем лицам, которые несут за его действия имущественную ответственность.

По этим соображениям действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик установили правило, согласно которому потерпевший, понесший от преступного деяния имущественный ущерб, вправе предъявить гражданский иск в уголовном суде не только к обвиняемому, но и к лицам, несущим материальную ответственность за причиненный обвиняемым имущественный ущерб, иначе говоря, к гражданскому ответчику.

Это постановление закона имеет в виду не только физических лиц, отвечающих за имущественный ущерб, причиненный обвиняемым (наниматели за ущерб, причиненный нанятому имуществу его домашними — ст. 177 ГК РСФСР; родственники и опекуны за ущерб, причиненный малолетними, отвечающими в уголовном

¹ Ж. «Социалистическая законность», 1954 г., № 2, стр. 32.

порядке согласно закону от 7 апреля 1935 года; лица, наблюдающие за душевно-больными и слабоумными, если последними причинен ущерб — ст. 405 ГК РСФСР), но относится и к юридическим лицам в пределах, указанных в ст. ст. 404, 407 и 407а ГК РСФСР¹.

Что касается процессуального положения гражданского ответчика, то действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик никаких указаний об этом не содержат. Более того, в уголовно-процессуальных кодексах союзных республик нет даже самого термина «гражданский ответчик»².

Это дает основание сказать, что вопрос о гражданском ответчике в уголовном процессе действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик решают недостаточно ясно, так как не определяют с требуемой четкостью и полнотой права гражданского ответчика как субъекта советского уголовного процесса. Это порождает в деятельности следственных и судебных органов немало трудностей и неясностей.

Поэтому будущий УПК должен точно и четко определить права гражданского ответчика как самостоятельного субъекта советского уголовного процесса.

---

¹ Циркуляр Верховного суда РСФСР за № 16 от 14 июня 1924 года. Сборник разъяснений Верховного суда РСФСР, издание 4-е, стр. 326.

² Только УПК Туркменской ССР, давая перечень сторон, упоминает о гражданском ответчике (ст. 8).

Старший преподаватель Л. Г. КРУПАТКИН

ОЦЕНКА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ.

Судебный приговор, которым завершается судебное разбирательство, является актом социалистического правосудия.

Для осуществления задач социалистического правосудия необходима определенная предварительная, предшествующая судебному разбирательству деятельность органов расследования и прокуратуры.

Эта деятельность необходима для того, чтобы собрать доказательства об имевшем место преступлении и лицах, его совершивших, и о всех других обстоятельствах, имеющих значение по делу.

Правильно проведенное расследование — одно из важнейших условий успешной работы судебных органов и правильного разрешения каждого рассматриваемого судом дела.

Задачи, которые стоят перед различными стадиями советского уголовного процесса, и условия, в которых происходит доказывание в этих стадиях, определяют особенности этого доказывания в каждой данной стадии. Поэтому при решении вопроса об оценке доказательств в предварительном расследовании нужно исходить из общих положений оценки доказательств в советском уголовном процессе с учетом задач и условий предварительного расследования.

Задачей стадии предварительного расследования является собирание и закрепление доказательств до суда и для суда. Этим определяются процессуальные формы, в которых протекает доказывание в предварительном расследовании и, в частности, особые условия оценки доказательств в данной стадии. Условия эти заключаются в отсутствии в предварительном расследовании состязательности, гласности, коллегиальности и в отступлении, в ряде случаев, от непосредственности и устности.

Как известно, стадия предварительного расследования не является состязательной и потому собирание доказательств путем допроса свидетелей, обвиняемых, производства очных ставок, обысков, выемок, осмотров места происшествия и другие следственные действия производятся в отличие от судебного разбирательства единолично следователем¹. При этом обвиняемый в производстве большинства следственных действий участия не принимает.

Равным образом следователь единолично принимает все решения по делу.

В отличие от стадии судебного разбирательства расследование происходит негласно. Устность и непосредственность в стадии предварительного расследования находят ограниченное применение. Непосредственность в этой стадии советского уголовного процесса выражается в том, что следователь выясняет обстоятельства дела путем личного ознакомления с доказательствами, полученными преимущественно из первоисточников. Однако, из этого правила допускаются отступления, в частности, в тех случаях, когда следователь, производящий расследование по делу, по каким-либо причинам заменен другим следователем. Даже тогда, когда дело расследуется от начала до конца одним и тем же лицом, нередко приходится прибегать к отдельным требованиям (ст. 124 УПК СССР, ст. 126 УПК РСФСР), использование которых также является известным отступлением от непосредственности.

Непрерывность судебного разбирательства является одним из условий соблюдения принципа непосредственности при рассмотрении дела судом,— в стадии же предварительного расследования непрерывность производства, какая имеет место в судебном разбирательстве, вообще невозможна в силу самого характера предварительного расследования, где следователь нередко расследует одновременно два и более дела. Поэтому следователь вынужден прерывать на время расследование по одному делу для того, чтобы произвести соответствующие следственные действия по другому делу. Все это приводит к тому, что непосредственность в стадии предварительного расследования не получает полного своего выражения.

Устность в стадии предварительного расследования выражается в том, что свидетели и обвиняемые дают свои показания в устной форме. Устность при рассмотрении дела в суде тесно связана с состязательностью, гласностью и непосредственностью, а поскольку в стадии расследования, как было уже указано, непосредственность не получает полного своего выражения, устность также получает здесь ограниченное выражение.

Эти процессуальные условия доказывания вытекают из задач предварительного расследования.

¹ «Следователь» здесь и в дальнейшем изложении означает всех лиц, производящих расследование.

Задачи же предварительного расследования определяют характер этой стадии как вспомогательной по отношению к судебному разбирательству.

В стадии предварительного расследования, как и в ряде других стадий советского уголовного процесса, происходит оценка имеющихся в деле доказательств. Если бы следователь не оценивал доказательства, он был бы лишен возможности выполнить поставленную перед ним задачу.

Следователь собирает и оценивает доказательства и в результате этого приходит к определенным окончательным, с его точки зрения, выводам. Но так как дело затем должно быть рассмотрено и разрешено в судебном разбирательстве на началах устности, непосредственности, гласности и состязательности, то эти выводы следователя являются также предварительными.

Поэтому предварительной является производимая в данной стадии оценка доказательств.

Предварительное расследование, как и весь процесс в целом, строится на принципах социалистического демократизма. Но конкретное содержание отдельных процессуальных форм, определяемое принципами процесса, обусловлено также многими другими моментами, в том числе, задачами отдельных стадий процесса. Поэтому в различных стадиях процесса единые по существу своему принципы получают различное выражение.

Следовательно, можно говорить не о каких-то особых принципах предварительного расследования, а лишь о разном выражении одних и тех же принципов в различных стадиях процесса.

В связи с этим следует признать, что имеющееся в нашей литературе утверждение о наличии особых принципов предварительного расследования является неправильным¹.

Полнота расследования, его объективность и быстрота, являющиеся, по мнению некоторых авторов, самостоятельными принципами расследования, по сути дела представляют собой конкретное выражение в этой стадии принципов объективной истины, публичности и права обвиняемого на защиту.

Нельзя считать, что полнота, объективность и быстрота расследования являются самостоятельными принципами данной стадии на том основании, что закон (ст. ст. 109, 110, 111, 113 УПК УССР, ст. ст. 111, 112, 113, 114 и 116 УПК РСФСР) специально на них указывает. Особое указание закона на эти положения расследования не говорит о том, что здесь налицо самостоятельные принципы, и объясняется лишь самой структурой этой стадии процесса. Учитывая, что следствие производится единолично действующим следователем, законодатель специально оговаривает необходимость полного и объективного исследования дела.

¹ См. проф. М. С. Строгович, Уголовный процесс, М. 1946 г., стр. 279—283. Настольная книга следователя, М. 1949 г., стр. 67—72. Г. П. Саркисянц. Принципы предварительного следствия в советском уголовном процессе. Автореферат диссертации, М. 1952 г., стр. 12.

Под объективной истиной в советском уголовном процессе понимается полное соответствие выводов следствия и суда тому, что имело место в действительности. Принцип объективной истины пронизывает все стадии советского уголовного процесса, и потому достижение объективной истины является также задачей предварительного расследования.

Получение достоверных выводов в стадии предварительного расследования, т. е. отыскание объективной истины, обеспечивается соблюдением принципов уголовного процесса в их совокупности и взаимосвязи.

Взаимосвязь объективности, всесторонности, полноты и активности расследования определяется взаимосвязью принципов советского уголовного процесса, конкретным выражением которых они являются. Полнота, объективность и активность расследования, находясь между собой в тесной связи, обеспечивают правильную оценку доказательств в стадии предварительного расследования.

Для правильности этой оценки доказательств расследование должно быть произведено полно и всесторонне. Это означает, что должны быть исследованы все факты, имеющие значение для дела, для чего необходимо охватить весь круг относящихся к делу источников доказательств.

Правильное решение этого вопроса в рассматриваемой стадии тесно связано с проблемой построения версий расследования. Под этими версиями следует понимать вытекающие из собранных по делу доказательств предположения следователя о том, совершено ли преступление, какое именно, кем совершено и по каким мотивам. Неисследование всех возможных версий, вытекающих из материалов предварительного расследования, является одной из причин неправильной оценки доказательств. Только тогда, когда исследованы все возможные версии и собраны все относящиеся к делу доказательства, возможно полное исследование дела и правильная оценка всех доказательств, собранных по этому делу.

Иллюстрацией этого положения может служить дело об убийстве М. Горбань. В 1947 г. недалеко от реки Таласс был обнаружен труп неизвестного мужчины. Голова убитого была в крови, около трупа было обнаружено старое пальто и другие вещи. Судебно-медицинская экспертиза установила, что неизвестный убит за шесть-восемь дней до его обнаружения и смерть последовала от кровоизлияния в мозг в результате удара, нанесенного тупым орудием в правую височную область головы.

Вскоре в милицию поступили сведения об исчезновении из Таласса гр. М. Горбаня, в связи с чем было начато расследование. При обыске в квартире Горбаня в календаре была обнаружена запись, сделанная за месяц до обнаружения трупа неизвестного мужчины: «Макар Павлович ушел». Хозяйка квартиры, в которой проживал Горбань, на допросе показала, что жена его квартиранта, Е. Горбань, часто ссорилась со своим мужем и эти ссоры

иногда доходили до драки. Хозяйка показала, что месяц назад Е. Горбань дала своему мужу 1500 рублей, чтобы он уехал из Таласса. После этого М. Горбань ушел из города и больше не возвращался. Эти показания подтвердили затем дочери Горбаня, после чего Е. Горбань была привлечена к ответственности и взята под стражу.

Обнаруженный возле реки труп мужчины был опознан Е. Горбань и ее двумя дочерьми, как труп Горбаня. Однако, вещи, обнаруженные подле трупа, никто из них не опознал, так как Горбань, по утверждению опознающих, был в другой одежде.

Вновь допрошенная Е. Горбань признала себя виновной в убийстве мужа. Когда он уходил из Таласса с деньгами, которые она ему дала, Е. Горбань, по ее словам, подкралась к нему и нанесла ему два удара камнем по голове, после чего Горбань упал. Забрав деньги, Е. Горбань пригласила некоего Ходоровского, чтобы он перевез труп к реке. На очной ставке Ходоровский отрицал встречу с Горбань, указав, что об убийстве ничего не знает. После этого жена Горбаня от своих показаний отказалась.

Через несколько дней после этого в Таласс вернулся Горбань, которого считали убитым, и показал, что все это время, после ухода из дому, проживал в другом городе¹.

По данному делу следствие проводилось односторонне, по заранее избранной обвинительной версии, согласно которой гр-ка Горбань убила своего мужа. Поэтому дело было расследовано поверхностно и неполно. Следователь не учел имеющиеся в деле противоречия; в частности, он не сопоставил заключение эксперта о том, что смерть убитого наступила за шесть-восемь дней до вскрытия трупа, с показаниями свидетелей, утверждавших, что Горбань исчез за месяц до обнаружения трупа неизвестного. Не учел следователь и того обстоятельства, что одежда, найденная на берегу реки, не была никем опознана, как принадлежащая Горбаню. В основу обвинения был положен только самооговор Горбань в убийстве своего мужа. Одностороннее расследование дела привело к неправильной оценке собранных доказательств и в итоге — к неправильным выводам по делу.

С другой стороны, оценка доказательств, собранных по делу, оказывает определенное влияние на полноту, всесторонность и объективность расследования. Неправильная оценка доказательств приводит к неполноте исследования дела, правильная же оценка доказательств в ходе расследования обеспечивает исследование всех обстоятельств данного дела и получение правильных выводов. В результате правильной оценки имеющихся в деле доказательств следователь в начале следствия выясняет пути раскрытия преступления, причем в этот момент может быть намечено несколько версий. В дальнейшем же ходе расследования, в резуль-

¹ Светозаров. К чему приводит одностороннее увлечение определенной версией при расследовании. «Социалистическая законность», 1949 г., № 2, стр. 47—48.

тате оценки собранных доказательств следователь решает вопрос о необходимости собирания других доказательств, которые подтверждают или опровергают намеченные версии.

25 августа 1944 г. в одном из районов Таджикской ССР в трех метрах от берега реки был обнаружен труп неизвестного мужчины. Смерть, по заключению эксперта, последовала от глубокой резаной раны на горле; рядом с трупом лежала окровавленная бритва. Каких-либо признаков, свидетельствующих о борьбе убитого с убийцей, на месте происшествия обнаружено не было. Работники милиции, производившие расследование, пришли к выводу, что здесь имело место самоубийство. Эти выводы были подтверждены судебно-медицинским экспертом.

Вслед за этим расследование было поручено следователю прокуратуры. Следователь установил, что осмотр места происшествия был произведен небрежно и поверхностно, личность умершего не была выяснена, никакого значения не было придано окровавленной бритве, обнаруженной на месте происшествия, не были зафиксированы следы ног, имевшиеся на берегу реки около трупа.

Несмотря на то, что судебно-медицинская экспертиза вновь подтвердила, что налицо типичный случай самоубийства, следователь решил продолжать расследование. Была установлена личность покойного. Он оказался неким Юсуповым, который, по характеристике родителей и знакомых, был человеком оптимистически настроенным, и никаких мотивов для самоубийства у него не имелось. Все это заставило следователя усомниться в правильности заключения эксперта и выводов, сделанных органами милиции. Следователь установил, что бритву, найденную возле трупа, взял под залог у парикмахера Худайбердиновой некий Рахматуллаев, что Юсупов и Рахматуллаев ранее служили в одной части и что между ними существовали враждебные отношения. При обыске в квартире у Рахматуллаева был обнаружен бумажник Юсупова, в котором находилось 3500 рублей. Как установила экспертиза, на деньгах имелись пятна крови, по группе совпадающие с группой крови Юсупова. Наконец, было выяснено, что Рахматуллаев в то же, примерно, время, когда было совершено убийство, находился недалеко от места происшествия. На основании этих данных Рахматуллаев был привлечен к ответственности, предан суду и осужден¹.

В данном деле органы милиции, в результате неправильной оценки собранных ими доказательств, пришли к необоснованному выводу о наличии самоубийства и тем самым признали, что собранные ими доказательства достаточны для такого вывода по делу и что, следовательно, дело расследовано полно и объективно. Между тем, следователь в результате правильной оценки этих же доказательств установил, что дело расследовано непол-

¹ Следственная практика, вып. 3, 1945 г., стр. 41—43.

но, неправильно, и потому для восполнения пробелов следствия произвел целый ряд следственных действий. Оценивая результаты каждого из этих следственных действий и всех их в совокупности, следователь опроверг выводы органов милиции, обеспечил полноту расследования дела, пришел к правильным выводам и изобличил преступника.

Этот пример ярко показывает, что полнота расследования дает возможность правильно оценить доказательства, собранные следователем, а правильная оценка доказательств в ходе расследования, со своей стороны, обеспечивает эту полноту.

Приняв дело к своему производству, следователь изучает имеющиеся в деле материалы и намечает производство отдельных следственных действий. Производя эти действия (допросы, обыски, осмотры, назначая экспертизу) и закрепляя полученные таким путем доказательства, следователь одновременно оценивает каждое из них в отдельности и все доказательства в их совокупности и взаимной связи и на этой основе решает вопрос о необходимости производства дальнейших следственных действий.

Хотя закон говорит об оценке доказательства только при вынесении приговора (ст. 296 УПК УССР, ст. 319 УПК РСФСР), однако в уголовно-процессуальном кодексе содержится ряд статей, из которых можно сделать вывод, что оценка доказательств имеет место также и в стадии предварительного расследования.

Согласно ст. 126 УПК УССР (ст. 128 УПК РСФСР) привлечение лица в качестве обвиняемого может иметь место лишь «при наличии достаточных данных». О «достаточных основаниях» УПК говорит при взятии под стражу в целях предупреждения сокрытия следов преступления и преступника (ст. 156 УПК УССР, ст. 158 УПК РСФСР).

Во всех этих случаях следователь производит оценку собранных по делу доказательств, обосновывающих необходимость и целесообразность соответствующих следственных действий.

Равным образом следователь оценивает доказательства при избрании меры пресечения, когда он принимает во внимание «тяжесть имеющихся против обвиняемого улик» (ст. 145 УПК УССР, ст. 147 УПК РСФСР), а также при признании собранных данных достаточными для предания обвиняемого суду (ст. 200 УПК УССР, ст. 206 УПК РСФСР), либо при признании их недостаточными, что влечет за собой прекращение дела (ст. 197 УПК УССР, ст. 204 УПК РСФСР).

Важнейшими моментами в оценке доказательств в стадии предварительного расследования является их оценка при решении вопроса о привлечении в качестве обвиняемого и при окончании расследования.

Советский уголовно-процессуальный закон требует, чтобы следователь привлекал данное лицо в качестве обвиняемого

только «при наличии достаточных данных, дающих основание для предъявления обвинения в совершении преступления» (ст. 126 УПК УССР, 128 УПК РСФСР).

Вопрос о наличии или отсутствии данных для привлечения лица в качестве обвиняемого решается путем оценки всей совокупности собранных по делу доказательств.

«В каждом отдельном случае следователь взвешивает имеющиеся в его распоряжении данные, т. е. доказательства, оценивает их с точки зрения достаточности для привлечения определенного лица в качестве обвиняемого»¹.

Когда же следователь может признать, что по делу собрано достаточно доказательств для привлечения данного лица в качестве обвиняемого?

Для решения этого вопроса следователь должен исследовать возникающие по этому делу версии. В результате такого исследования он приходит к выводу об обоснованности одной из версий и несостоятельности всех остальных. Отбросив эти последние и обосновав единственную подтвердившуюся версию, следователь в соответствии с этим привлекает определенное лицо в качестве обвиняемого. Это имеет место тогда, когда данная версия обладает высокой степенью вероятности. «...Основанием для привлечения к уголовной ответственности следует считать наличие таких данных, которые указывают на определенное лицо, как на совершителя преступления, которые делают вероятной виновность этого лица»².

Профессор М. А. Чельцов также полагает, что к моменту привлечения в качестве обвиняемого достаточно, чтобы собранные доказательства делали в глазах объективного следователя «вполне вероятным совершение преступления данным лицом»³.

Точка зрения проф. Строговича и проф. Чельцова по данному вопросу является в основе своей правильной, но нуждается в некотором уточнении, а именно — собранные по делу доказательства могут быть признаны достаточными для привлечения в качестве обвиняемого лишь тогда, когда виновность определенного лица является в высокой степени вероятной. Правильно указывает проф. Н. И. Полянский, что «вероятность имеет степени и привлечение человека к ответственности в качестве обвиняемого, как правило, означает, что орган, осуществляющий привлечение, считает более вероятной его виновность, чем невиновность. Привлечение лица к уголовной ответственности — слишком тяжелый для привлекаемого акт, чтобы его можно

¹ М. С. Строгович. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. 1951 г., стр. 121.

² М. С. Строгович. Привлечение к уголовной ответственности, ВЮА РККА, Ашхабад, 1942 г., стр. 14 (курсив автора).

³ М. А. Чельцов. Советский уголовный процесс, М. 1951 г., стр. 274, (курсив автора).

было допустить в том случае, когда имеются одинаковые основания предположить как то, что обвиняемый совершил преступление, так и то, что он его не совершил»¹.

Другой точки зрения придерживается В. З. Лукашевич, по мнению которого, «в советском уголовном процессе привлечение к уголовной ответственности должно иметь место тогда, когда у следователя сложится внутреннее убеждение в виновности обвиняемого»².

С этим положением нельзя согласиться.

Закон в ст. 127 УПК УССР (ст. 129 УПК РСФСР) требует, чтобы в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого были указаны «...обстоятельства совершения преступления, поскольку они известны следователю». Отсюда ясно, что к моменту привлечения в качестве обвиняемого закон не обязывает следователя знать все обстоятельства совершенного преступления.

Обвиняемому обеспечивается для охраны его законных интересов право давать объяснения по поводу возбужденного против него обвинения, опровергать это обвинение и представлять доказательства в свою защиту. Закон (ст. 109 УПК УССР, ст. 111 УПК РСФСР) обязывает следователя при производстве предварительного расследования выяснить и исследовать обстоятельства как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого. Следовательно, закон в момент привлечения лица в качестве обвиняемого не требует от следователя достоверных выводов о виновности данного лица. Однако, отсюда вовсе не вытекает, что следователь вправе привлечь то или иное лицо в качестве обвиняемого на основе одних только предположений, не подкрепленных доказательствами. Напротив, обвинение, предъявленное обвиняемому, должно быть обосновано и должно опираться на соответствующие доказательства. Необоснованное же привлечение гражданина к уголовной ответственности представляет собой грубое нарушение социалистической законности.

Разумеется, доказательства, дающие основания для привлечения лица в качестве обвиняемого, еще не предрешают вопрос о виновности данного лица.

Так п. «д» ст. 4 УПК УССР (п. 5 ст. 4 УПК РСФСР) предусматривает возможность прекращения дела «при отсутствии в действиях, приписываемых обвиняемому, состава преступления». Пункт 2 ст. 197 УПК УССР (пункт «б» ст. 204 УПК РСФСР) говорит о прекращении дела за отсутствием доказательств для передачи суду. Следовательно, возможно такое положение, когда данное лицо было привлечено в качестве обвиняемого, но дальнейшим расследованием было выяснено, что обвинение, предъявленное обвиняемому, не подтвердилось. Это также указывает на

¹ Н. И. Полянск и й. К вопросу о презумпции невиновности. «Советское государство и право», 1949 г., № 9, стр. 60.

² Ученые записки ЛГУ им. А. А. Жданова. №—187, вып. 6, Вопросы советского государства и права. Ленинград, 1955 г., стр. 235.

то, что в момент привлечения лица в качестве обвиняемого закон не требует, чтобы вывод следователя о виновности обвиняемого был достоверным, и ограничивается требованием высокой степени вероятности этого вывода.

Как правило, без проверки показаний обвиняемого нельзя прийти к достоверному выводу об обоснованности обвинения. Поэтому появление в стадии предварительного расследования обвиняемого обязывает следователя допросить его и проверить его показания. В частности, подлежит обязательной проверке версия, выдвинутая обвиняемым и не опровергнутая имеющимися в деле доказательствами. Но такой проверкой расследование не заканчивается. Как было указано выше, к моменту привлечения в качестве обвиняемого могут быть выяснены не все обстоятельства дела, поэтому и после привлечения в качестве обвиняемого следователь должен продолжать расследование и тем обеспечить всестороннее и полное выяснение дела.

Совершенно справедливо указывает в этой связи Тарасов-Родионов: «При правильном добросовестном ведении расследования привлечение в качестве обвиняемого далеко еще не означает фактического окончания расследования по существу, как это представляют себе некоторые следователи. Привлечение в качестве обвиняемого, в соответствии с требованием ст. 128 УПК, должно производиться, как только следователь соберет достаточные данные для предъявления обвинения»¹.

А. П. Нечипоруку было предъявлено обвинение по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» в том, что «он, будучи сопровождающим вагона с картофелем, получив 27 октября 1951 г. в Дерезнянской заготконторе 50 тонн картофеля для доставки и сдачи в ОРС треста «Макеевуголь», дорогой значительную часть картофеля распродал частным лицам..., в результате чего образовалась недостача в количестве 17 тонн»². Будучи допрошен в качестве обвиняемого, Нечипорук заявил, что он получил на станции не 50 тонн, а лишь 33,4 тонны картофеля и не знает, отчего в накладной указано 50 тонн. Проверкой бухгалтерских документов было установлено, что действительно было отгружено картофеля лишь 33,4 тонны, и, таким образом, недостача составляет 400 кг, а не 17 тонн. Факт продажи обвиняемым картофеля в дороге был опровергнут другими доказательствами по делу, и дело на основании п. 2 ст. 197 УПК УССР было прекращено.

Таким образом следует признать, что к моменту привлечения лица в качестве обвиняемого следователем должна быть принята одна версия, подкрепленная проверенными доказательствами, ука-

¹ Тарасов-Родионов. Предварительное следствие. М. 1946 г., стр. 146.

² Дело №—176 из практики Макеевской Горпрокуратуры, Сталинской обл., 1952 г.

зывающая на виновность определенного лица и обладающая высокой степенью вероятности. Вопрос же о том, когда следователь может считать, что его версия обладает высокой степенью вероятности, зависит от фактических обстоятельств каждого конкретного дела и решается следователем путем оценки собранных по делу доказательств.

Предъявив обвинение обвиняемому и допросив его, следователь производит затем необходимые следственные действия и, собрав таким путем достаточные данные для предания обвиняемого суду, выполняет требования ст. 200 УПК УССР (206 УПК РСФСР), после чего составляет обвинительное заключение.

Обвинительное заключение является исходящим от обвинительной власти процессуальным документом, в котором сформулировано обвинение определенного лица в совершении преступления и выражено внутреннее убеждение следователя о виновности обвиняемого.

Следователь вправе приступить к составлению обвинительного заключения лишь после такой оценки всех собранных по делу доказательств в их взаимной связи и совокупности, в результате которой он приходит к достоверному, по его убеждению, выводу о виновности обвиняемого.

«Совершенно очевидно, если в результате расследования дела у следователя не складывается твердого убеждения о виновности обвиняемого, остаются сомнения и неуверенность, то следователь не вправе считать следствие по делу законченным»¹.

Но оценка доказательств в стадии предварительного расследования тем и отличается от оценки доказательств при постановлении приговора в стадии судебного разбирательства, что выводы следователя не являются окончательными. Доказательства, собранные следователем, должны быть проверены и оценены судом. Поэтому выводы, сделанные следователем, будут признаны достоверными только тогда, когда суд признает, что эти выводы являются правильными, исключающими возможность иного решения данного уголовного дела.

«Какими бы убедительными ни представлялись доказательства, собранные против обвиняемого в стадии предварительного расследования, вывод о виновности обвиняемого не может рассматриваться как окончательный уже по одному тому, что все эти доказательства суд еще не проверил. Достоверность такого вывода может быть признана только после того, как суд, рассмотрев все имеющиеся в деле доказательства на началах устности и непосредственности, даст им положительную оценку и признает, что в своей совокупности они приводят к единственно возможному выводу о виновности подсудимого и исключают возможность иного решения данного дела»².

¹ М. С. Строгович. Уголовное преследование в советском уголовном процессе, 1951 г. стр. 61.

² Настольная книга следователя, Москва, 1949, стр. 134.

Отсюда следует, что следователь при окончании расследования должен поставить перед собой вопрос: достаточно ли собранных по делу доказательств для того, чтобы после их рассмотрения и оценки суд мог прийти к достоверному выводу о виновности обвиняемого. Это значит, что следователь должен собрать такие доказательства, которые в результате последующего их рассмотрения судом в стадии судебного разбирательства приведут суд к достоверному выводу о виновности обвиняемого.

Таким образом, если в момент привлечения лица в качестве обвиняемого следователь может ограничиться высокой степенью вероятности виновности обвиняемого, то при окончании расследования следователь может приступить к составлению обвинительного заключения тогда, когда его вывод о виновности обвиняемого является, по его убеждению, достоверным.

После выполнения требований ст. 200 УПК УССР (ст. 206 УПК РСФСР) и составления обвинительного заключения следователь направляет дело вместе с обвинительным заключением прокурору.

Получив дело, прокурор должен проверить (ст. 223 УПК УССР, ст. 221, 224 УПК РСФСР), соблюдены ли требования процессуального закона в стадии предварительного расследования, правильно ли квалифицировано преступление, приписываемое обвиняемому, обосновано ли обвинение, предъявленное обвиняемому, доказательствами, достаточно ли этих доказательств для рассмотрения дела по существу в судебном разбирательстве.

Чтобы произвести указанную проверку, прокурор должен изучить все материалы дела и оценить всю совокупность имеющихся в деле доказательств. Прокурор, как и следователь, оценивает каждое доказательство в отдельности и все доказательства по делу в их совокупности и взаимосвязи и на этой основе решает, правилен ли вывод, сделанный следователем в обвинительном заключении. Прокурор возвращает дело на дополнительное расследование, если признает, что собранные доказательства недостаточны для рассмотрения дела по существу. Прокурор может изменить квалификацию преступления; при этом, если новая квалификация является более тяжкой или существенно меняет характер первоначального обвинения, дело должно быть направлено на доследование для предъявления нового обвинения. Изменяя квалификацию преступления в обвинительном заключении прокурор, оценивая доказательства по делу, придает им иное значение. В этом случае у прокурора складывается иное убеждение на основе рассмотренных им доказательств. Изучив дело и оценив доказательства, прокурор может согласиться с выводами следователя о достаточности доказательств для предания обвиняемого суду только в том случае, если он так же, как и следователь, убежден в достоверности вывода о виновности обвиняемого.

При рассмотрении дела в судебном разбирательстве точка зрения прокурора может измениться, если в результате исследования

дела в суде он придет к выводу о недостаточности доказательств для осуждения подсудимого. В этом случае он обязан отказаться от обвинения (ст. 284 УПК УССР, ст. 306 УПК РСФСР).

Если в ходе расследования не будут добыты данные для предания обвиняемого суду, дело подлежит прекращению.

Основанием для прекращения дела являются: наличие какого-либо из обстоятельств, указанных в ст. ст. 4 и 5 УПК УССР (ст. 4 УПК РСФСР), и «недостаточность улик для предания обвиняемого суду» (п. «2» ст. 197 УПК УССР, п. «б» ст. 204 УПК РСФСР).

Недостаточность улик для предания суду имеется там, где вероятные выводы следователя о виновности конкретного лица не превратились, по убеждению самого следователя, и не могут превратиться в достоверные при рассмотрении дела судом. Это имеет место там, где первоначальные вероятные выводы следователя о виновности обвиняемого были опровергнуты оправдательными доказательствами или уже сами по себе собранные следователем доказательства были таковы, что не могли привести к достоверному выводу о виновности обвиняемого. Это означает в последнем случае, что следователь преждевременно привлек лицо в качестве обвиняемого, не имея достаточно обоснованной версии, которая устанавливала бы с высокой степенью вероятности виновность обвиняемого.

Постановление следователя о прекращении дела при «недостаточности улик для предания обвиняемого суду» равнозначно оправдательному приговору с точки зрения его процессуального значения и последствий.

Профессор М. М. ГРОДЗИНСКИЙ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ ЭКСПЕРТИЗЫ В ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ РАССЛЕДОВАНИИ ПО СОВЕТСКОМУ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ПРАВУ

В свете решений XX Съезда КПСС о дальнейшем укреплении социалистической законности исключительно важное значение приобретает всемерное повышение качества работы всех органов Советского государства и, в том числе, органов прокуратуры и суда, поставленных на охрану социалистического правопорядка и призванных бороться со всеми и всякими правонарушениями. Это требует, наряду с другими мероприятиями, дальнейшей разработки вопросов, связанных с доказыванием в советском уголовном процессе и, в частности, вопросов, относящихся к одному из наиболее сложных процессуальных действий — к производству экспертизы в уголовных делах.

Сущность экспертизы в советском уголовном процессе заключается, говоря общим образом, в том, что в необходимых случаях используются при доказывании соответствующие научные данные в целях полного и всестороннего исследования дела и правильного его разрешения. Экспертиза в советском уголовном процессе — это облеченное в процессуальную форму служение советской науки делу социалистического правосудия.

Одним из условий успешности этого служения является правильное понимание сущности и задач советской экспертизы, надлежащая ее организация и правильное использование ее результатов в целях установления объективной истины в каждом расследуемом и рассматриваемом уголовном деле.

Производство экспертизы, как и все доказывание в советском уголовном процессе, определяется лежащими в его основе принципами и, в том числе, принципом публичности (официальности). Сущность этого принципа заключается в том, что прокуратура, органы расследования и суд, действуя в интересах социалистического правопорядка, проявляют, в силу обязанности,

возложенной на них законом, свою инициативу и активность в возбуждении, расследовании и рассмотрении уголовных дел. Эта инициатива и активность указанных органов и направляет всю их деятельность, связанную с производством экспертизы, в первую очередь, при разрешении вопроса о привлечении экспертов к участию в деле.

Принцип публичности, в его взаимосвязи с другим принципом советского уголовного процесса — с правом обвиняемого на защиту, обязывает следователя¹ и прокурора сочетать их инициативу и активность при производстве экспертизы с обеспечением обвиняемому реальной возможности участвовать в этой экспертизе там, где она признана необходимой.

Право обвиняемого на участие в экспертизе в стадии предварительного расследования предусмотрено действующими кодексами всех союзных республик (УПК РСФСР — ст. ст. 112, 169, 171, 174; УПК Украинской ССР — ст. ст. 110, 166, 171; УПК Белорусской ССР — ст. ст. 112, 169, 171, 174; Временные правила производства предварительного расследования по уголовным делам Грузинской ССР, ст. ст. 11, 24, 25; УПК Азербайджанской ССР — ст. ст. 109, 166, 168, 171; УПК Армянской ССР — ст. ст. 111, 167, 169, 172; УПК Узбекской ССР — ст. ст. 15, 28, 29; УПК Туркменской ССР — ст. ст. 45, 55, 56; УПК Таджикской ССР — ст. ст. 20, 30). Все эти кодексы предоставляют обвиняемому право ходатайствовать об истребовании доказательств и, в частности, о производстве экспертизы, и указывают, что следователь обязан это ходатайство удовлетворить, если обстоятельства, которые должны быть таким путем установлены, могут иметь значение для дела. На все остальные вопросы, связанные с участием обвиняемого в экспертизе в стадии предварительного расследования, кодексы дают различные и притом не всегда полные ответы.

Признав необходимым производство экспертизы, следователь определяет круг лиц, привлекаемых к участию в деле в качестве экспертов. В связи с этим у обвиняемого возникает право ходатайствовать о вызове в качестве экспертов указанных им лиц, а также право заявить — при наличии к тому оснований — отвод эксперту, назначенному следователем. Положение это, как вытекающее из права обвиняемого на защиту, является совершенно бесспорным, однако в действующем уголовно-процессуальном законодательстве оно не получает полного и четкого своего выражения. Так, об отводе эксперта в стадии предварительного расследования говорит только УПК Туркменской ССР (ст. 12), все же другие кодексы устанавливают основания и порядок отвода экспертов в главе, носящей название «О составе суда, сторонах и отводах», и тем самым, имеют в виду только те случаи, когда

¹ «Следователь» здесь, как и в дальнейшем, обозначает всех лиц, производящих предварительное расследование.

отвод заявлен кем-либо из сторон в стадии судебного разбирательства. Кроме того, заявить отвод эксперту обвиняемый может лишь тогда, когда ему известен список лиц, назначенных следователем для производства экспертизы; между тем действующие кодексы не содержат в себе указаний на обязанность следователя сообщать этот список обвиняемому.

Право обвиняемого ходатайствовать о вызове дополнительного указанного им эксперта предусмотрено всеми действующими уголовно-процессуальными кодексами. Исключением является УПК Украинской ССР, где статья 166 подчеркивает, что «выбор экспертов принадлежит следователю, а не сторонам» и, следовательно, исключает — по буквальному ее смыслу — право обвиняемого просить о включении в число экспертов того или иного указанного им специалиста. Уголовно-процессуальный кодекс Туркменской ССР вообще не содержит в себе никаких постановлений по данному вопросу и потому также не предусматривает право обвиняемого просить о вызове дополнительных экспертов.

Предоставляя обвиняемому право ходатайствовать о вызове дополнительных экспертов, УПК РСФСР указывает, что «В случае требования обвиняемого, следователь, помимо избранных им экспертов, может вызвать и эксперта, указанного обвиняемым; отказ в таком вызове может последовать, если вызов указанного эксперта невозможен или же грозит затянуть предварительное следствие» (ст. 169). Такие же постановления содержат в себе уголовно-процессуальные кодексы Белорусской ССР (ст. 169), Азербайджанской ССР (ст. 166), Армянской ССР (ст. 167) и Таджикской ССР (ст. 30).

В советской уголовно-процессуальной литературе отмечалась недостаточная четкость и определенность положений, содержащихся по данному вопросу в статье 169 УПК РСФСР. По мнению проф. Н. Н. Полянского, статья эта требует редакционного изменения, «так как предоставление следователю права отказать в ходатайстве о вызове дополнительного эксперта со ссылкой на то, что экспертиза «грозит затянуть предварительное следствие», дает следователю легкую возможность отказать почти в любом ходатайстве о вызове дополнительного эксперта и так как легко представить себе случаи, когда дополнительная экспертиза диктуется интересами дела, хотя бы она и грозила неизбежным prolongation времени производства предварительного следствия».¹ Из этого видно, что автор находит необходимым изменить статью 169 УПК РСФСР только в той ее части, где идет речь об отказе в ходатайстве обвиняемого ввиду того, что вызов указанного обвиняемым эксперта может затянуть предварительное следствие; что же касается другого основания такого отказа — именно не-

¹ Проф. Н. Н. Полянский. Доказательства в иностранном уголовном процессе. 1946 г., стр. 126 примечание.

возможности вызова дополнительного эксперта, то оно возражений и замечаний у проф. Полянского не вызывает.

Несколько иной является точка зрения Р. Д. Рахунова. Он полагает, что содержащаяся в статье 169 УПК РСФСР «формулировка ставит обвиняемого при использовании им своих прав в зависимость от усмотрения следователя. Последний может признать вызов эксперта невозможным всякий раз, когда он сочтет затруднительным для себя такой вызов. В такие же условия может быть поставлен обвиняемый и вторым ограничением, содержащимся в ст. 169 УПК РСФСР. Нельзя отказать обвиняемому в удовлетворении его ходатайства о вызове экспертов только по той причине, что удовлетворение такового «грозит затянуть предварительное следствие». Важнейший принцип советского уголовного процесса состоит в том, чтобы обеспечить полное и объективное исследование всех обстоятельств дела, и если в этих целях требуется «затянуть» следствие, то, естественно, надо это допустить во имя выяснения истины».¹

Соображения Р. Д. Рахунова в части, относящейся к отказу в ходатайстве обвиняемого ввиду невозможности вызова указанного им эксперта, сводятся к тому, что следователь, под предлогом невозможности вызова эксперта, может иногда отклонить даже вполне обоснованное ходатайство обвиняемого. Между тем нет оснований предполагать со стороны следователя такие, в сущности, совершенно произвольные действия, продиктованные простым нежеланием вызвать указанного обвиняемым эксперта. С другой стороны, не исключены случаи, когда вызов этот окажется действительно невозможным, например, вследствие болезни эксперта, либо занятости его в чрезвычайно важной и срочной работе, от которой отвлечь его даже на время было бы совершенно недопустимо и т. д.

Иное дело — отклонение ходатайства обвиняемого на том основании, что вызов указанного им эксперта затянет расследование по делу. Вполне возможно, что привлечение к участию в экспертизе специалиста, указанного обвиняемым, несколько удлинит производство этой экспертизы и тем самым удлинит все расследование в целом. Но если благодаря участию данного эксперта, будут лучше и полнее выяснены соответствующие обстоятельства дела и в том числе обстоятельства, говорящие в пользу обвиняемого, то участие это несомненно окажется полезным. При таком положении вещей отказ в ходатайстве обвиняемого в вызове указанного им эксперта будет означать нарушение права обвиняемого на защиту и приведет к неполному и неправильному исследованию дела, что, в свою очередь, может иметь своим последствием вынесение судом незаконного и необоснованного приговора. Решающее значение здесь должны иметь не опасения

---

¹ Р. Д. Рахунов. Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе. 1953 г., стр. 122.

несколько большей продолжительности расследования, а исключительно требования установления объективной истины в деле. Ввиду этого был бы неправильным и не отвечал бы указанным требованиям отказ в ходатайстве обвиняемого только по тем основаниям, что вызов указанного им эксперта может затянуть расследование дела. Поэтому статью 169 УПК РСФСР и повторяющие ее статьи УПК других союзных республик следует понимать в том смысле, что в ходатайстве обвиняемого о вызове дополнительного эксперта может быть отказано тогда, когда ходатайство это является необоснованным по существу и может привести только к непроизводительной затрате времени при расследовании дела.

УПК Узбекской ССР (ст. 28) и Временные правила производства предварительного расследования по уголовным делам Грузинской ССР (ст. 24) допускают отказ в ходатайстве обвиняемого о вызове дополнительного эксперта каждый раз, когда следователь признает, что такой вызов является излишним. Формулировка эта лишена требуемой определенности и не содержит в себе положений, которые могли бы быть руководящими при решении данного вопроса. Поэтому и здесь следует признать, что отказ в вызове дополнительного эксперта может быть признан излишним только тогда, когда он не может дать ничего положительного для полного и правильного расследования дела.

Исчерпывающе полно и точно формулировать в законе те основания, по которым обвиняемому может быть отказано в его ходатайстве о вызове дополнительного эксперта, чрезвычайно трудно. Но в такой формулировке, в сущности, и нет надобности, так как данный вопрос может и должен получать свое разрешение в каждом конкретном деле на основе общих положений об относимости доказательств в советском уголовном процессе.

Если тот или иной факт имеет значение для дела, относится к делу и потому подлежит доказыванию, то для того, чтобы доказывание это было успешным, должны быть собраны, рассмотрены и подвергнуты оценке все те допустимые по делу источники доказательств (средства доказывания), при помощи которых данный факт может быть установлен с достоверностью. Следовательно, эти источники доказательств также имеют значение для дела, относятся к нему; иначе говоря — относимость фактов к делу определяет и относимость тех источников доказательств, которые служат для установления этих фактов.

Это положение полностью распространяется, конечно, и на экспертизу. Если следователь нашел, что производство экспертизы по делу необходимо, то этим он признал, что факт, для установления которого требуется применение специальных знаний, относится к делу. Отсюда, в свою очередь, следует, что относятся к делу и должны быть использованы в качестве источника доказательств заключения тех экспертов, которые своим участием в деле обеспечат полное и правильное его исследование. Исходя

из этого, и должен следователь решать каждый раз вопрос об удовлетворении или об отклонении ходатайства обвиняемого о вызове дополнительного эксперта. Если назначенные следователем эксперты по своей объективности и компетентности вполне обеспечивают полное и правильное выяснение поставленных перед ними вопросов, то ходатайство обвиняемого окажется необоснованным и потому в ходатайстве этом будет отказано. Если же сложность возникшего в деле вопроса требует участия более широкого круга экспертов по сравнению с тем, какой определен следователем, а указанный обвиняемым эксперт является высококвалифицированным специалистом в данной области, и если притом данное лицо не подлежит отводу по указанным в законе основаниям, то этот эксперт должен быть привлечен к участию в деле. В противном случае не будут использованы все относящиеся к делу источники доказательств и в результате этого, дело останется неполно и неправильно исследованным.

При производстве экспертизы очень важное значение имеет характер и круг тех вопросов, для разрешения которых эксперты вызваны. Постановка этих вопросов, как и формулировка их, принадлежит следователю, но наряду с этим обвиняемому должна быть обеспечена возможность принять участие в этой стороне организации экспертизы.

Право обвиняемого поставить определенные вопросы на разрешение экспертов до того, как они приступили к производству экспертизы, предусматривают УПК РСФСР (ст. 171), Украинской ССР (ст. 166), Белорусской ССР (ст. 171), Азербайджанской ССР (ст. 168), Армянской ССР (ст. 169) и Туркменской ССР (ст. 55). Так как право это может быть осуществлено обвиняемым лишь в том случае, если ему будут известны вопросы, поставленные эксперту следователем, то отсюда вытекает обязанность последнего сообщить обвиняемому, какие именно вопросы поставлены на разрешение экспертов, хотя в законе обязанность эта прямо и не указана. Кодексы других союзных республик о праве обвиняемого ставить вопросы экспертам до начала производства экспертизы ничего не говорят.

Последовательно проводимое право на защиту при производстве экспертизы предполагает право обвиняемого присутствовать при экспертизе, давать объяснения экспертам, ставить им вопросы, обращать их внимание на те или иные моменты дела. В действующем законодательстве данный вопрос не получает четкого своего разрешения. Уголовно-процессуальные кодексы РСФСР, Украинской ССР, Белорусской ССР, Азербайджанской ССР и Армянской ССР вовсе не упоминают о праве обвиняемого присутствовать при производстве экспертизы. Кодексы Узбекской ССР (ст. 29) и Туркменской ССР (ст. 56), а также Временные Правила производства предварительного расследования по уголовным делам Грузинской ССР (ст. 25) допускают присутствие обвиняемого при производстве экспертизы, но не определяют тех

условий, при которых обвиняемый может осуществить это свое право. Только УПК Таджикской ССР (ст. 30) устанавливает, как общее правило, что «обвиняемый вправе присутствовать при экспертизе, задавать экспертам вопросы и давать сам пояснения», за исключением тех случаев, когда «обвиняемый, по постановлению производящего расследование, не допущен к экспертизе».

При окончании предварительного расследования обвиняемому, как известно, обеспечивается возможность ознакомления со всеми материалами дела (ст. 206 УПК РСФСР, ст. 200 УПК УССР и соответствующие статьи УПК других союзных республик). Но входящий в число этих материалов акт экспертизы находится в особом положении. Специфика экспертизы требует, чтобы в случае необходимости заключение, данное экспертами, могло быть дополнено и уточнено, и более того, чтобы — при наличии к тому оснований, — экспертиза в целом была произведена вторично. Отсюда вытекает право следователя, после дачи заключения экспертами, ставить им вопросы, а также назначить производство новой экспертизы. В соответствии с этим обвиняемому для осуществления его права на защиту должна быть обеспечена возможность ознакомиться с актом экспертизы не только при окончании расследования, но и непосредственно после того как экспертиза произведена, а также возможность ставить экспертам дополнительные вопросы, указывать на неполноту и неправильность данного экспертами заключения и на этом основании ходатайствовать о производстве новой экспертизы.

И здесь постановления действующих кодексов разнятся между собой.

УПК РСФСР в статье 173 указывает общим образом, что «после дачи заключения каждому из экспертов могут быть задаваемы вопросы». Ясно, что вопросы эти может задавать следователь, но предоставлено ли такое право обвиняемому? На этот вопрос кодекс ответа не дает. Далее, согласно ст. 174 УПК РСФСР следователь вправе назначить новую экспертизу «по собственной инициативе или по ходатайству обвиняемого». Но для того чтобы иметь возможность возбудить указанное ходатайство, обвиняемый должен быть ознакомлен с актом экспертизы, и потому из данного положения закона следует, что обвиняемому обеспечивается право такого ознакомления. Отсюда, в свою очередь, вытекает обязанность следователя, не ожидая особых о том заявлений обвиняемого, ознакомить последнего с актом экспертизы непосредственно после того как экспертиза по делу произведена. Такие же постановления содержат в себе Уголовно-процессуальные кодексы Белорусской ССР (ст. ст. 173, 174), Азербайджанской ССР (ст. ст. 170, 171) и Армянской ССР (ст. ст. 171, 172).

УПК Украинской ССР (ст. ст. 171, 172,) предусматривает право обвиняемого ставить вопросы экспертам после дачи им за-

ключения и, следовательно, исходит из того, что заключение это будет каждый раз предъявлено обвиняемому непосредственно после производства экспертизы по делу. Вместе с тем кодекс не содержит в себе указания на право обвиняемого ходатайствовать в этот момент расследования о производстве новой экспертизы.

Другие кодексы—Узбекской ССР (ст. 26) и Таджикской ССР (ст. 30), а также Временные Правила производства предварительного расследования по уголовным делам Грузинской ССР (ст. 25) предусматривают право обвиняемого ставить вопросы экспертам после дачи ими заключения лишь тогда, когда обвиняемый присутствует при производстве экспертизы. В этих случаях разрешает обвиняемому ставить вопросы экспертам после дачи ими заключения и УПК Туркменской ССР (ст. 56).

Развивая постановления действующего законодательства о формах и пределах участия обвиняемого в организации экспертизы, Приказы Прокурора СССР уточняют решение некоторых возникающих в данной области вопросов. В первую очередь сюда относится Приказ Прокурора СССР от 7 октября 1936 г. № 61/19, где органам расследования было предложено «При производстве экспертизы предоставить обвиняемому возможность давать объяснения эксперту, ставить перед ним вопросы (под контролем следователя) и знакомиться с актом экспертизы». Более широко определено право обвиняемого на участие в экспертизе приказом Прокурора СССР от 13 мая 1939 г. № 90-3, в котором сказано следующее: «В соответствии с требованиями статей 168 и 171 УПК РСФСР и соответствующих статей УПК других союзных республик, лицам, привлекаемым по делу в качестве обвиняемых, предоставляется право требования вызова по их указаниям дополнительных экспертов, а также права представлять в письменном виде те выдвинутые ими дополнительные вопросы, по которым экспертами должно быть дано заключение. Обеспечение возможности обвиняемым использования этих предоставленных им законом прав в свете ст. 111 Конституции СССР приобретает особое значение, являясь гарантией прав обвиняемых на защиту. Между тем на практике нередко имеют место случаи прямого нарушения этих прав обвиняемых, а также случаи, когда следователи не разъясняют обвиняемым предоставленных им законов прав. Считая такое положение совершенно нетерпимым, приказываю: Во всех случаях назначения в стадии расследования той или иной экспертизы разъяснять обвиняемым предоставленные им законом права, оформляя это специальным протоколом по прилагаемой форме».¹

Приведенные приказы Прокурора СССР определяют в известной мере порядок, обеспечивающий обвиняемому реальную воз-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Официальное издание с изменениями на 1 ноября 1946 г. и с приложением постановочно-систематизированных материалов, стр. 150—152.

возможность участвовать в экспертизе, и в этом их большое принципиальное и практическое значение. Но вместе с тем не все возникающие в данной области вопросы получили здесь свое разрешение. Так, приказ от 13 мая 1939 г. охватывает только те моменты, которые предшествуют производству экспертизы, и не указывает, при каких условиях и в каких случаях обвиняемый вправе присутствовать при экспертизе, давать объяснения экспертам и ставить им вопросы. Равным образом не предусматривает приказ обязанность следователя проявлять каждый раз свою инициативу в ознакомлении обвиняемого с актом экспертизы и в разъяснении обвиняемому его права ставить дополнительные вопросы экспертам после дачи ими заключения. На некоторые из этих вопросов дает ответ приказ от 7 октября 1936 г., но он говорит только об экспертизе судебно-бухгалтерской и не упоминает о праве обвиняемого присутствовать при производстве экспертизы других видов, ставить при этом вопросы экспертам и давать им объяснения.

Таким образом, не все вопросы, связанные с организацией и производством экспертизы в предварительном расследовании, получают в действующем законодательстве полное свое разрешение. Не всегда правильными являются те ответы, которые на эти вопросы дает процессуальная литература. В частности, это относится к высказываниям о праве обвиняемого присутствовать при производстве экспертизы и знакомиться с актом экспертизы, после того как она была произведена.

В своей статье «Некоторые вопросы организации экспертизы»¹ тов. Т. М. Арзуманян пишет: «УПК РСФСР и других республик не предусматривают вопроса о форме участия обвиняемого в экспертизе. В следственной и судебной же практике этот вопрос решается по разному: имеется, в частности, точка зрения, что обвиняемый вправе участвовать в производимой экспертизе на всем протяжении работы эксперта, особенно в работе судебно-бухгалтерского эксперта». Свои возражения против этой точки зрения автор строит на противопоставлении ревизии экспертизы. «Материально-ответственные лица или обвиняемые заинтересованы в том чтобы ревизор проверил всю документацию, поэтому они и присутствуют на протяжении всей ревизии, давая разъяснения по возникшим вопросам. Эксперт же исследует лишь отдельные определенные операции и документы, и в его обязанность входит главным образом оценка отдельных документов или вещественных доказательств. В связи с этим обвиняемый должен присутствовать при производстве экспертизы только тогда, когда следователь признает это необходимым».

Не останавливаясь здесь на вопросе об оценке экспертом-бухгалтером документов и вещественных доказательств, следует сказать, что конечный вывод т. Арзуманяна не вытекает из его же

¹ Социалистическая Законность, 1952 г. № 4.

аргументации. Нет сомнения, что присутствие обвиняемого на всем протяжении экспертизы зачастую может оказаться ненужным и притом чрезвычайно затруднительным либо даже вовсе невозможным. Но из этого вовсе не следует, что обвиняемый должен присутствовать при производстве экспертизы только в тех случаях, когда это будет ему разрешено следователем. Будучи доведена до конца, мысль т. Арзуманяна означает, что, по общему правилу, обвиняемый не должен присутствовать при производстве экспертизы, но в отдельных случаях следователь может допустить изъятия, причем основания для таких изъятий остаются совершенно неопределенными.

Между тем обеспечение обвиняемому права на защиту в данной области диктует диаметрально-противоположное решение вопроса и требует, чтобы общим правилом являлось право обвиняемого присутствовать при производстве экспертизы,— исключения же должны иметь место там, где такое присутствие обвиняемого является фактически невозможным по конкретным обстоятельствам дела либо вследствие самого характера производимой по делу экспертизы, например, когда графическая или химическая экспертиза производится в соответствующем специальном учреждении-институте, лаборатории и т. п.

Нельзя согласиться с утверждениями т. Арзуманяна и в той их части, где речь идет об ознакомлении обвиняемого с актом экспертизы. Тов. Арзуманян допускает возможность такого ознакомления непосредственно после того как заключение дано экспертом, т. е. еще до окончания расследования и до выполнения требований ст. 206 УПК РСФСР; «Очевидно — пишет автор — что ознакомление с выводами экспертизы до выполнения требований статьи 206 УПК РСФСР позволяет сэкономить время, ибо обвиняемый получает возможность представить свои объяснения еще до окончания следствия, а следователь сможет своевременно проверить объяснения обвиняемого и устранить те или иные ошибки, допущенные экспертами, если они окажутся».

Но при всем том автор полагает, что ознакомление обвиняемого с актом экспертизы непосредственно после того как она произведена, не является обязательным. «В законе не указывается, когда именно следователь обязан ознакомить обвиняемого с выводами экспертизы... выбор момента для ознакомления обвиняемого с актом экспертизы, если это ознакомление производится до выполнения требований ст. 206 УПК РСФСР, является вопросом тактики. Следователь может ознакомить обвиняемого с выводами экспертизы тогда, когда он найдет это нужным, исходя из интересов следствия».

Вопреки мнению т. Арзуманяна, ответ на вопрос о времени ознакомления обвиняемого с актом экспертизы, должен быть совсем иным. Вопросы тактики могут получить то или иное свое разрешение в зависимости от конкретных обстоятельств дела, но всегда в соответствующих процессуальных границах. И если

закон и вытекающие из него положения требуют совершения данного следственного действия в определенной форме и в определенный момент производства по делу, то никакие соображения тактики не могут оправдать несоблюдение установленного порядка, так как это означало бы нарушение уголовно-процессуальной формы и зачастую с ним связанное нарушение права обвиняемого на защиту.

Именно такое положение имеется в данном случае. Как было уже указано, уголовно-процессуальные кодексы РСФСР, Белорусской ССР, Азербайджанской ССР и Армянской ССР предоставляют обвиняемому право ходатайствовать о производстве новой экспертизы, и тем самым предполагают его право ознакомиться с актом экспертизы непосредственно после того, как она произведена по делу. Равным образом предполагает такое право обвиняемого и УПК Украинской ССР, который предоставляет обвиняемому возможность ставить вопросы экспертам после дачи ими заключения. Если же это так, то следователь — независимо от соображений тактики расследования — обязан ознакомить обвиняемого с актом экспертизы непосредственно после того как она произведена, что, конечно, не исключает права обвиняемого вторично прочесть этот акт в числе других материалов дела при выполнении требований ст. 206 УПК РСФСР и соответствующих статей УПК других союзных республик.

Восполнение пробелов, имеющих по данному вопросу в действующих кодексах, составляет задачу будущего уголовно-процессуального законодательства. Исходя из принципов советского уголовного процесса и используя богатый опыт многолетней следственной практики, закон должен установить единый, точно очерченный порядок производства экспертизы в стадии предварительного расследования и четко определить при этом объем прав обвиняемого и формы его участия в экспертизе. Основные относящиеся сюда положения сводятся к следующему.

Признав необходимым произвести экспертизу по делу, следователь составляет о том мотивированное постановление, назначает экспертов, либо указывает специальное учреждение, которому поручается производство экспертизы, и формулирует вопросы, выяснение которых требует применения соответствующих специальных знаний. Непосредственно после этого следователь извещает обвиняемого о назначении экспертизы, сообщает ему список лиц, привлеченных к участию в деле в качестве экспертов, и формулировку вопросов, поставленных на их разрешение. Одновременно следователь разъясняет обвиняемому его право заявить — при наличии к тому оснований — отвод экспертам, ходатайствовать о вызове дополнительных экспертов и ставить экспертам дополнительные вопросы. Указанные ходатайства, если они были заявлены обвиняемым, разрешаются на общих основаниях следователем, который при этом учитывает сложность вопросов, поставленных на

разрешение экспертов, квалификацию этих последних и необходимость привлечения к производству экспертизы дополнительных экспертов для полного и правильного исследования дела. При отказе в ходатайствах обвиняемого следователь составляет мотивированное постановление, которое сообщает обвиняемому, причем разъясняет ему право обжаловать это постановление прокурору.

Обвиняемый вправе присутствовать при производстве экспертизы за исключением тех случаев, когда это оказывается невозможным по конкретным обстоятельствам данного дела либо вследствие самого характера данного вида экспертизы. Присутствуя при экспертизе, обвиняемый может — под контролем следователя — ставить вопросы экспертам и давать им объяснения. После того как экспертиза произведена — независимо от того, присутствовал или не присутствовал при этом обвиняемый, — следователь обязан ознакомить с актом экспертизы обвиняемого и разъяснить ему его право ставить экспертам дополнительные вопросы, возражать — при наличии к тому оснований — против акта экспертизы и ходатайствовать о назначении новой экспертизы. При отказе в ходатайстве обвиняемого следователь составляет мотивированное постановление, которое сообщает обвиняемому, одновременно разъясняя ему право обжаловать это постановление на общих основаниях.

Все изложенное относится к тем случаям, когда экспертиза произведена по делу, в котором уже фигурирует обвиняемый. Но в практике нередко экспертиза оказывается необходимой там, где обвиняемого еще нет, и потому лицо, в последующем привлеченное к ответственности, участия в экспертизе, ранее произведенной, не принимало и принимать не могло. Совершенно очевидно, что и при таком положении вещей должно быть обеспечено право обвиняемого на защиту, но каким путем? Действующие кодексы не отвечают на этот вопрос, и практика разрешает его, исходя из принципов, положенных в основу советского уголовного процесса.

Верховный Суд СССР требует, чтобы во всех тех случаях, когда экспертиза производится после привлечения обвиняемого к ответственности, ему была обеспечена реальная возможность принять участие в организации экспертизы и, в известных пределах, также в ее производстве. В соответствии с этим, если данное лицо привлечено к ответственности после того, как экспертами уже дано заключение, следователь обязан предоставить обвиняемому возможность осуществить его право на ознакомление с актом экспертизы, на постановку дополнительных вопросов экспертам, на вызов указанных им экспертов, а также право — при наличии к тому оснований — заявить отвод эксперту, ранее назначенному следователем, и ходатайствовать о производстве новой экспертизы. Невыполнение этих требований означает лишение обвиняемого права на защиту, приводит к неполноте исследования дела и

является существенным нарушением, влекущим за собой отмену вынесенного при этих условиях приговора.¹

На такой же позиции стоит в данном вопросе и советская уголовно-процессуальная литература. По мнению проф. М. С. Строговича, если экспертиза была произведена без участия обвиняемого, так как его нет, то «после привлечения обвиняемого он немедленно должен быть ознакомлен с заключением экспертов и, в случае его возражений против заключения экспертов, должна быть назначена дополнительная или повторная экспертиза с участием обвиняемого.² Проф. М. А. Чельцов полагает, что в тех случаях, когда экспертиза была произведена до привлечения данного лица к ответственности, «следователь немедленно после привлечения обвиняемого и его допроса должен объявить ему о произведенной до его привлечения экспертизе, сообщить о личности эксперта и предъявить для ознакомления как свое постановление о назначении экспертизы, так и все составленные экспертом акты. При этом следователь должен разъяснить обвиняемому, что он имеет право, при наличии законом установленных поводов, заявить эксперту отвод, а также имеет право поставить вопросы, которые, по его мнению, должны быть разрешены экспертом, или же просить о назначении повторной экспертизы». Указанные действия должны быть оформлены особым протоколом, куда заносятся и ходатайства обвиняемого. «Эти ходатайства разрешаются следователем в зависимости от их основательности. В частности, если обвиняемый заявит, что эксперт должен быть отведен, и укажет веские основания отвода, следователь должен будет вновь произвести экспертизу через другое сведущее лицо»³. Равным образом Т. М. Арзуманян находит, что если привлечение данного лица к ответственности произошло после того, как экспертиза по делу была уже произведена, обвиняемому, после его привлечения, следует предъявить «постановление о назначении экспертизы, но с указанием о том, что по делу уже произведена экспертиза, а в протоколе об окончании экспертизы необходимо разъяснить обви-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 7 июня 1939 г. по делу Осадчего и др. (Вопросы уголовного процесса в практике Верховного Суда СССР, 1948 г., стр. 203—204). Определение Водно-Транспортной коллегии Верховного Суда СССР от 26 октября 1949 г. по делу Куревлева и др. (Судебная Практика Верховного Суда СССР 1950 г. № 1, стр. 15—16).— Определение Водно-Транспортной Коллегии Верховного Суда СССР от 11 октября 1950 г. по делу Попова и др. (Судебная Практика Верховного Суда СССР 1951 г. № 1, стр. 26—28).— Определение Водно-Транспортной коллегии Верховного Суда СССР от 9 февраля 1952 г. по делу Галактионова и др. (Судебная Практика Верховного Суда СССР 1952 г., № 4, стр. 25—28).— Определение Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 26 марта 1953 г. по делу Гончарова (Судебная Практика Верховного Суда СССР 1953 г. № 5, стр. 28—31).

² Проф. М. С. Строгович. Уголовный процесс. 1946 г. стр. 226.

³ Проф. М. А. Чельцов. Советский уголовный процесс 1951 г., стр. 265. См. также М. А. Чельцов, Н. В. Чельцова. Проведение экспертизы в советском уголовном процессе. 1954 г., стр. 92.

няемому его права... Если обвиняемый представит дополнительные вопросы, имеющие значение для дела, можно поручить тем же экспертам дать дополнительное заключение. Что касается отвода экспертов, то в случае обоснованности заявления об этом обвиняемого, следователь должен решить этот вопрос положительно и назначить новую экспертизу»¹.

Рассмотренные положения находят свое применение в следственной практике при той форме экспертизы, которая может быть условно названа обычной, когда эксперт исследует соответствующие материалы дела и на этой основе приходит к определенным выводам, которые излагает в своем заключении. Применяются эти положения и в тех относительно редких случаях, когда эксперт, не производя исследования материалов дела, дает заключение, в котором сообщает сведения, относящиеся к той или иной области специальных знаний.

Но советский уголовный процесс знает и другие формы экспертизы, которые имеют место там, где эксперт привлекается к участию в производстве осмотров, освидетельствований, обысков, выемок, следственного эксперимента.² Возникает поэтому вопрос о праве обвиняемого на участие в этих формах экспертизы. Вопрос этот имеет весьма существенное значение; между тем ответа на него в следственной практике нет, а процессуальная литература его даже не ставит.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (ст. 192), предусматривая возможность привлечения экспертов к производству осмотров и освидетельствований, предписывает соблюдать при этом «правила, изложенные в ст. ст. 169—174 Уголовно-процессуального кодекса», т. е. общие положения, устанавливающие порядок назначения и производства экспертизы. Это указание закона полностью относится и к случаям обязательного участия экспертов в осмотре и вскрытии трупов, а также в освидетельствовании обвиняемых и потерпевших (ст. 193). Такие же постановления об участии экспертов в осмотрах и освидетельствованиях с обязательным соблюдением правил, относящихся к назначению и производству экспертизы, содержат в себе Уголовно-процессуальные кодексы Украинской ССР (ст. ст. 189, 190), Белорусской ССР (ст. ст. 192, 193), Азербайджанской ССР (ст. ст. 189, 190) и Армянской ССР (ст. ст. 190, 191).

В законодательстве других союзных республик указанные положения не нашли себе места. Уголовно-процессуальный кодекс Туркменской ССР (ст. 63) ограничивается общим указанием на то, что «В случае надобности для участия в осмотре или освидетельствования приглашаются эксперты..» Временные правила

¹ Цит. статья.

² М. М. Гродзинский. Сущность и формы экспертизы в советском уголовном процессе. Ученые Записки Харьковского юридического института, выпуск VI, 1955 г.

производства предварительного расследования по уголовным делам Грузинской ССР (ст. ст. 34, 35), и УПК Узбекской ССР (ст. ст. 38, 39), говоря об осмотрах и освидетельствованиях, не предусматривают участие эксперта в этих следственных действиях. Равным образом УПК Таджикской ССР (ст. 34) не указывает на возможность участия эксперта в освидетельствованиях; что же касается осмотра, то о нем кодекс вообще никаких постановлений в себе не содержит и лишь упоминает о протоколах осмотра в ряду других доказательств, фигурирующих в уголовных делах. (ст. 26).

Таким образом большинство действующих уголовно-процессуальных кодексов требует, чтобы при производстве осмотров и освидетельствований применялся общий порядок назначения экспертизы. Требование это полностью соответствует характеру указанных следственных действий, как сочетающихся в этих случаях с определенными формами экспертизы. Тем не менее в практике оно, по общему правилу, не соблюдается.

Возбуждение уголовного дела является, как известно, непременным условием всего дальнейшего его производства и потому совершение следственных действий допускается лишь после того как данное дело возбуждено в порядке, установленном законом. Но жизнь диктует иногда необходимость и даже неизбежность отступлений от этого общего положения там, где требуется безотлагательное, немедленное — в буквальном смысле этого слова — производство того или иного следственного действия, в частности осмотра места происшествия при обнаружении трупа, при обвале здания и т. п. В таких случаях не всегда имеются достаточные указания на наличие преступления и потому отсутствуют требуемые основания для возбуждения уголовного дела; вместе с тем производство указанного следственного действия является настоятельно необходимым. Но независимо от этого, даже если наличие преступления не вызывает сомнений с первого же момента, было бы совершенно нетерпимым формализмом требовать, чтобы следователь, несмотря на то, что иногда приходится дорожить каждой минутой, предварительно составил бы постановление о возбуждении дела и лишь затем занялся осмотром места происшествия.

Поэтому практика выработала порядок — вполне целесообразный и правильный, — при котором в указанных случаях возбуждение уголовного дела — при наличии требуемых законом оснований — оформляется после того как данное следственное действие, в частности, осмотр, уже произведено. Здесь акт возбуждения уголовного дела имеет как бы обратную силу и придает ранее составленному протоколу осмотра значение процессуального документа со всеми отсюда вытекающими последствиями.

Совершенно очевидно, что если в случаях, не терпящих отлагательства, к участию в осмотре привлекаются эксперты, то следователь фактически лишен возможности оформить назначение

экспертизы в обычном для того установленном порядке, поскольку здесь речь идет об исключениях. Но именно поэтому всюду, где такие исключения не имеют места, должны быть соблюдены общие требования, предъявляемые законом к порядку назначения экспертизы. Это значит, что следователь, признав необходимым производство осмотра с участием эксперта, должен составить соответствующее постановление, указать лиц, назначенных экспертами, формулировать в письменном виде задачу, перед ними поставленную, и разъяснить им их обязанности и ответственность. Соблюдение этого порядка имеет весьма существенное значение, так как способствует правильному выбору экспертов и четко определяет их обязанности, а также задачи, для разрешения которых они привлечены к участию в деле.

Осмотр с участием эксперта даже по делу, которое уже возбуждено в установленном порядке, имеет место в подавляющем большинстве случаев до того, как определенное лицо привлечено к ответственности. Вместе с тем данное следственное действие, по общему правилу, неповторимо и потому участие обвиняемого в данной форме экспертизы фактически исключено. Но если затем экспертом — на основе и в результате осмотра — будет дано заключение, то обвиняемому, после привлечения к ответственности, должна быть предоставлена возможность с этим заключением ознакомиться и ставить — для его уточнения и дополнения, — соответствующие вопросы эксперту. В тех же редких случаях, когда осмотр с участием эксперта производится после того, как обвиняемый уже привлечен по делу, должны быть соблюдены общие требования, относящиеся к организации экспертизы.

Это соответственно относится и к тем случаям, когда эксперт привлекается к участию в других следственных действиях.

Исходя из общих положений об экспертизе в советском уголовном процессе и учитывая специфику отдельных следственных действий, процессуальная теория должна разработать, а будущее законодательство должно четко определить порядок организации и производства тех особых форм экспертизы, где она выступает в сочетании с этими следственными действиями. Таким путем будет обеспечено право обвиняемого на защиту в данной области и будет достигнута максимальная эффективность этих форм экспертизы, призванных, как и вся советская экспертиза в целом, содействовать полному и всестороннему исследованию и правильному разрешению уголовных дел.

Аспирант Ю. М. ГРОШЕВОЙ

О ЗАКОННОСТИ И ОБОСНОВАННОСТИ ПРИГОВОРА СОВЕТСКОГО СУДА

XX съезд партии в резолюции по отчетному докладу ЦК КПСС одобрил осуществленные Центральным Комитетом партии меры по укреплению социалистической законности, по строгому соблюдению прав граждан, гарантированных Советской Конституцией, и обязал все партийные и советские органы бдительно стоять на страже законности, решительно и сурово пресекать проявления беззакония и произвола, нарушения социалистического правопорядка¹.

Законы социалистического государства выражают волю советского народа, отвечают коренным интересам народа, руководимого передовым отрядом трудящихся в их борьбе за коммунизм — Коммунистической партией. Точное и неуклонное исполнение этих законов — важное средство дальнейшего укрепления советского государства, упрочения нерушимого союза рабочего класса и крестьянства, успешного осуществления задач завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму.

Советский закон, учит В. И. Ленин, есть мощное орудие строительства коммунистического общества. Сила закона состоит в том, что он представляет собой одну из форм выражения и проведения в жизнь политики Коммунистической партии и Советского правительства. «Закон, — писал В. И. Ленин, — есть мера политическая, есть политика»².

Советский суд призван охранять социалистическую законность и социалистический правопорядок, обеспечить точное и неуклон-

¹ «Резолюция XX съезда Коммунистической партии Советского Союза» Госполитиздат, М., 1956 г., стр. 20.

² В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 36.

ное проведение в жизнь советских законов всеми учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами. Одним из условий успешного осуществления этой задачи является расследование, рассмотрение и разрешение уголовных дел в строгом соответствии с требованиями уголовных, уголовно-процессуальных и иных законов.

Особенно большие требования предъявляются к важнейшему моменту судебной деятельности, к вынесению приговора, являющемуся по определению постановления Пленума Верховного Суда СССР от 28 июля 1950 г. «О судебном приговоре» — актом социалистического правосудия.

Сущность приговора как акта социалистического правосудия раскрывается в его законности и обоснованности.

В советской юридической литературе были высказаны различные мнения по вопросу о понятии законности приговора.

Некоторые авторы полагают, что законность приговора — это соблюдение уголовно-процессуальных и материальных законов только при постановлении приговора.

«Законность приговора, — указывает проф. М. С. Строгович, — означает вынесение приговора с точным соблюдением всех требований процессуальных законов и с правильным применением материального закона»¹.

Но приговор представляет собой итог всей деятельности органов предварительного расследования и суда, и потому если допущено существенное нарушение уголовно-процессуальной формы в деятельности, предшествовавшей постановлению приговора, то тем самым исключается возможность признать его законным. Для вынесения законного приговора необходимо, чтобы был соблюден процессуальный закон, а также надлежаще применен материальный закон, не только при его постановлении, но и на всем протяжении расследования и рассмотрения данного дела.

Другие авторы суживают понятие законности приговора тем, что относят сюда, наряду с соблюдением уголовно-процессуальных законов при расследовании и рассмотрении уголовных дел, правильное применение только уголовного закона.

Так, В. С. Николаев полагает, что «Приговор признается законным лишь тогда, когда при рассмотрении дела органы предварительного расследования и суда не допустили существенного

---

¹ М. С. Строгович. Проверка законности и обоснованности судебных приговоров. (М. 1956 г. стр. 65). Равным образом, по мнению Ц. М. Каз под законностью приговора «следует понимать вынесение приговора с соблюдением норм материального и процессуального права» (Ц. М. Каз. Правовая природа приговора в советском уголовном процессе. Саратов. 1951 г. стр. 150), Г. Н. Агеева также указывает, что «Законным мы называем приговор, постановленный на основании строгого соблюдения законов советского государства» (Автореферат диссертации «Обоснованность приговора в советском уголовном процессе» М. 1952 г. стр. 3).

нарушения процессуальных норм и в приговоре был правильно применен уголовный закон»¹.

И. Д. Перлов к незаконности приговора относит: 1) существенное нарушение уголовно-процессуальных законов и 2) нарушение или неправильное применение уголовно-материальных законов².

Между тем суд зачастую применяет и иные законы, в частности, нормы гражданского права при разрешении вопроса о гражданском иске в уголовных делах. Поэтому законность приговора предполагает правильное применение советским судом как уголовных, так и всех других законов.

Надлежащее применение уголовного закона при постановлении приговора означает, в первую очередь, правильную квалификацию преступления, в котором подсудимый признан виновным. Но это не все, что требуется для признания данного приговора законным.

Проф. Н. Н. Полянский указывает: «Правильно применить уголовный закон значит, — во-первых, правильно квалифицировать установленное уголовным судом деяние, а, во-вторых, правильно, в случае осуждения обвиняемого, выбрать меру наказания»³.

Установленная советским законом уголовно-процессуальная форма определяется принципами социалистического демократизма, положенными в основу советского уголовного процесса, и обеспечивает полное, объективное и всестороннее исследование уголовных дел и правильное их разрешение. Поэтому строгое соблюдение уголовно-процессуальных норм при производстве уголовных дел является непременным условием законности и обоснованности приговора. Отсюда, в свою очередь, следует, что всякое нарушение уголовно-процессуальных законов, которое повлияло или могло повлиять на правильное исследование и разрешение уголовного дела является, как указывает закон (ст. 348 п. 5 УПК УССР, ст. 415 УПК РСФСР), существенным и исключает возможность признать законным и обоснованным вынесенный при этих условиях приговор.

Таким образом, под законностью приговора следует понимать соблюдение уголовно-процессуальных законов при расследовании, рассмотрении и разрешении дела, а также правильное применение уголовных и иных законов при решении вопроса о квалификации преступления, наказании преступника и возмещении ущерба, причиненного преступлением.

Что такое обоснованность приговора?

¹ В. С. Николаев «Кассационное производство в советском уголовном процессе» (автореферат М. 1952 г., стр. 7).

² И. Д. Перлов. Вопросы судебного разбирательства и кассационного производства в связи с проектом УПК СССР (Социалистическая законность, 1954 г. № 4, стр. 3).

³ Н. Н. Полянский. Вопросы теории советского уголовного процесса» М., 1956 г., стр. 75.

Большинство авторов понимает под обоснованностью приговора соответствие выводов суда фактам объективной действительности.¹ Определение это, в целом, является правильным, однако, оно нуждается в некотором дополнении. Именно, необходимо указать, что это соответствие выводов суда должно быть установлено на основании всестороннего и полного исследования и правильной оценки собранных по делу доброкачественных доказательств в их полноте, совокупности и взаимосвязи.

Обоснованный приговор — это приговор, содержащий в себе правильный ответ на вопросы, возникающие в рассматриваемом деле, и, в первую очередь, на вопрос о том, имело ли место преступление и совершено ли оно подсудимым.

Выводы, получаемые в процессе доказывания, могут быть или вероятными или достоверными. Если выводы, к которым пришел суд путем исследования дела, являются вероятными, то налицо не больше чем предположение суда о виновности подсудимого, предположение, которое не исключает возможность того, что преступление вовсе не было совершено, либо совершено не подсудимым. Поэтому как бы ни была высока степень вероятности выводов, к которым пришел суд, всегда остается возможным иное решение данного дела. В этом случае объективная истина не может быть признана установленной, и дело должно быть направлено на дополнительное расследование; если же такое расследование, как это совершенно очевидно, является невозможным, подсудимый должен быть оправдан, а если был вынесен обвинительный приговор, то он подлежит отмене.

Качественно иной является достоверность. Она имеет место там, где выводы, к которым пришел суд путем оценки всех полностью собранных доказательств, являются единственно возможными и исключают всякое иное разрешение дела. Достоверность выводов — это их истинность, их соответствие фактам объективной действительности, исследуемой судом в каждом деле. Приговор, основанный на достоверных выводах, содержит в себе объективную истину и является законным и обоснованным.

В советской юридической литературе широко распространено определение объективной истины, как соответствие выводов суда по делу фактам объективной действительности².

---

¹ Г. Н. Агеева. Обоснованность приговора в советском уголовном процессе (автореферат. М. 1952 г. стр. 3). Э. Ф. Куцова. Обжалование приговоров в советском уголовном процессе. (Автореферат. М. 1951 г. стр. 10). Л. Г. Шустер. Приговор советского суда и его законная сила. (Автореферат. М. 1954 г. стр. 8), М. С. Строгович. Проверка законности и обоснованности судебных приговоров (М. 1956 г., стр. 65) и другие.

² М. М. Гродзинский. Улики в советском уголовном процессе. М. 1945 г. стр. 3. М. С. Строгович. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М. 1955 г. стр. 19. М. А. Чельцов. Советский уголовный процесс. М. 1951 г. стр. 81.

Это определение не раскрывает специфики объективной истины, устанавливаемой в результате процессуальной деятельности. Содержанием истины в советском уголовном процессе является правильное отражение в выводах суда обстоятельств рассматриваемого дела, но этим данное понятие не исчерпывается. Чтобы найти истину в естественных науках, необходимо только правильно отразить в нашем сознании тот или иной отдельный факт, ту или иную закономерность объективного мира.

Когда же речь идет о познании явлений в области общественной жизни, к которым относятся и явления, составляющие предмет исследования в уголовном процессе, то здесь требуется правильное отражение соответствующих фактов объективной действительности как фактов, имеющих общественно-политическое значение. Поэтому выводы суда будут соответствовать явлениям объективной действительности, будут содержать в себе истину только тогда, когда факты, составляющие предмет судебного исследования, будут познаны в их общественно-политической сущности, правильно оцененной судом.

Общественно-политическая сущность явлений общественной жизни, составляющих предмет судебного исследования, познается в их правовом значении. Эта правовая оценка фактов, установленных по делу, влечет за собой и соответствующие правовые выводы, каковы надлежащая квалификация совершенного преступления и назначение подсудимому справедливой меры наказания.

Ввиду этого представляется правильным определение объективной истины, предлагаемое А. Л. Ривлиным, по мнению которого, «...под материальной истиной в советском уголовном процессе следует... понимать отражение в приговоре суда по данному делу объективно существующих и существовавших фактов, служащих предметом судебного разбирательства, в их общественно-политической сущности и правовом значении, правильно оцененных судом»¹.

Оспаривая понятие объективной истины, предложенное А. Л. Ривлиным, проф. М. С. Строгович полагает, что «Правильная общественно-политическая и юридическая оценка факта, деяния, преступления — обязательное, необходимое свойство правильного судебного приговора, но она не входит в понятие материальной истины... Именно ввиду несовпадения понятия материальной истины, относящейся к установлению фактических обстоятельств дела, и понятия правильной юридической оценки установленных фактов статья 15 Закона о судостроительстве различает понятия за-

¹ А. Л. Ривлин. Понятие материальной истины в советском уголовном процессе. «Социалистическая законность». 1951 г. № 11 стр. 47.

конности и обоснованности приговора»¹. С этим нельзя согласиться. Как уже указывалось, специфика истины, устанавливаемой в результате судебной деятельности, заключается в том, что факты, составляющие ее содержание, познаются в их общественно-политической сущности и правовом значении. Поэтому нельзя расчленять единый процесс познания истины в суде на установление фактов реальной действительности, служащих предметом судебного разбирательства, и на раскрытие их сущности.

Недостатком аргументации проф. М. С. Строговича является и то, что о законности и обоснованности приговора автор говорит как о понятиях, стоящих рядом друг с другом, но органически не связанных между собой, хотя сам же проф. М. С. Строгович в указанной работе совершенно правильно полагает, что законность и обоснованность приговора между собой тесно связаны, друг друга обуславливают и только в своей взаимозависимости могут устанавливать объективную истину².

Рассматривая вопрос об объективной истине в советском уголовном процессе, И. И. Малхазов пишет: «Неправильная квалификация судом деяния подсудимого или несоответствие наказания совершенному преступлению в случае, если само событие преступления отражено в приговоре правильно, колеблют не установленную приговором материальную истину, а правильность самого приговора, лишённого необходимых для его правильности реквизитов. Смещение вопроса о материальной истине с вопросом о правильности приговора в целом теоретически не оправдано, а практически по меньшей мере бесполезно»³.

Таким образом, по мнению И. И. Малхазова, приговор может быть обоснован, поскольку выводы суда соответствуют тому, что имело место в действительности, но в то же время он может оказаться незаконным, если судом неправильно квалифицировано преступление или неправильно назначено наказание. При таком решении данного вопроса происходит разрыв единого понятия правосудности приговора на два изолированных и между собой не связанных его качества — на законность и обоснованность, что совершенно неправильно.

Обоснованность приговора означает не только установление с достоверностью события преступления и виновности обвиняемого. Для того чтобы приговор был признан обоснованным, необходимо, чтобы виновному была правильно назначена мера наказания, соответствующая степени общественной опасности преступления и преступника. Обоснованным, далее, должно быть

---

¹ М. С. Строгович. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М. 1955 г. стр. 64 (см. также С. Курылев. Понятие материальной истины в советском уголовном процессе. «Социалистическая законность» 1952 г. № 6.

² М. С. Строгович. цит. соч., стр. 14.

³ И. И. Малхазов. Понятие материальной истины в советском уголовном процессе. «Социалистическая законность» 1952 г. № 2, стр. 15.

разрешение судом вопроса о заявленном по делу гражданском иске. Это значит, что выводы суда в этой части должны вытекать из доказательств, устанавливающих с достоверностью наличие и размер имущественного ущерба, причиненного преступлением.

Все изложенное позволяет прийти к выводу, что приговор является законным и обоснованным тогда, когда при расследовании, рассмотрении и разрешении этого дела были соблюдены все требования уголовно-процессуальных, уголовных и иных законов и когда правильно разрешен вопрос о событии преступления, о виновности обвиняемого, о квалификации совершенного им деяния, о мере наказания и о наличии и размере имущественного ущерба, причиненного данным преступлением.

Между законностью и обоснованностью приговора имеется тесная и неразрывная взаимосвязь и взаимозависимость. Они представляют собой две стороны единого качества приговора — его правосудности. Поэтому приговор может быть либо неправосудным, т. е. незаконным и необоснованным, либо правосудным, т. е. законным и обоснованным.

«Законность и обоснованность приговора, — указывает проф. С. М. Строгович, — это два необходимых, органически связанных свойства судебного приговора, и их, разумеется, нельзя механически отделить друг от друга»¹.

Так, при неправильном применении уголовного закона, например, при неправильной квалификации преступления, приговор будет незаконным и вместе с тем необоснованным, поскольку эта неправильная квалификация преступления не соответствует обстоятельствам дела, установленным в ходе судебного разбирательства.

При существенных нарушениях уголовно-процессуального закона приговор также будет незаконным и необоснованным. Советское уголовно-процессуальное право обеспечивает такой порядок расследования и рассмотрения уголовных дел, при котором гарантируется полнота и всесторонность исследования дела и правильное его разрешение. Поэтому нарушение установленного законом порядка влечет за собой неполноту исследования дела и исключает возможность признать правосудным постановленный при этих условиях приговор.

II

Законный и обоснованный приговор может быть вынесен только тогда, когда дело полно исследовано и на этой основе получены достоверные выводы по данному делу. Поэтому неполнота исследования дела исключает возможность установления объек-

¹ М. С. Строгович. Проверка законности и обоснованности судебных приговоров. (М. 1956 г. стр. 65).

тивной истины и вынесенный при этих условиях приговор подлежит отмене (п. 3 ст. 348 УПК УССР, ст. 414 УПК РСФСР).

Неполнота исследования дела имеется там, где органы предварительного расследования и суд не выяснили факты, которые необходимо было установить по данному делу для правильного его разрешения. Наряду с этим, дело остается неполно исследованным и тогда, когда суд, хотя и выяснял определенные факты, но при этом не собрал и не рассмотрел все те источники доказательств, которые были необходимы для получения достоверного вывода о наличии или отсутствии этих фактов.

Таким образом, вопрос о полноте исследования дела всегда рассматривается с двух сторон, а именно — являлись ли предметом исследования факты, имеющие существенное значение для дела, и были ли все эти факты надлежаще выяснены путем использования всех необходимых для этого доказательств.

Предметом доказывания в уголовном деле являются только относящиеся к делу факты, т. е. факты, имеющие значение для правильного разрешения дела.

Установить заранее, какие именно факты должны быть предметом доказывания в том или ином конкретном деле, невозможно. «Следствие и суд сами должны, в зависимости от конкретных условий и обстоятельств, определить пределы расследования, сами должны решать в каждом конкретном случае, что важно, что полезно, что необходимо включить в поле своего внимания, сделать предметом исследования. Все попытки заранее определить, какие обстоятельства могут иметь значение для дела и какие не могут, обречены на неудачу...»¹

Пределы исследования уголовных дел определяются нормами уголовного и уголовно-процессуального права.

Согласно ст. 109 УПК УССР (ст. 111 УПК РСФСР), при производстве предварительного расследования должны быть выяснены и исследованы обстоятельства как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а равно все обстоятельства как усиливающие, так и смягчающие степень и характер его ответственности. Статья 110 УПК УССР (ст. 113 УПК РСФСР) указывает, что имеющими значение для дела являются обстоятельства, указанные в ст. ст. 42, 43, 44 Уголовного Кодекса, а равно все другие обстоятельства, выяснение которых может иметь влияние на правильность расследования дела. Статья 297 УПК УССР (ст. 320 УПК РСФСР) определяет круг вопросов, которые должны быть разрешены судом при вынесении приговора, и которые могут быть разделены на три группы: 1) вопрос о событии преступления и о виновности подсудимого, 2) вопросы, связанные с назначением наказания, и 3) вопросы, связанные с гражданско-правовыми и иными последствиями преступного посягательства.

¹ А. Я. Вышинский. Теория судебных доказательств в советском праве, М. 1950 г., стр. 236.

Соответственно этому являются предметом доказывания и подлежат установлению в уголовных делах следующие факты: событие преступления и все факты, определяющие его квалификацию, а также определяющие степень общественной опасности преступления и преступника и имеющие значение для определения размера наказания, либо исключаящие применение наказания к осужденному, наличие и размер имущественного ущерба, причиненного преступлением.

В ряде случаев возникает необходимость установить факты, которые не относятся непосредственно к существу рассматриваемого дела, но имеют значение для правильной оценки фигурирующих в этом деле доказательств. В частности, это имеет место там, где необходимо решить вопрос о правильности показаний свидетеля, который находится, — по заявлению обвиняемого, — с ним во враждебных отношениях. При таком положении вещей факты, характеризующие взаимоотношение свидетеля и обвиняемого, становятся предметом доказывания в деле.

Следователь и суд обязаны так исследовать дело, чтобы было не только раскрыто данное преступление и выявлены все лица, к нему причастные, но и вскрыты обстоятельства, способствовавшие совершению этого преступления¹. При этом суд, установив при рассмотрении дела наличие недостатков в работе того или иного предприятия, организации, учреждения, обязан частным определением довести об этом до сведения соответствующих органов для устранения этих недостатков и предотвращения совершения подобных преступлений в дальнейшем².

Руководящее постановление Пленума Верховного Суда СССР от 28 июня 1950 г. «О судебном приговоре» требует, чтобы в приговоре содержались конкретные указания относительно того, какие именно преступные деяния совершил подсудимый, время, место и способ совершения преступления. Установление этих обстоятельств обеспечивает конкретность и достоверность выводов суда по существу рассматриваемого дела.

---

¹ См. Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 7 июня 1934 г. «О необходимости строжайшего соблюдения судами уголовно-процессуальных норм», и от 28 мая 1954 г. «О судебной практике по применению Указа Президиума Верховного Совета ССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

² Такой же в основном круг фактов, являющихся предметом доказывания по уголовным делам указывают М. М. Гродзинский «Кассационное и надзорное производство в советском уголовном процессе». (М. 1953 г. стр. 146). Его же «Пределы исследования уголовных дел и практика Верховного Суда СССР» (Социалистическая законность 1956 г. № 1), Я. О. Мотовиловкер «Показания и объяснения обвиняемого как средство защиты в советском уголовном процессе» М. 1956 г., стр. 115 и след., Р. Д. Рахунов «Предмет и пределы доказывания в советском уголовном процессе» (Социалистическая законность 1954 г. № 11), М. С. Строгович «Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе» (М. 1955 г. стр. 260—265), Г. М. Миньковский «Пределы доказывания в советском уголовном процессе» (М. 1956 г., стр. 37—87).

Представляет в этом отношении интерес определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 9 июля 1949 г. по делу Литвина. Литвин был признан виновным в том, что он, работая лесником, во время обхода леса без всяких оснований произвел выстрел в граждан Белогуб Емена и Белогуб Устинью и причинил им легкое ранение. Отменяя приговор по данному делу, Коллегия в своем определении указала: «Материалами дела не установлено время ранения граждан Белогуб, хотя это обстоятельство имеет весьма существенное значение для решения дела. Как утверждают гр. Белогуб, ранены они были около 16 часов в лесу, прилегающем к их деревне, вернулись же они домой вечером. Для того чтобы пройти расстояние в 100—200 метров, необходимо затратить значительно меньше времени, чем от 16 часов до вечера. Так как потерпевшие утверждают, что они сейчас же после причиненного им легкого ранения ушли домой, следует считать, что они были ранены значительно позже, чем в 16 часов. Между тем из показаний свидетелей Кукса Афанасия и Кукса Михаила видно, что около 18 часов они видели Литвина и были вместе с ним около получаса в совершенно противоположном направлении, на расстоянии 3,5 км. от того места, где были ранены граждане Белогуб»¹.

Каждый факт, подлежащий установлению в деле, должен быть доказан с достоверностью и поэтому, если имеется обоснованное сомнение относительно наличия того или иного факта, то он не может лечь в основу выводов суда. Поэтому дело остается неполно исследованным и приговор не может быть признан законным и обоснованным не только в тех случаях, когда факты, имеющие значение для дела, вовсе не были предметом доказывания, но и тогда, когда они, хотя и являлись предметом исследования, но при этом не были собраны и рассмотрены все доказательства необходимые для установления их с достоверностью.

Сирунян был признан виновным в том, что он, работая заведующим швейным цехом артели, присвоил 6.835 мешков на сумму 122.688 руб. Сирунян виновным себя не признал и объяснил, что мешки он сдал Ананову через Кикозашвили по трем фактурам. Однако последний ни органами предварительного расследования, ни судом допрошен не был. Не было исследовано и другое обстоятельство, имевшее существенное значение. По делу было установлено, что бухгалтер-ревизор Чачуа в целях уточнения взаиморасчетов отобрал у Ананова и Сируняна имевшиеся у них приходно-расходные документы, в числе которых находились и копии трех фактур на 6.895 мешков. На этом основании ревизор Чачуа своей рукой составил справку-расчет, в которой от имени Анапова и за его подписью было записано, что им получены от Сируняна стандартные мешки в количестве 6.835 шт. Однако Чачуа и Анапов по этому поводу допрошены не были, и

¹ Судебная практика Верховного Суда СССР 1949 г. № 11, стр. 34.

сам документ надлежащим образом не исследовался. «При таких данных», указывается в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 3 сентября 1954 г.,— следует признать, что приговор в отношении Сируняна вынесен по неполным и недостаточно исследованным материалам дела, и поэтому уголовное дело в отношении его по изложенным основаниям подлежит отмене»¹.

III

Приговор представляет собой, как было уже указано, результат всей предшествующей деятельности органов предварительного расследования и суда. Основанное на началах устности, непосредственности, состязательности и гласности рассмотрение дела в суде первой инстанции не сводится к проверке материалов предварительного расследования, а представляет собой самостоятельное, новое исследование доказательств по делу. Отсюда следует, что приговор, выносимый в результате такого судебного разбирательства, должен быть основан только на тех доказательствах, которые рассмотрены судом в данной стадии процесса.

В соответствии с этим ст. 23 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик указывает: «Суд основывает свой приговор на имеющихся в деле данных, рассмотренных в судебном заседании. Оценка имеющихся в деле доказательств производится судьями по их внутреннему убеждению, основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности».

Требование обоснования приговора доказательствами, рассмотренными в судебном разбирательстве, содержится и в ряде уголовно-процессуальных кодексов союзных республик (ст. 319 УПК РСФСР, ст. 319 УПК Белорусской ССР.) При этом УПК Грузинской ССР (ст. 319) и Армянской ССР (ст. 297) указывают, что судьи во время совещания и постановления приговора не вправе изучать имеющиеся в деле и не оглашенные во время судебного следствия показания свидетелей, экспертов и т. д. Равным образом суд не вправе рассматривать вещественные доказательства, которые не были предъявлены сторонам во время судебного следствия.

УПК некоторых союзных республик, отступая от требований ст. 23 Основ уголовного судопроизводства, разрешают суду основывать приговор на материалах предварительного расследования, не проверенных в судебном следствии (ст. 316 УПК Азербайджанской ССР, ст. 139 УПК Туркменской ССР). Ст. 296 УПК Украинской ССР предоставляет суду право при вынесении приговора принимать во внимание все документы, имеющиеся в

¹ Судебная практика Верховного Суда СССР 1955 г. № 1, стр. 3.

деле, независимо от того, оглашались ли они на судебном следствии. Такое же право предоставляют Верховным, областным и приравненным к ним судам ст. 396 УПК РСФСР, ст. 396 УПК Белорусской ССР, ст. 396 УПК Грузинской ССР, ст. 363 УПК Армянской ССР.

Исходя из статьи 20 Конституции СССР, согласно которой при расхождении закона союзной республики с законом общесоюзным действует общесоюзный закон, Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении от 28 июля 1950 года «О судебном приговоре» указал, что все суды должны руководствоваться статьей 23 Основ уголовного судопроизводства. «Поэтому данные предварительного следствия должны быть рассмотрены и проверены судом в процессе судебного следствия, и только такие данные могут быть положены в основу приговора».

Уголовно-процессуальные кодексы союзных республик, разрешающие суду основывать свой приговор на материалах предварительного расследования, не проверенных в судебном разбирательстве, в связи с этим предоставляют и сторонам возможность в прениях ссылаться на материалы, не оглашенные в судебном следствии. При этом некоторые кодексы (ст. 283 УПК Украинской ССР, ст. 302 УПК Азербайджанской ССР, ст. 124 УПК Узбекской ССР, ст. 135 УПК Туркменской ССР) предоставляют такое право сторонам во время разбирательства дел во всех судах, другие же (ст. 396 УПК РСФСР, ст. 396 УПК Белорусской ССР, ст. 396 УПК Грузинской ССР, ст. 363 УПК Армянской ССР) — лишь при рассмотрении дела Верховными, областными и приравненными к ним судами.

Хотя постановление Пленума Верховного суда СССР «О судебном приговоре» об этих статьях не упоминает, однако совершенно ясно, что если суд должен основывать свой приговор только на материалах судебного следствия, то и стороны в прениях могут ссылаться только на доказательства, рассмотренные в судебном разбирательстве, поэтому указанные статьи УК союзных республик не подлежат применению.

Иногда в ходе судебного разбирательства возникает необходимость оглашения различных материалов предварительного расследования. Это имеет место, например, тогда, когда оказывается невозможной явка в судебное заседание свидетеля, чье показание является важным для дела, когда в показаниях свидетеля или обвиняемого имеются существенные противоречия, требующие выяснения, и т. д.

Во всех таких случаях суд, не ограничиваясь оглашением соответствующих материалов предварительного расследования, должен предоставить сторонам возможность активно участвовать в рассмотрении этих материалов. В частности, сторонам должна быть предоставлена возможность задавать вопросы подсудимому, свидетелям и экспертам для уточнения и выяснения сведений, содержащихся в оглашаемых документах. Только после этого

суд вправе признать, что полученные таким путем сведения могут лечь в основу выводов о виновности подсудимого, либо, напротив, не заслуживают внимания как недоброкачественные или как не относящиеся к делу. Невыполнение этого требования может повлечь за собой постановление незаконного и необоснованного приговора.

Заслуживает внимания в этом отношении определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 30 января 1956 г. по делу Четыриной, признанной виновной в получении взятки. Отменяя приговор по этому делу, Верховный Суд СССР указал: «Судом нарушена ст. 23 Основ уголовного судопроизводства и постановление Пленума Верховного Суда СССР от 28 июля 1950 г. «О судебном приговоре», так как не соблюдены требования закона, что приговор должен быть основан на имеющихся в деле данных, рассмотренных в судебном заседании. Результаты предварительного следствия обязательно подлежат проверке в суде. Суд указал на показания Лоскутовой, которыми Четырина якобы уличается в получении взятки. Важность этого свидетеля очевидна, поэтому-то в начале судебного заседания Четырина и ее защитник просили вызвать в суд Лоскутову. Однако суд, в нарушение ст. ст. 272, 253, 254 УПК РСФСР, отклонил безмотивно это важное ходатайство и тем самым стеснил процессуальные права подсудимой на защиту своих интересов. Из протокола судебного заседания видно, что показания Лоскутовой на предварительном следствии даже не оглашались в суде. Суд не имел права ссылаться на показания Лоскутовой без проверки их на суде.»¹

Одним из важнейших условий вынесения законного и обоснованного приговора является правильная оценка судом доказательств, собранных по делу.

Критерием оценки доказательств в советском уголовном процессе является внутреннее убеждение советских судей, неразрывно связанное с их социалистическим правосознанием и выражающее уверенность судей в правильности тех выводов, к которым они пришли по данному делу.

Между социалистическим правосознанием и внутренним убеждением судей имеется неразрывная связь. Социалистическое правосознание судей — это их понимание права и его задач, это их воззрение на то, что является в условиях социалистического общества правомерным, и что — неправомерным. Внутреннее же убеждение судей — это основанная на правосознании и складывающаяся в процессе рассмотрения всех собранных по делу доказательств — уверенность судей в достоверности своих выводов по делу. Эти доказательства являются теми устоями, на которых покоится внутреннее убеждение судей².

¹ Судебная практика Верховного Суда СССР 1956 г. № 3, стр. 25.

² См. А. Я. Вышинский. Теория судебных доказательств в советском праве, 1950 г., стр. 177—180.

Верховный суд СССР в своих определениях неоднократно подчеркивал, что внутреннее убеждение судей должно быть обосновано материалами дела.

По делу Котковца Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР в определении от 7 мая 1952 г. отметила «В обоснование вины осужденного в хищении сена в приговоре указано, что «...хотя прямых доказательств нет, что именно подсудимый взял указанное сено, однако, оценивая все косвенные улики и исходя из внутреннего судебного убеждения, суд считает, что сено взято только именно подсудимым и спрятано». Между тем, какие «косвенные улики» положены в основу внутреннего убеждения судей, что хищение сена совершил Котковец, в приговоре не указано и вообще каких-либо доказательств вины осужденного Котковца по делу в приговоре не приведено. Поэтому следует признать, что приговор вынесен с нарушением ст. 319 УПК БССР». По этим основаниям приговор был отменен и дело производством прекращено за недоказанностью предъявленного обвинения.¹

Оценивая доказательства, суд должен прежде всего определить доброкачественность соответствующего источника и решить вопрос о достоверности содержащихся в нем сведений. Если суд найдет, что эти сведения не являются правильными, то нельзя считать установленным тот факт, о котором эти сведения говорят.

Надлежащая оценка фигурирующих в деле источников доказательств может быть достигнута лишь путем тщательного рассмотрения и анализа каждого из них и путем сопоставления его со всеми другими источниками. Если при этом судом будут получены противоречивые сведения об одном и том же факте, имеющем значение для дела, то пока это противоречие не устранено, данный факт не может быть признан установленным и, следовательно, не может быть положен в основу приговора.

Голумбевская была признана виновной в том, что она, желая избавиться от своей дочери Элеоноры, утром 20 апреля дала ей смертельную дозу мышьяка, от чего девочка умерла. По данному делу была трижды проведена экспертиза, дававшая каждый раз взаимоисключающие друг друга заключения о причинах смерти девочки. «При указанных обстоятельствах,— отмечается в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 3 ноября 1954 г.— не может быть признана обоснованной ссылка суда на заключение судебно-медицинской экспертизы, как на доказательство виновности Голумбевской в отравлении мышьяком своей дочери. Других доказательств, ко-

¹ Судебная практика Верховного Суда СССР 1952 г. № 7 стр. 10—11. По аналогичным основаниям были отменены приговоры по делу Герасимова (Судебная практика Верховного Суда СССР 1949 г. № 2, стр. 42), по делу Заварыкина (Судебная практика Верховного суда СССР 1953 г. № 4 стр. 20), по делу Знаенок, там же № 5, стр. 17).

торыми бы Голумбевская уличалась в убийстве, в деле нет, в связи с чем у суда не было оснований для осуждения Голумбевской по ст. 136 УК РСФСР.»¹ По этим основаниям приговор был отменен и дело за недоказанностью обвинения производством прекращено.

Оценка доказательств не исчерпывается оценкой источников и решением вопроса о правильности сведений, из этих источников полученных. Признав, что сведения, полученные из данного источника, устанавливают наличие того или иного факта,— суд должен оценить этот факт, определить, может ли он во взаимосвязи и в совокупности с другими фактами лечь в основу вывода о виновности или невиновности подсудимого.

Суд должен всегда рассматривать все собранные по делу доказательства, как определенное их единство. В соответствии с этим, из указания закона об оценке «всех обстоятельств дела в их совокупности» вытекает два положения: первое — для вынесения законного и обоснованного приговора должны быть собраны и рассмотрены все доказательства, необходимые для установления всех искомых фактов по делу, и второе — доказательства эти должны оцениваться в их взаимосвязи и совокупности.

В соответствии с этим — оправдательный приговор не может быть признан законным и обоснованным, когда при оценке доказательств игнорировались данные, уличающие подсудимого в совершении преступления.²

Также не может быть признан законным и обоснованным обвинительный приговор, если судом при оценке доказательств игнорировались доказательства, опровергающие виновность подсудимого.³

Исходя из всего сказанного, целесообразно включить в будущий УПК следующие положения. Приговор должен быть основан на имеющихся в деле данных, рассмотренных в судебном заседании. В случае необходимости оглашения данных предварительного следствия сторонам должна быть предоставлена возможность в связи с этим задавать вопросы свидетелям, экспертам, подсудимым, ходатайствовать о приобщении к делу и об истребовании дополнительных материалов в подтверждение или в опровержение данных предварительного расследования.

Кроме того, статьи, формулирующие исходные положения оценки доказательств, должны быть помещены не в разделе кодекса, регулирующем порядок рассмотрения дела в суде первой инстанции, как это имеет место в действующих УПК, а в том

¹ Судебная практика Верховного Суда СССР 1955 г. № 1, стр. 15.

² См. определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 27 августа 1955 г. по делу Сапанова (Судебная практика Верховного Суда СССР 1955 г. № 5, стр. 11—16).

³ См. определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 23 февраля 1955 г. по делу Гвимрадзе (Судебная практика Верховного Суда СССР 1955 г. № 5, стр. 16) и по делу Шукюрова (Судебная практика Верховного Суда СССР 1953, стр. 6).

разделе, где будут содержаться общие положения советского уголовного процесса, поскольку исходные положения оценки доказательств одинаковы для всех стадий советского уголовного процесса.

IV

Приговор советского суда должен быть убедительным, должен создавать у советских граждан уверенность в правильности содержащегося в нем решения. Эта убедительность приговора обуславливается правильной организацией всего производства по делу и неуклонным соблюдением всех принципов советского уголовного процесса, а также четкой формулировкой тех положений, которые суд кладет в основу своих выводов. В связи с этим приобретает чрезвычайно важное значение мотивировка приговора.

Мотивировка приговора — это внешнее выражение того процесса, который привел судей к определенному выводу о виновности или невиновности подсудимого. Она дает возможность судить о законности и обоснованности приговора, о том, насколько внутреннее убеждение судей соответствует обстоятельствам, имевшим место в объективной действительности и установленным в рассматриваемом деле.¹

Но этим не исчерпывается роль мотивов судебного решения. Они имеют большое значение и для обвиняемого, который из них узнает, что именно послужило основанием к отклонению соображений и доказательств, выдвинутых им в свою защиту, почему они не были приняты судом во внимание при постановлении обвинительного приговора и при назначении наказания. Поэтому мотивировка приговора облегчает подсудимому его право на обжалование и тем самым является одной из гарантий его права на защиту.

Наконец, мотивировка приговора имеет огромное значение при проверке его законности и обоснованности вышестоящим судом в кассационном порядке и в порядке судебного надзора.

Статья 338 УПК РСФСР 1922 г. требовала обязательной мотивировки приговора и указывала, что «... в описательной части приговора должны быть изложены добытые судебным следствием данные, положенные судом в основу выносимого приговора». Но при пересмотре УПК и издании его в редакции 1923 года указа-

¹ Аналогично определяют мотивировку приговора Н. Н. Полянский: *Формула приговора по ст. 334 УПК в связи со ст. 319.* (Право и жизнь 1924 г. кн. 2), М. С. Строгович *Формулировка приговора* (ЕСЮ 1924 г. № 39—40), Жижиленко *О мотивировке судебного приговора* (ВСЮ 1925 г. № 4), Д. И. Полумордвинов *Мотивы судебного решения* («Советское государство и право» 1947 г. № 4), М. Хмелинин *Мотивировка судебного приговора* (Социалистическая законность 1947 г. № 8), Я. О. Моговиливер *Роль мотивировки приговоров в обеспечении их законности и обоснованности* (Социалистическая законность» 1953 № 7), С. Бородин *Мотивировка и формулировка приговоров»* (Социалистическая законность 1956 г. № 6).

ние на мотивировку приговора было из ст. 334 исключено. Не требуют мотивировки приговора также УПК Белорусской ССР (ст. 334), Грузинской ССР (ст. 334), Азербайджанской ССР (ст. 331), Армянской ССР (ст. 312). Напротив, УПК Украинской ССР (ст. 308) указывает, что в приговоре должно содержаться «краткое изложение положенных судом в основу постановленного приговора данных, имеющих значение для дела». Аналогичные указания содержат в себе УПК Туркменской ССР (ст. 146), Узбекской ССР (ст. 138), Таджикской ССР (ст. 107).

На первом Всесоюзном совещании судебно-прокурорских работников было принято решение о необходимости мотивировки приговоров¹.

Исходя из этого, 47 Пленум Верховного Суда ССР в своем постановлении «О необходимости строжайшего соблюдения судами уголовно-процессуальных норм» (июнь 1934 г.) отметил, что очень часто объективное изложение установленных судом данных подменяется декларациями и отвлеченными рассуждениями на общеполитические темы; никаких доказательств действительного совершения подсудимыми приписываемых им преступлений не приводится и предложил судам в приговоре указывать доказательства, на основании которых суд признает преступление, совершенное подсудимым, доказанным или недоказанным.

Первоначально требование мотивировки приговоров понималось в том смысле, что суд должен в своем решении лишь перечислить доказательства, на основании которых он признал подсудимого виновным или невиновным, без обязательного анализа данных судебного следствия.

Так, в методическом письме Института уголовной и исправительно-трудовой политики от 13 августа в 1934 г. «О судебном приговоре» говорится: «Мотивировка приговора должна заключаться не в том, чтобы указывать, почему он придал значение одним доказательствам и не придал значения другим, хотя могут быть и случаи, когда вполне уместно изложить в приговоре и мотивы такого рода. Но обязательным содержанием мотивировочной части приговора должно явиться указание на те доказательства, которые суд кладет в основу приговора».²

В соответствии с законом о судеустройстве Союза ССР союзных и автономных республик от 16 августа 1938 г. теория и судебная практика понимают под мотивировкой приговора не простое указание на доказательства, подтверждающие виновность или невиновность подсудимого, а их анализ, изложение соображений о том, почему одни доказательства признаются судом достоверными и положены в основу приговора, а другие отвергаются.

Это положение подчеркнуто в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 28 июля 1950 г. «О судебном приговоре».

¹ Советская юстиция 1934 г. № 18.

² «За социалистическую законность» 1934 г. № 9, стр. 50.

«В приговорах должны быть приведены мотивы, на основании которых суд пришел к выводу о виновности или невиновности в отношении каждого подсудимого. При этом должны быть конкретно указаны доказательства, положенные судом в основу обвинения или оправдания подсудимого, с приведением мотивов, почему суд принял эти доказательства. Отвергая те или иные имеющиеся в деле доказательства в пользу обвинения подсудимого или его оправдания, суд должен в приговоре указать, почему именно эти доказательства им отвергнуты»¹.

Поэтому не может быть признано мотивировкой приговора содержащееся в нем общее указание на то, что виновность (или невиновность) подсудимого «подтверждается материалами дела». В такой мотивировке Верховный Суд СССР усматривает нарушение закона и несоблюдение требований постановления Пленума Верховного Суда СССР от 28 июля 1950 г. «О судебном приговоре».

Отменяя приговор по делу Головаша, Транспортная коллегия Верховного Суда СССР в своем определении от 24 февраля 1954 г. указала: «В приговоре, на основании которого Головаш осужден, линейный суд не привел конкретных доказательств, положенных в основу обвинения Головаша, и ничем не мотивировал, почему судом отвергнуты объяснения подсудимого в его защиту, а ограничился лаконической ссылкой на то, что виновность Головаша подтверждена показаниями осужденного по настоящему делу Абрамочкина, частичными показаниями подсудимой Филиной, материалами и документами, имеющимися в деле, а также заключением бухгалтерской экспертизы»².

Сапрыкин был осужден линейным транспортным судом по ст. 109 УК РСФСР и оправдан по ст. 1 ч. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан». Транспортная коллегия Верховного Суда СССР своим определением от 25 января 1956 г. отменила приговор по тем основаниям, что «Линейный суд, вынося оправдательный приговор, вопреки требованиям ст. 334 УПК РСФСР и постановлению Пленума Верховного Суда СССР от 28 июля 1950 г. «О судебном приговоре», не привел в приговоре никаких мотивов к оправданию Сапрыкина по ст. 1 ч. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г.»³.

Для того чтобы приговор был признан законным и обоснованным, необходимо, чтобы приводимая в нем мотивировка была последовательной и не содержала в себе внутренних противоречий, чтобы соображения, выдвинутые судом по вопросу о виновности или невиновности подсудимого, полностью соответствовали материалам дела и из них вытекали. Всякого рода логические ошибки,

¹ «Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924 г.— 1951 г.» М., 1953 г. стр. 85—86.

² Судебная практика Верховного Суда СССР 1954 г. № 4, стр. 13.

³ Судебная практика Верховного Суда СССР 1956 г. № 2, стр. 7.

противоречия между данными судебного следствия и фактами, которые суд признал установленными, между мотивировочной и резолютивной частью приговора делают мотивировку порочной и лишают приговор силы судебного решения.

Согласно п. 5 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 28 июля 1950 г. в приговоре должны содержаться мотивы применения соответствующей статьи Уголовного кодекса или иного закона. Это имеет важное значение, так как изложенные в приговоре доводы суда по вопросу о квалификации действий подсудимого дают возможность судить о правильном понимании судьями юридических признаков и политического смысла закона, подлежащего применению по данному делу и о соответствии квалификации преступления обстоятельствам этого дела.

Суд должен также указать мотивы применения назначенного им наказания и для этого привести в приговоре свои соображения о степени общественной опасности деяния и деятеля.

В частности, суд должен мотивировать назначение наказания ниже низшего предела, установленного санкцией данного уголовного закона, а также применение условного осуждения. При этом суд не может ограничиться общими рассуждениями о меньшей степени общественной опасности преступления и преступника, но должен указать те конкретные обстоятельства дела, которые положены в основу такого решения вопроса о виде и мере наказания¹.

В тех случаях, когда преступлением причинен материальный ущерб и по делу заявлен гражданский иск, суд обязан привести в приговоре соображения, на основании которых он признал иск подлежащим или не подлежащим удовлетворению.

Отменяя приговор по делу Ефремова и Жигунова, признанных виновными в хищении сухофруктов, Верховный Суд СССР указал: «Исходя из смысла ст. ст. 320 и 327 УПК РСФСР, при вынесении обвинительного приговора суд должен был на основе анализа обстоятельств дела привести в приговоре мотивы, на основании которых он признал иск доказанным или недоказанным, а также ссылку на закон, в соответствии с которым разрешен им гражданский иск. Между тем по данному делу в описательной части приговора вообще ничего не сказано о гражданском иске, и в резолютивной части содержится лишь указание о взыскании с осужденных в пользу Омского отделения Ж. Д. вышеуказанной суммы. Все это свидетельствует о том, что суд в данном случае проявил исключительно формальный подход к разрешению гражданского иска и по существу не разобрался в основных вопросах, которые подлежали выяснению при рассмотрении гражданского иска в уголовном деле» (Определение Транспортной коллегии Верховного Суда СССР от 18 января 1956 г. ².)

¹ См. определение Транспортной коллегии Верховного Суда СССР от 30 ноября 1955 г. по делу Семчурина (Судебная практика Верховного Суда СССР 1956 г. № 1, стр. 14.

² Судебная практика Верховного Суда СССР 1956 г. № 2, стр. 17.

Кандидат юридических наук М. И. БАЖАНОВ

ПОЛНОТА ПРОВЕРКИ ДЕЛА ВЫШЕСТОЯЩИМ СУДОМ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Укрепление советской законности приобретает в свете исторических решений XX съезда Коммунистической Партии Советского Союза особо важное значение.

В резолюции съезда, принятой по докладу товарища Н. С. Хрущева, говорится, что «Съезд полностью одобряет осуществленные ЦК КПСС меры по укреплению советской законности, по строгому соблюдению прав граждан, гарантированных Советской Конституцией, и обязывает все партийные и советские органы бдительно стоять на страже законности, решительно и сурово пресекать всякие проявления беззакония, произвола, нарушения социалистического правопорядка»¹.

Из решений XX съезда вытекает непреложная обязанность органов прокуратуры, расследования и суда строжайшим образом выполнять требования советских законов, охранять правопорядок, права и законные интересы советских людей.

В этом отношении большую роль должна сыграть деятельность кассационных и надзорных инстанций, которые путем проверки правильности приговоров, определений и постановлений осуществляют систематическое руководство нижестоящими судами.

Правильное и действенное руководство нижестоящими судами возможно лишь в том случае, когда кассационные и надзорные инстанции в своей деятельности строго выполняют требования советского закона, когда выносимое ими определение является законным и обоснованным.²

¹ Резолюция XX съезда Коммунистической Партии Советского Союза. Госполитиздат, 1956, стр. 20.

² См. М. И. Бажанов. Проверка законности и обоснованности определений вышестоящих судов. Ученые записки Харьковского юридического института. Вып. шестой. Харьков, 1955, стр. 85—89.

Законным и обоснованным определение вышестоящего суда будет при соблюдении следующих условий:

- 1) Если это определение вынесено с соблюдением требований уголовно-процессуального закона;
- 2) Если вышестоящий суд полно проверил дело;
- 3) Если определение, вынесенное вышестоящим судом, является обоснованным, то есть соответствует материалам дела;
- 4) Если вышестоящий суд, изменяя приговор, правильно применил уголовные законы и иные законы;
- 5) Если вышестоящий суд, изменяя приговор в части наказания, применил последнее в соответствии с тяжестью совершенного преступления и степенью общественной опасности осужденного.

Только при наличии всех этих условий в их взаимной связи и совокупности определение вышестоящего суда может быть признано законным и обоснованным. Несоблюдение хотя бы одного из названных условий приводит к незаконности и необоснованности определения вышестоящего суда.

Предметом настоящей статьи является рассмотрение на основе анализа действующего законодательства и судебной практики Верховного суда СССР одного из указанных условий, именно, — полноты проверки дела в вышестоящем суде.

Для правильного освещения данного вопроса следует, в первую очередь, выяснить сущность неполноты исследования дела в вышестоящем суде, как одного из оснований, влекущих за собой отмену вынесенного этим судом определения.

В законе нет каких-либо прямых указаний, а уголовно-процессуальный кодекс говорит о неполноте исследования дела лишь как об основании к отмене приговора (п. 3 ст. 348 УПК Украинской ССР; ст. 414 УПК РСФСР). Поэтому разрешить поставленный вопрос возможно, лишь установив, что представляет собою эта неполнота исследования дела.

Неполнота исследования дела в ходе предварительного либо судебного следствия может быть результатом существенных нарушений процессуальных норм, когда, как сказано в законе, эти нарушения «помешали суду всесторонне разобрать дело и повлияли или могли повлиять на вынесение правильного приговора» (ст. 415 УПК РСФСР).

Уголовно-процессуальный кодекс указывает, таким образом, на тесную связь неполноты исследования дела с нарушениями процессуальных норм. В подобного рода случаях имеет место нарушение отдельных конкретных процессуальных норм (например, непроведение экспертизы, когда ее производство обязательно по закону, отказ в вызове и допросе свидетелей по ходатайству обвиняемого и др.).

Наряду с этим статья 414 УПК РСФСР указывает, что «недостаточным и неправильно проведенным признается следствие, которое проведено таким образом, что остались невыясненными ни на предварительном, ни на судебном следствии обстоя-

тельства, выяснение коих необходимо должно было повлиять на приговор». Здесь закон рассматривает неполноту исследования дела уже как самостоятельное основание к отмене приговора. Конечно, и в этом случае можно говорить о нарушении требований процессуального закона, но о нарушении не отдельных конкретных процессуальных норм, а таких норм, которые имеют общий характер и в общей форме требуют полного исследования дела в предварительном расследовании и судебном разбирательстве.

Так, статья 109 УПК Украинской ССР (ст. 111 УПК РСФСР) обязывает следователя выяснять и исследовать обстоятельства как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, равно как усиливающие, так и смягчающие степень и характер его ответственности. Обязанность следователя направлять предварительное расследование в сторону наиболее полного и всестороннего расследования дела сформулирована в ст. 110 УПК Украинской ССР (ст. 112 УПК РСФСР). Кроме того, закон ст. 238 УПК Украинской ССР (ст. 257 УПК РСФСР) возлагает на председательствующего по делу, а, следовательно, и на весь состав суда в целом, обязанность направлять судебное следствие в сторону, способствующую раскрытию истины.

Если из-за нарушения этих общих процессуальных норм дело оказалось неполно исследованным, то в таких случаях основанием к отмене приговора будут не процессуальные нарушения, предусмотренные статьей 415 УПК РСФСР, а неполнота исследования дела, как она сформулирована в статье 414 УПК РСФСР, так сказать, «в чистом виде».

Рассматривая вопрос о пределах исследования уголовных дел, проф. М. М. Гродзинский правильно замечает, что «пределы исследования в советском уголовном процессе охватывают как все факты, имеющие значение для дела, так и все требуемые для установления этих фактов доказательства», почему дело является «неполно исследованным в случаях, когда факты, имеющие значение для дела, вовсе не были предметом доказывания и когда указанные факты являлись предметом доказывания, но при этом не были собраны все требуемые доказательства.»¹

В соответствии с этим неполнота исследования дела может выражаться: 1) в неполноте исследования самого предмета доказывания и 2) в неполноте использования доказательственного материала.

Такова сущность неполноты исследования дела как основания отмены приговора.

Неполнота исследования дела в вышестоящем суде выступает, конечно, в своеобразной форме, что обусловлено характером со-

---

¹ Проф. М. М. Гродзинский. Пределы исследования уголовных дел и практика Верховного суда СССР. Журнал «Социалистическая законность», 1956, № 1, стр. 37; См. также З. М. Соколовский. Кассационные основания в советском уголовном процессе. Автореферат диссертации. Харьков, 1949, стр. 14.

ветского пересмотра приговоров, представляющего собой не новое исследование дела по существу, а проверку законности и обоснованности приговора (проверку правильности выводов суда первой инстанции о виновности или невиновности обвиняемого). Отсюда следует, что неполнота исследования в кассационной и надзорной инстанции выражается в неполной проверке законности и обоснованности приговора вышестоящим судом.

Как и при расследовании и рассмотрении уголовного дела по существу, так и при проверке законности и обоснованности приговора в вышестоящем суде неполнота исследования дела может быть следствием нарушения отдельных процессуальных норм, регулирующих ту или иную сторону деятельности этого суда. Например, если кассационная инстанция оставила без ответа доводы, изложенные в кассационной жалобе или протесте прокурора, не сопоставила эти доводы с материалами дела, она, нарушив тем самым требования ст. 335 УПК Украинской ССР (ст. ст. 349 и 400 УПК РСФСР), неполно исследовала и, значит, неполно проверила дело. В таких случаях определение вышестоящего суда подлежит отмене ввиду нарушения требований процессуального закона¹.

Однако, как и при расследовании дела и при рассмотрении его по существу, неполнота исследования в вышестоящем суде может выступать и в «чистом виде», как самостоятельное основание отмены определения вышестоящего суда.

Такая неполнота исследования дела в вышестоящем суде является уже следствием несоблюдения таких общих процессуальных положений, которые определяют основные черты советского пересмотра приговоров и которые выражены в статье 15 Закона о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик, и в статье 345 УПК Украинской ССР (ст. 412 УПК РСФСР).

Сказанное дает основание прийти к выводу, что вопрос о неполноте исследования дела в вышестоящем суде разрешается аналогично с вопросом о неполноте исследования дела, как основании отмены приговора.

Выше указывалось, что неполнота предварительного или судебного следствия может выразиться прежде всего в неполноте исследования самого предмета доказывания. В вышестоящем суде таким «предметом доказывания» является приговор и поданные на него жалоба либо протест, а также все материалы дела, поступившего на рассмотрение вышестоящего суда. Неполнота исследования дела в вышестоящем суде и получает свое своеобразное выражение в силу особенностей этого предмета доказывания.

¹ См. Постановление Пленума Верховного суда СССР от 11 ноября 1949 г. по делу Кольцова и Антошкина. «Судебная практика Верховного суда СССР», 1950, № 1, стр. 3; Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 25 июня 1951 г. по делу Сафронова и др., там же, 1951, № 11, стр. 15—16.

Приговор, жалобы, протест, а также все имеющиеся в деле материалы должны быть исследованы (проверены) в полном объеме, как этого требуют ст. 15 Закона о судостроительстве и статья 345 УПК УССР (ст. 412 УПК РСФСР).

Осуществляя проверку законности и обоснованности приговора, вышестоящий суд всякий раз обязан рассмотреть и изучить дело в полном объеме. На это специально обратил внимание Пленум Верховного суда СССР в постановлении от 1 декабря 1950 г., указав, что вышестоящий суд обязан «в ревизионном порядке проверить все производство по делу и принять необходимое решение»¹. Такая обязанность вышестоящего суда, предполагающая полную проверку всего дела, является одним из выражений принципа публичности (официальности), который пронизывает все стадии советского уголовного процесса.

Нарушение этого требования приводит к тому, что вышестоящий суд оставляет непроверенной ту или иную часть приговора или материалов дела. В этих случаях неполнота исследования дела в вышестоящем суде выражается в неполноте проверки самого предмета доказывания.

Уманец, Шевцов, Кирик, Модлей и Правик приговором суда были осуждены за хищение. Определением коллегии Верховного суда СССР приговор по кассационным жалобам Уманца, Шевцова и Правик был отменен и дело в отношении их было передано на доследование. Отметив, что в отношении осужденных, не обжаловавших приговора, никаких указаний и решений в определении коллегии в ревизионном порядке не значит, и учитывая, что обвинение осужденных, подавших жалобы, находится в тесной связи с обвинением Модлей и Кирик, Пленум Верховного суда СССР в постановлении от 24 декабря 1948 г. отметил, что «Коллегия, отменив приговор суда в отношении Уманец, Шевцова и Правик, не обсудила вопроса в ревизионном порядке о степени виновности Модлей и Кирик»².

Равным образом констатировала неполноту исследования дела Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР по делу Молоковой, указав, что, проверяя дело в кассационном порядке, «Верховный суд РСФСР не обсудил вопроса о законности приговора в части гражданского иска»³.

Неполнота проверки дела в вышестоящем суде имела место и по делу Пераскевича, рассмотренному в порядке надзора Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда СССР. Определение Верховного суда Узбекской ССР по этому делу было отменено, так как «противоречия описательной части приговора с резолютивной частью приговора кассационной инстанцией оста-

¹ Сборник действующих постановлений Пленума Верховного суда СССР 1924—1951 г.г., М. 1952, стр. 91.

² Судебная практика Верховного суда СССР, 1949, № 2, стр. 6—8.

³ Определение от 8 сентября 1951 г., там же, 1951, № 12, стр. 14.

лись не обсужденными. Кроме того, кассационная инстанция не обсудила вопрос о причине образования излишков на сумму 12902 руб...»¹.

По делу Полетаева и других Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР нашла, что кассационная инстанция «указала лишь на три эпизода и не дала анализа правильности обвинения Полетаева по другим пунктам обвинения... В отношении осужденного Налесника, которому по приговору инкриминировано шесть эпизодов... ограничились анализом лишь одного из них»².

Верховный суд РСФСР отменил приговор по делу Еременко и других, направив дело к доследованию для выполнения требований ст. 206 УПК РСФСР (ст. 200 УПК Украинской ССР). Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР, рассмотрев дело в порядке надзора, установила, что нарушение требований ст. 206 УПК РСФСР по делу отсутствует и что утверждение Верховного суда РСФСР «явилось, видимо, результатом неполного изучения материалов дела»³.

Может ли неполнота исследования дела в вышестоящем суде выразиться в неполноте использования доказательственного материала? На этот вопрос нужно ответить утвердительно, но при этом следует иметь в виду, что такая неполнота исследования в вышестоящем суде выступает в весьма своеобразной форме.

Согласно статье 15 Закона о судостроительстве, стороны имеют право представлять в вышестоящий суд новые материалы.

Пленум Верховного суда СССР постановлением от 17 января 1947 г. отменил определение Коллегии Верховного суда СССР по делу Пилипенко потому, что коллегия «оставила без рассмотрения представленные в Коллегию документы, опровергающие обвинение Пилипенко... вопреки требованиям ст. 15 Закона о судостроительстве... Коллегия не проверила в достаточной степени законность и обоснованность приговора по материалам, имеющимся в деле и представленным в Коллегию»⁴.

Для того чтобы выяснить, можно ли считать такую неполноту исследования дела в вышестоящем суде неполнотой использования доказательственного материала, следует предварительно рассмотреть вопрос о характере этих новых материалов и о их процессуальном значении.

Названные вопросы имеют практическое значение, почему и привлекают к себе внимание научной мысли. Однако в этой области среди советских процессуалистов нет единства взглядов.

Необходимо лишь отметить, что, по общему мнению всех авто-

¹ Определение от 11 июля 1951 г., там же, 1951, № 10, стр. 5.

² Определение от 30 июля 1952 г., там же, 1952, № 11, стр. 18.

³ Определение от 18 апреля 1951 г., там же, 1951, № 8, стр. 13—14.

⁴ Судебная практика Верховного суда СССР, 1948, вып. III, стр. 11.

ров, ст. 15 Закона о судеустройстве предусматривает представление в вышестоящий суд только письменных материалов¹.

Такое решение вопроса является совершенно правильным, ибо в противном случае рассмотрение дела в вышестоящем суде превратилось бы в апелляцию, чуждую советскому процессу и упраздненную еще историческим декретом о суде № 1.

Верховный суд СССР считает возможным представление в вышестоящую инстанцию письменных заявлений частных лиц, удостоверяющих определенные факты², различного рода официальных документов и справок³, письменных мнений специалистов⁴.

Доцент С. Н. Абрамов, признавая возможным представление в вышестоящий суд письменных мнений специалистов, считает вместе с тем недопустимым представление в кассационную или надзорную инстанцию письменных заявлений отдельных граждан. Он полагает, что нет никакой надобности вводить в нашу практику неизвестные нашему закону так называемые письменные показания свидетелей, поскольку показания свидетелей могут иметь

¹ Н. Калашникова. Представление новых материалов в кассационную инстанцию. Журнал «Социалистическая законность», 1945, № 7, стр. 14; проф. М. С. Строгович. Уголовный процесс. М. 1946, стр. 481; С. Н. Абрамов. Проверка обоснованности судебного решения вышестоящим судом по советскому праву. М. 1950, стр. 62—63; проф. М. А. Чельцов. Советский уголовный процесс. М. 1951, стр. 376; проф. М. М. Гродзинский. Кассационное и надзорное производство в советском уголовном процессе. М. 1953, стр. 45; Советский уголовный процесс. Редактор проф. Д. С. Карев. М. 1953, стр. 310; А. Л. Ривлин. Пересмотр приговоров в СССР. Автореферат докторской диссертации. М. 1955, стр. 20—21.

² Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 26 февраля 1941 г. по делу Токарева и определение той же коллегии от 11 апреля 1940 г. по делу Наумовой в статье проф. М. М. Гродзинского «Оценка доказательств в кассационной и надзорной практике Верховного суда СССР», Ученые труды ВИЮН, вып. VIII, стр. 226—227; Определение той же коллегии от 21 февраля 1948 г. по делу Крючковой, Судебная практика Верховного суда СССР, 1948, вып. III, стр. 25; Определение той же коллегии от 31 марта 1951 г. по делу Лихошерста и Клочко, там же, 1951, № 7, стр. 6; Постановление Пленума Верховного суда СССР от 24 декабря 1948 г. по делу Уманец и др., там же, 1949, № 2, стр. 7.

³ Определение Водно-транспортной коллегии от 29 ноября 1950 г. по делу Романюка, Судебная практика Верховного суда СССР, 1951, № 3, стр. 24; Постановление Пленума Верховного суда СССР от 7 декабря 1951 г. по делу Диденко и Орехова, там же, 1952, № 2, стр. 4; Определение судебной коллегии по уголовным делам от 15 марта 1953 г. по делу Алтаева и др., там же, 1953, № 4, стр. 31; Постановление Пленума Верховного суда СССР от 26 июня 1953 г. по делу Жукова, там же, 1953, № 5, стр. 3.

⁴ Постановление Пленума Верховного суда СССР от 16 ноября 1944 г. по делу Телкова-Ширяева и от 5 апреля 1946 г. по делу Г. в книге: М. М. Исаев и А. А. Пионтовский. Вопросы уголовного права, военно-уголовного права и уголовного процесса в судебной практике Верховного суда СССР. М. 1947, стр. 100; Постановление Пленума Верховного суда СССР от 2 апреля 1948 г. по делу Безбабичева в книге: М. М. Исаев. Вопросы уголовного права и уголовного процесса в судебной практике Верховного суда СССР. М. 1948, стр. 84—91; Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 3 сентября 1947 г. по делу Милахиных. Судебная практика Верховного суда СССР, 1948, вып. II, стр. 26—29.

силу доказательства только тогда, когда свидетель подвергнут допросу в установленной законом форме¹.

Бесспорно, что показания свидетеля могут быть признаны доказательством по делу лишь тогда, когда выполнены предписания процессуального закона. Однако это не может служить препятствием для представления в вышестоящий суд письменных заявлений граждан, так как эти заявления, не имея значения доказательств в смысле ст. 58 УПК Украинской ССР (ст. 58 УПК РСФСР), могут помочь вышестоящему суду в решении вопроса о законности и обоснованности приговора. Мнение С. Н. Абрамова к тому же и противоречиво, так как он признает в то же время возможным представление в вышестоящий суд заключений специалистов, хотя и эти заключения имеют в вышестоящем суде такое же процессуальное значение, как и письменные заявления отдельных граждан.

Вызывает возражения и точка зрения проф. М. А. Чельцова и Н. В. Чельцовой, которые, касаясь вопроса о процессуальном значении мнений специалистов, могущих быть представленными в вышестоящий суд, считают их «подлинными заключениями экспертов в точном процессуальном смысле этого слова.»²

Такое решение вопроса расходится с требованиями процессуального закона. Согласно постановлениям Уголовно-процессуального кодекса экспертизой признается лишь проведенное в особой процессуальной форме исследование и изучение материалов дела, в результате которого лицо, обладающее специальными познаниями в области науки, техники, искусства и ремесла, дает свое заключение по интересующим органы следствия и суд вопросам (ст. ст. 166—172, 276, 277 УПК Украинской ССР, ст. ст. 169—174, 298, 300 УПК РСФСР). Поэтому мнения специалистов, представляемые в суд второй или надзорной инстанции, хотя и имеют определенное значение, однако заключением эксперта в смысле ст. 58 УПК Украинской ССР (ст. 58 УПК РСФСР) признаны быть не могут.

На этой же позиции стоят в данном вопросе проф. М. М. Гродзинский, Р. Д. Рахунов, С. С. Остроумов и С. П. Фортинский.³

Верховный суд СССР не считает мнения специалистов заключением экспертизы. Так, Пленум Верховного суда по делу Г. в постановлении от 5 апреля 1946 г. указал, что, «хотя приложенное к жалобе защитника психиатрическое заключение само по себе и лишено процессуального значения экспертизы, но тем не менее... может служить основанием для вторичного более глу-

¹ Указанная работа, стр. 67.

² М. А. Чельцов, Н. В. Чельцова. Проведение экспертизы в советском уголовном процессе. М. 1954, стр. 275 (разрядка авторов).

³ Проф. М. М. Гродзинский. Кассационное и надзорное производство в советском уголовном процессе. М. 1953, стр. 50; Р. Д. Рахунов. Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе. М. 1953, стр. 158; С. С. Остроумов и С. П. Фортинский. Судебно-бухгалтерская экспертиза в советском уголовном процессе. М. 1956, стр. 205.

бокого исследования вопроса о психической вменяемости осужденного.»¹

По делу Безбабичева Пленум Верховного суда СССР в постановлении от 2 апреля 1948 г. указал, что представленное по делу мнение профессора судебной медицины А. «не может рассматриваться как документ, имеющий процессуальное значение экспертизы, однако, изложенные в нем соображения, колеблющие выводы экспертизы, вызывают сомнение в её правильности и могут служить основанием для доследования дела.»²

Кассационная и надзорная инстанции не вправе восполнить новыми материалами неполноту предварительного или судебного следствия, равно как не вправе устанавливать новые факты, ранее в деле не установленные. Но на основе этих новых материалов вышестоящий суд может признать, что по делу допущены существенные пробелы или нарушения закона, при наличии которых приговор подлежит отмене или изменению.

Так, новые материалы могут свидетельствовать о существенных нарушениях процессуального закона³ либо о неполноте исследования дела в ходе предварительного или судебного следствия.⁴ Новые материалы, далее, могут указывать на необоснованность приговора⁵, на неправильность применения уголовных и иных законов⁶ или, наконец, указывать на применение в приговоре наказания не в соответствии с тяжестью совершенного преступления и личностью осужденного.

Следовательно, новые материалы, не являясь доказательствами в смысле ст. 58 УПК Украинской ССР (ст. 58 УПК РСФСР), устанавливают наличие в деле оснований для отмены или изменения приговора, являются доказательствами существования в деле этих оснований. В этом и заключается значение новых материалов в вышестоящем суде.

В соответствии с изложенным, можно говорить о неполноте использования доказательственного материала в тех случаях, когда вышестоящий суд оставил новые материалы без рассмотрения, как это имело место по указанному выше делу Пилипенко.

¹ М. М. Исаев, и А. А. Пионтковский. Указанная работа, стр. 100.

² М. М. Исаев. Указанная работа, стр. 90—91.

³ Определение Железнодорожной коллегии Верховного суда СССР по делу Курмангалиева от 24 июня 1950 г. Судебная практика Верховного суда СССР, 1950, № 9 стр. 32. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР по делу Вологодина от 22 ноября 1952 г., там же, 1953, № 2, стр. 20; Определение той же коллегии по делу Алтаева, Кима и Жабурова от 14 марта 1953 г., там же, 1953, № 4, стр. 31.

⁴ Определение той же коллегии по делу Трутнева, Шерстова и Трофимова от 28 октября 1950 г., там же, 1951, № 1, стр. 19—20; Определение той же коллегии по делу Ш. от 19 марта 1952 г., там же, 1952, № 6, стр. 30.

⁵ Постановление Пленума Верховного суда СССР по делу Диденко и Орехова от 7 декабря 1951 г., там же, 1952, № 2, стр. 4.

⁶ Определение Водно-транспортной коллегии Верховного суда СССР по делу Гавчука от 17 мая 1952 г., там же, 1952, № 8, стр. 20; Постановление Пленума по делу Аузина от 7 января 1955 г. там же, 1955, № 2, с. 2.

В этом и заключается своеобразие неполноты доказательственного материала в вышестоящем суде.

При расследовании и рассмотрении дела органы следствия и суд обязаны в случае обнаружения ими неполноты исследования отыскать новые доказательства, истребовать их от третьих лиц, для которых такое требование является обязательным (ст. ст. 57, 109, 110, 200, 238, 254, 255 УПК Украинской ССР ст. ст. 57, 111, 112, 206, 253, 254, 257 УПК РСФСР). Восполнение неполноты исследования дела, таким образом, является обязанностью следственных органов и суда, рассматривающего дело по существу.

Как разрешается этот вопрос в отношении вышестоящего суда?

Некоторые авторы полагают, что новые материалы могут быть представлены только сторонами. Так, по мнению Н. Калашниковой, кассационный суд не может истребовать новых материалов, так как в этом случае для него ясна неполнота исследования дела и он может лишь в виду этого направить дело на новое рассмотрение. Если же сторона просит кассационный суд оказать содействие в представлении ею материалов, то в этом случае кассационный суд обязан принять решение по просьбе стороны, и, если это необходимо, истребовать таковые материалы.¹

Такой же взгляд высказан и проф. М. А. Чельцовым, «ввиду безоговорочного, — как пишет он в своем учебнике, — смысла ст. 15 Закона о судостроительстве, говорящей о праве сторон представлять новые материалы».²

С этим нельзя согласиться прежде всего потому, что закон нигде не содержит прямого запрета истребования таких материалов самим вышестоящим судом. Напротив, анализ ряда положений закона приводит к выводу, что вышестоящий суд вправе истребовать по собственной инициативе новые материалы.

Вышестоящий суд, как известно, обязан руководить судами нижестоящими и давать им соответствующие указания, обязательные согласно ст. 350 УПК Украинской ССР (ст. 423 УПК РСФСР), для органов вновь расследующих и рассматривающих дело. Для дачи такого рода указаний вышестоящему суду могут понадобиться новые материалы.

Далее, вышестоящий суд обязан проявлять свою инициативу и активность в рассмотрении дела и всякий раз проверять дело в ревизионном порядке для решения вопроса о законности и обоснованности приговора. Требование ст. 238 УПК Украинской ССР (ст. 257 УПК РСФСР) о направлении судом рассмотрения дела в сторону, наиболее способствующую раскрытию истины, соответственно относится и к вышестоящему суду. Последний обязан стремиться к тому, чтобы каждый оставленный

¹ Указанная выше статья, стр. 14.

² Советский уголовный процесс. М. 1951, стр. 376, разрядка автора.

им в силе или измененный приговор отражал объективную истину, был законным и обоснованным. В этом отношении право вышестоящего суда истребовать по своей инициативе новые материалы может иметь существенное значение.

Положительно этот вопрос разрешен Уголовно-процессуальным Кодексом Украинской ССР, который указывает (ст. 344), что «суд второй инстанции может истребовать, а также принять к рассмотрению новые материалы, которых не было в деле...» Статья 362 УПК УССР распространяет это положение и на деятельность надзорных инстанций.

Таковую же позицию в этом вопросе занимает Верховный суд СССР. По делу Барановой Судебная коллегия по уголовным делам отменила приговор ввиду того, что сведения о прежней судимости осужденной, имеющиеся в деле, неточны и противоречивы. Отменяя это определение коллегии, Пленум Верховного суда СССР в постановлении от 3 февраля 1944 г. указал, что «в крайнем случае, если коллегия считала необходимым иметь в своем распоряжении точные сведения о прошлой судимости Барановой, она могла, не отменяя приговора и не передавая дело на доследование по этим мотивам, истребовать личное дело осужденной, учтя этот новый материал при вынесении определения, применительно к ст. 15 Закона о судостроительстве».¹

Возможность истребования новых материалов вышестоящим судом подтверждена и постановлением Пленума Верховного суда СССР по делу Аузина от 7 января 1955 г.²

Следовательно, нет никаких оснований отказывать вышестоящему суду в праве истребования новых материалов, о которых говорит ст. 15 Закона о судостроительстве.

Таким образом, если органы расследования и суд первой инстанции обязаны восполнить неполноту доказательственного материала для правильного решения дела, то вышестоящий суд для достижения задач проверки законности и обоснованности приговора вправе истребовать новые материалы, могущие установить наличие оснований к отмене или изменению приговора.

Все изложенное позволяет сделать следующие выводы:

1) Неполнота исследования дела в вышестоящем суде выступает как самостоятельное основание к отмене определения этого суда в тех случаях, когда нарушены общие процессуальные нормы, определяющие сущность и основные черты пересмотра приговоров, именно; ст. 15 Закона о судостроительстве и ст. 345 УПК Украинской ССР (ст. 412 УПК РСФСР).

2) Неполнота исследования дела в вышестоящем суде может выражаться: а) в неполноте исследования самого предмета доказывания (приговор, жалобы, протест и материалы дела) и б) в

¹ Сборник постановлений Пленума и определений Коллегий Верховного суда СССР за 1944 год, М. 1948, стр. 60—61.

² Судебная практика Верховного суда СССР, 1955, № 2, стр. 2.

неполноте использования доказательственного материала (новые материалы).

3) Своеобразие неполноты исследования дела в вышестоящем суде вытекает из сущности советского пересмотра приговоров, где не происходит вторичное судебное разбирательство, а проверяется законность и обоснованность приговора.

Поэтому неполнота исследования дела в вышестоящем суде выражается в неполной проверке законности и обоснованности приговора и является одним из оснований отмены вынесенного при этих условиях определения вышестоящего суда.

4) В соответствии с этим полная проверка дела вышестоящим судом требует исчерпывающего изучения и исследования жалобы, протеста, материалов дела, приговора, а также новых материалов, указанных в ст. 15 Закона о судостроительстве.

Такая полнота проверки дела является одним из необходимых условий вынесения законного и обоснованного определения вышестоящим судом и тем самым одним из средств укрепления социалистической законности в области отправления правосудия.

А. Л. РИВЛИН

ЗАКОН И СУД В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. С. ПУШКИНА

(К 120-летию со дня смерти)

I

Сто двадцать лет прошло со дня трагической гибели Пушкина, но гений его живет в сознании народа, все глубже и глубже проникая в широкие массы его.

Огромно литературное наследство, оставленное великим поэтом, и внимание советских юристов не может не привлечь широкое освещение в нем вопросов суда и закона.

Одной из особенностей Пушкина была его исключительная разносторонность, свойственная всему его творчеству. По словам Белинского, Пушкин «в каждой сфере жизни был как у себя дома». «Посмотрите,— писал о нем Горький,— как широк диапазон его интересов в жизни, как много он охватил на земле... Он не оставил ни одной стороны жизни, не осветив ее своим талантом; круг его интересов, широта знаний до сей поры остается непревзойденной».

Эта особенность пушкинского гения обусловила освещение в творчестве поэта вопросов суда и закона.

Вопросы эти привлекали широкое общественное внимание в начальные, «либеральные» годы царствования Александра I. Они занимали значительное место в политических программах декабристов — самых передовых людей того времени. Они привлекли и внимание Пушкина, так живо откликавшегося на все стороны современной ему общественной жизни.

Пушкин получил в лицее правовое образование. В его свидетельстве об окончании лицея значится, что он прослушал курсы естественного, частного и публичного права, российское гражданское и уголовное право. Вопросами права, особенно действующего права и его истории, Пушкин интересовался на протяжении всей своей жизни.

Закон и суд нашли свое изображение во многих произведениях поэта. Они выступают в них то как органическая часть всего произведения, то как глубоко проникающий его мотив.

Ряд суждений поэта о праве и законе можно найти в различных заметках, творческих планах и дневниках поэта.

Образы и мысли, заключенные в этих произведениях, дневниках и заметках, тесно связаны с общественно-политическими воззрениями поэта. В них эти воззрения подчас находят свое прямое выражение.

Закон и суд получают в произведениях Пушкина различное изображение. Они выступают в них в различных планах и при этом неизменно трактуются поэтом в духе самых передовых идей его времени, облекаясь в образы огромной политической силы, достигая необычайной высоты художественного и политического обобщения.

Тема о законе нашла свое выражение раньше всего в так называемых вольных стихах Пушкина, написанных в 1817—21 годах. Среди них наиболее важное место занимают, конечно, ода «Вольность» и «Деревня».

Ода «Вольность» содержит одно из основных требований передовых людей того времени — ликвидацию самодержавной власти царя и введение в русскую жизнь строгих начал законности.

Ода «Вольность» содержит одно из основных требований передовых людей того времени — ликвидацию самодержавной власти царя и введение в русскую жизнь строгих начал законности.

Увы! Куда ни брошу взор,
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы...

воскликает поэт в оде.

Этой печальной картине русской действительности, «гибельному позору законов», поэт противопоставляет свои требования:

Лишь там над царскою главой
Народов не легло страданье,
Где крепко с вольностью святой
Законов мощных сочетанье...

Закон, названный в оде вечным, призван ограничить власть царя, обеспечить «святую вольность». Законность должна стать основой свободы и благоденствия граждан. Такова одна из основных идей оды.

Следует отметить, что требования, выдвинутые в оде, гораздо умереннее требований, провозглашенных в одноименной оде Радищева, «вслед» которому Пушкин «восславил свободу». Но для времени написания пушкинской оды ограничение власти царя, конституционная монархия, являлись наиболее радикальным политическим лозунгом, и входили в программу раннего де-

кабризма, в частности «Союза спасения», и большинства членов вскоре возникшего «Союза благоденствия».

Написанная в 1819 году «Деревня» — этот страстный протест поэта против крепостного права — заключала в себе и протест против беззакония, подобно тому как ода «Вольность» сочетала введение законности с «вольностью святой».

...Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
Себе присвоило насильственной лозой

И труд, и собственность, и время земледельца —

говорится в «Деревне».

Рабство, насилие, подневольный труд соединяются в «Деревне» с отсутствием закона. Закон и в данном случае призван обеспечить свободу и благоденствие народа.

Высказанные в этих произведениях поэта важнейшие политические требования того времени — ликвидация самодержавной власти царя и отмена крепостного права — связывались Пушкиным с введением законов, призванных ограничить царскую власть и уничтожить «барство дикое».

Закон в этих произведениях выступает как великая хартия вольности, как гарантия благоденствия и счастья народа.

Аналогичные мысли о законе заключены и в других произведениях поэта.

В написанных в 1818 году «Сказках» (Noël), в которых поэт высмеивает конституционные обещания царя Александра I, данные им в его тронной речи при открытии польского сейма, содержатся также строки о законе, трактуемом в том же плане, но в сатирической форме.

Вот что «вещает» русский царь в «Сказках»:

Узнай еще в прибавку,

Что сделаю потом:

Лаврову дам отставку,

А Соца в желтый дом,

Закон постановлю на место вам Горголи

И людям все права людей,

По царской милости моей,

Отдам из доброй воли.

Чтобы понять смысл и остроту этих строчек, следует напомнить, что Лавров являлся в то время директором одного из департаментов Министерства полиции, Соц-секретарем особого цензурного комитета, а Горголи, на место которого царь обещал поставит Закон — Петербургским обер-полицмейстером, отличавшимся исключительным произволом в своей полицейской деятельности.

В «Кинжале», одном из наиболее революционных произведений поэта, написанном в 1821 году в момент подъема революционного движения в южно-европейских странах и значительного оживления деятельности тайных обществ декабристов в России,

также трактуется тема о законе, но в более резком плане. Там, где «дремлет меч закона», пишет поэт, где он «главою поник», на сцену выступает кинжал, как «последний судья позора и обиды». Бессилие закона, который должен быть гарантией свободы и благоденствия народа, но над которым возвышается тираническая власть, восполняется «свободы тайным стражем» — карающим кинжалом.

К более поздним произведениям, в которых звучит тема о законе и законности, относится элегия «Андрей Шенье», написанная за несколько месяцев до декабрьского восстания 1825 года.

Закон и в этой элегии выступает как великая хартия равенства и свободы, завоеванных в революции народом:

От пелены предрассуждений
Разоблачался ветхий трон,
Оковы падали. Закон,
На вольность опершись, провозгласил равенство;
И мы воскликнули: Блаженство!

Дальнейшее развитие французской революции, революционный террор, казнь Андрея Шенье, примыкавшего к жирондистам, рассматриваются в элегии как нарушение вольности и закона.

Где вольность и закон? Над нами
Единый властвует топор...

воскликает поэт устами Андрея Шенье. Но все эти строфы элегии, не пропущенные цензурой и появившиеся после подавления декабрьского восстания в рукописных списках под заголовком «На 14 декабря», читатели относили не к истории Франции, а к русской действительности. Власть топора, отсутствие вольности и закона рассматривались как картина русской жизни. Судьба Андрея Шенье рисовалась Пушкину, преследуемому царем, как его личная судьба, как судьба поэта, боровшегося с деспотизмом.

К раннему периоду творчества Пушкина (1821 г.) относится высказывание, в котором также находит свое выражение вера поэта в благодетельную силу права и закона, противопоставляемых голому насилию в его наиболее чудовищном виде — в о й н е между народами.

В «Заметках о «Проекте вечного мира Сен-Пьера» Пушкин писал:

«Не может быть, чтобы людям со временем не стала ясна смешная жестокость войны, так же как стало ясно рабство, королевская власть и т. п. Они убедятся, что наше предназначение — есть, пить и быть свободными. Так как Конституции, — которые являются крупным шагом вперед человеческой мысли, шагом, который не будет единственным, — необходимо стремятся к сокращению численности войск, ибо принцип вооруженной силы прямо противоположен всякой конституционной идее, то возможно, что менее чем через 100 лет не будет уже постоянной армии».

В этих суждениях выражен и предельный гуманизм великого поэта, его неизменное стремление к миру и дружбе между народами, столь созвучное желаниям и стремлениям советского народа, надеждам и чаяниям всего современного прогрессивного человечества.

Вольные стихи Пушкина имели в свое время огромное общественно-политическое значение. В них прозвучал голос протеста против рабства и насилия, в них прозвучали, наряду с осуждением произвола и бесправия крепостнической России, новые для России того времени идеи законности, обеспечивающей свободу и благоденствие народа.

Русское законодательство начала XIX века представляло собой хаотическое собрание многочисленных, несогласованных между собой актов, накопившихся со времени Уложения царя Алексея Михайловича 1649 года, проникнутых крепостническим духом, жесточайшим террором, открытыми привилегиями для дворян. Бесконечное обилие указов и распоряжений, их запутанность и противоречивость создавали широкую почву для произвола, волокиты, крючкотворства и безудержного взяточничества. Над этим хаосом указов и распоряжений, над миром продажных и невежественных чиновников возвышалась никем и ничем не ограниченная власть царя, для которого необязательны были никакие законы, который своим произволом покрывал произвол своих чиновников.

Это был заклейменный Пушкиным «законом гибельный позор», от которого страдали миллионные массы народа. И всему этому произволу и бесправию поэт противопоставил в своих стихах четкую идею законов и законности, ограничивающих власть царя, равных для всех, обеспечивающих права граждан, свободу и благоденствие народа.

Стихи Пушкина проникали в широкие читающие круги русского общества. «Тогда везде ходили по рукам, переписывались и читались наизусть «Деревня», «Ода на свободу» и другие.. Не было живого человека, который не знал бы его стихов», — писал друг поэта И. И. Пущин.¹

Александр I, сославший Пушкина на юг, говорил директору лицея Энгельгардту: «Пушкина надобно сослать в Сибирь: он наводнил Россию возмутительными стихами, вся молодежь их читает».

Стихи Пушкина оказали большое влияние на формирование политических и, в частности, правовых воззрений многих участников декабрьского движения.

Среди вопросов, предложенных на следствии всем декабристам, значился и такой: «С какого времени и откуда заимствовали

¹ И. И. Пущин. Записки о Пушкине, 1937 г., стр. 67.

вы свободный образ мыслей?.. Кто способствовал укреплению в вас сих мыслей?».

Многие из допрашиваемых (Петр Бестужев, Бестужев-Рюмин, Лорер, барон Штейнгель, мичман Дивов и другие) в своих ответах на этот вопрос назвали Пушкина и его стихи.¹

В стихах Пушкина нашли свое выражение политические и связанные с ними правовые взгляды и требования декабристов. Так, Пестель во Введении к «Русской правде» писал, что государство должно находиться

«под властью и управлением законов общественных, а не прихотей личных властителей... Применяя сии неизменные... правила к России, ясно видеть можно, что они непременно требуют... введения такого устройства, которое было бы основано на одних только точных и справедливых законах и постановлениях».²

Идеи законности, выраженные Пушкиным в его стихах, были созвучны идеям и требованиям, развитым в программных документах декабристов. Пушкин был глашателем этих идей, он был певцом декабризма.

II

Тема о праве и законе нашла свое выражение и в романтических произведениях Пушкина, в частности в «Кавказском пленнике», «Братьях разбойниках», «Цыганах». В этих поэмах, тематически отличающихся от вольных стихов поэта, в ином плане получают свое освещение и вопросы права и закона. Вопросы эти, помимо того, не выступают в них столь непосредственно, как в вольных стихах, но трактуются в том же общественно-политическом смысле, что и в вольных стихах.

В «Кавказском пленнике» поэт поставил проблему, привлекавшую внимание передовых людей того времени — проблему отношений между личностью и обществом. В поэме показано столкновение вольнолюбивых стремлений ее героя с обществом, сковывающим эти стремления. Разрешается эта проблема в романтическом духе — герой покидает общество, уходит из него, тем самым выражая протест против общества и его законов.

Коллизия между личностью и обществом нашла свое выражение в поэме «Цыгане». Герой поэмы Алеко рисуется как человек, вошедший в резкий конфликт с обществом и его законами. «Его преследует закон», — говорит Земфира, представляя Алеко своему отцу. Но конфликт между личностью и обществом и его законами в «Цыганах» приобретает несколько иной характер и иное разрешение, нежели в «Кавказском пленнике». Алеко наделен поэтом глубоко отрицательными чертами — дикой рев-

¹ См. «Восстание декабристов. Материалы», том II, 1927 г.

² П. И. Пестель. Русская правда, 1906 г., стр. 8. См. также проект Конституции Н. Муравьева, помещенный в сборнике «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», том I, стр. 300 и след.

ностью, жестокостью, грубым эгоизмом — то есть чертами того общества, откуда ушел Алеко и откуда он принес с собой эти черты. Коллизия между Алеко и преследующим его законом перерастает в поэме в более широкую коллизию, коллизию двух миров — мира, черты которого принес с собой Алеко, и мира, где нет законов, где жизнь свободна и проста.

Мы дики, нет у нас законов,
Мы не терзаем, не казним,
Не нужно крови нам и стонов,
Но жить с убийцей не хотим.

В этих словах старика цыгана, обращенных к Алеко, звучит приговор и Алеко, и тому миру, тем законам, которые он принес с собой.

«Братья разбойники» заключают по сути дела ту же коллизию, но выраженную в ином плане и при этом сильнее и проще. Она выступает в поэме как коллизия не между отдельной личностью и обществом, а между определенной группой людей и обществом и его законами, при чем законы эти выступают в более конкретном виде, как законы крепостнической России, против которых восставал Пушкин.¹

Представители различных групп населения многонациональной России «и беглец с берегов воинственного Дона, и в черных локонах еврей, и дикие сыны степей калмык, башкирец безобразный, и рыжий финн, и с ленью праздной везде кочующий цыган» — бежали из общества, не способного обеспечить им нормальное существование. В поэме прямо указано, что связало этих людей различных племен, наречий, состояний:

Здесь цель одна для всех сердец,
Живут без власти, без закона.

В поэме указано, что побудило братьев разбойников и, очевидно, всех других к жизни «без власти, без закона»: тяжелая нужда, положение людей, у которых не осталось «ни бедной хижины, ни поля», которые с детства узнали «нужды глас».

В поэме приведены неизменные атрибуты «законности» крепостнической России — острог, цепи, кнут и пытки. Описание русского острога со всеми его ужасающими бытовыми подробностями впервые в русской литературе дано в этой поэме.

Закон и законность не являются непосредственной темой указанных произведений, и тем не менее в них заключены глубокие обобщения поэта о праве и законе. В них звучит осуждение таких общественных порядков, таких законов, которые не способны обеспечить благоденствие и счастье человека, которые лишь подавляют и угнетают его.

¹ Д. Д. Благой не без основания связывает процесс создания «Братьев разбойников» с процессом создания «Кинжала», подчеркивая тем самым их единый революционный дух. См. Д. Д. Благой. Творческий путь Пушкина, 1950 г., стр. 283.

Именно в таком общественно-политическом смысле были поняты и приняты передовыми кругами русского общества все эти поэмы. Белинский расценивал поэму «Кавказский пленник», как выражение пробудившегося сознания русского общества в лице одного из представителей его.¹ «От «Цыган» все без ума», — писал Рылеев Пушкину, видя в этой поэме стремление к вольности и свободе.² Герои «Братьев разбойников» вызывали неизменное сочувствие читателей и ненависть к «законности» крепостнической России.

III

Вопросы законности, и особенно вопросы правосудия, нашли свое освещение и в ряде произведений поэта, написанных после 14 декабря 1825 года.

С легкой руки Жуковского, фальсифицировавшего в письме к отцу поэта мысли и настроения Пушкина в дни его кончины, в дореволюционной литературе установилось довольно прочное мнение о переходе поэта после разгрома декабрьского восстания на сторону реакции.³ Мнение это давно опровергнуто советскими литературоведами. Пушкин и после 14 декабря сохранил свои убеждения. «Я гимны прежние пою», — писал поэт в «Арионе». До конца своих дней Пушкин оставался непримиримым врагом самодержавно-крепостнического строя. Это нашло свое новое подтверждение в недавно обнаруженных в Нижнем Тагиле письмах современников поэта.⁴

Естественно, поэтому, что в произведениях, написанных после разгрома декабрьского восстания, трактовка темы о законе получает ту же идейную направленность, достигая при этом особой силы и выразительности, связанных с расцветом художественного реализма в творчестве поэта.

На высоту широких обобщений поднимается трактовка закона в написанной в 1833 году поэме «Анджело», сюжет которой, как известно, заимствован Пушкиным из драмы Шекспира «Мера за меру». В пушкинском варианте драмы закон, в связи с которым разворачиваются все события в поэме, приобретает особое значение, является как бы движущим моментом в ней.

Старый, добрый Дук, правивший «в одном из городов Италии счастливой», желая восстановить поникшую силу законов, удаляется от дел, передав бразды правления Анджело. Сей муж,

¹ В. Г. Белинский. Соч., т. III, стр. 302.

² А. С. Пушкин. Соч., т. XIII, стр. 168 (Письмо Рылеева к Пушкину).

³ Так, Н. В. Анненков, впервые собравший обширные материалы о жизни и творчестве поэта, прямо утверждал, что после 14 декабря 1825 года Пушкин отказался от своих прежних политических убеждений. См. Н. В. Анненков. А. С. Пушкин. Материалы для его биографии и оценки произведений. 1873 г.

⁴ См. Ираклий Андронников. Тагильская находка, «Новый мир», 1956 г., № 1.

«стеснивший весь себя оградою законной», с жестокой прямолинейностью восстанавливает давно бездействующие законы и среди них один — «прелюбодею — смерть».

Все развитие поэмы идет по линии столкновения этого восстановленного жестокого закона с жизнью. Ханжа и лицемер Анджело и восстановленный им закон, который он сам же пытается нарушить, противостоят полным любви и жизни Клавдио, его сестре Изабелле; всем действующим лицам поэмы. Но побеждает жизнь, а не жестокий закон, торжествует не лицемер Анджело и восстановленный им закон, а старый добрый Дук, пренебрегший этим законом, Клавдио, нарушивший его, Изабелла, противопоставившая ему свою жизненную правду.

В поэме рассыпано множество обычных сентенций о законах, об их нелицеприятности, справедливости, независимости от воли людской и проч. Эти сентенции исходят, главным образом, из лицемерных уст Анджело и звучат как злая ирония над законами, неспособными обеспечить счастье людей и направленными на их угнетение и подавление.

Широкое изображение в произведениях Пушкина этого же времени нашел современный ему русский суд.

Состояние русского суда начала XIX века соответствовало состоянию русского законодательства. В течение почти целого столетия суд и процесс в России не подвергались сколько-нибудь существенным изменениям, сохраняя инквизиционные начала, отличаясь бездушным формализмом, грубым произволом и жестокостью, продажностью и невежеством судейских чиновников.

Такое состояние суда вызывало возмущение всех прогрессивных людей русского общества. В распространяемой в то время в Петербурге прокламации говорилось: «В судебных местах ни малого нет правосудия... Законы выданы для грабежа судейского, а не соблюдения правосудия».¹ Коренная перестройка русского суда являлась одной из важнейших частей политических программ декабристов, требовавших открытого, гласного, равного для всех, независимого от администрации, справедливого суда.

Эти требования заключены в Оде «Вольность», в которой «твердый щит законов» поэт распространял и на правосудие, «где сжатый верными руками граждан над равными главами их меч без выбора скользит и преступленья свысока сражает праведным размахом, где неподкупна их рука ни алчной скупостью, ни златом».

Современный поэту суд подвергся резкой критике в ряде его произведений. Меткую характеристику суда, его продажности и формализма можно найти в ранних произведениях поэта — в лицейских «Куплетах», в юношеском «Городке» и друг. Широкая

¹ См. Г. Габов, *Общественно-политические и философские взгляды декабристов*, 1954 г., стр. 133.

картина суда изображена в повести «Капитанская дочка» и особенно в «Дубровском».

В «Капитанской дочке», в последней главе ее, названной «Суд», скупыми и точными чертами, свойственными всей прозе Пушкина, изображены допрос Гринева, его очная ставка с Швабриным, вся письменная и тайная для обвиняемого процедура суда. Представ единственный раз перед своими судьями — следователями, закованный в кандалы, Гринев не знал точно, в чем его обвиняют. После допроса «меня опять, — повествует он, — отвели в тюрьму и с тех пор к допросу не требовали». Приговор о Гриневе вынесен был заочно.

В повести устами Гринева высказано следующее замечательное суждение:

«Думали, что собственное признание преступника необходимо было для его полного обличения, — мысль не только неосновательная, но даже и совершенно противная здравому юридическому смыслу: ибо, если отрицание подсудимого не приемлется в доказательство его невинности, признание его того менее должно быть доказательством его виновности».

Вопиющая картина беззакония и судейского произвола изображена Пушкиным в повести «Дубровский». Зависимость судейских чиновников от сильных мира сего, бездушный формализм, судебная неправда выступают в повести с особенной силой.

Казуистическому решению уездного суда по делу Дубровского, приведенному в повести, Пушкин предпослал следующее, не лишённое сарказма, замечание:

«Мы помещаем его вполне, полагая, что всякому приятно будет видеть один из способов, каким на Руси можем мы лишиться имения, на владение коим имеем неоспоримое право».¹

Замечательно показано в повести отношение к суду и судейским чиновникам крепостных крестьян, видевших в них лишь свиней, питавшихся из барского корыта.

Чиновникам, приехавшим вводить Троекурова во владение имением, крестьяне устроили грозную встречу, а кузнец Архип запер их в доме и поджёг его.

Пушкина интересовал не только отечественный, но и зарубежный суд. Об этом свидетельствует ряд книг в его библиотеке — «Прославленные уголовные дела XIX века», «Хроника трибуналов Европы» и друг., а также некоторые его заметки — о «Записках Самсона», о «Записках Видока», о «Железной мас-

¹ Весьма характерно, что Пушкин получил у знатока тогдашнего судопроизводства Д. В. Короткого выписку решения из подлинного дела, которую и приводит в повести, изменив в ней имена и фамилии. Закончив первую часть повести, в которой изображены были картины суда по делу Дубровского, Пушкин направил ее тому же Короткому для проверки правильности описанного им судебного разбирательства. Помимо собственного поэту желания быть правдивым и точным в своем рассказе, он очевидно, стремился к наибольшему приближению описываемой им судебной процедуры к действительности, понимая, что это придаст и наибольшую силу изобличению вопиющего состояния современного ему правосудия.

ке». В проекте № 1 подготавливавшейся Пушкиным к изданию газеты «Дневник» среди других сообщений в разделе «Новости заграничные» помещена незаконченная заметка о том, что «уголовный суд оправдал еще троих, обвиненных в участии в возмущении».¹

Знакомство Пушкина с судебными процессами Западной Европы привело его к мысли о написании романа в письмах, органической частью которого должно быть изображение инквизиционного суда и процесса феодальной Европы со всеми его чертами, характерными и для России пушкинского времени.

Отрывки этого незаконченного романа в письмах под названием «Мария Шонинг» с приложенным к ним конспектом, в котором излагались события будущего романа, были помещены после смерти поэта его друзьям в VIII томе «Современника».

Мария Шонинг 17-летняя дочь Нюрнбергского рабочего, и ее подруга Анна Гарлин были приговорены к смертной казни за то, что, по показаниям Марии, они убили и зарыли в лесу рожденного ею ребенка, а, по показаниям Анны, утопили его в реке Пегниц.

Нюрнбергский трибунал осудил их исключительно лишь на основании собственного их признания. На площади перед казнью Мария бросилась в ноги священнику и рассказала ему, что они оговорили себя. Анна подтвердила это. Народ на площади стал волноваться. Но приговор был приведен в исполнение. Палач отрубил голову Анне. Мария скончалась тут же. Приблизившись к ней, палач нашел ее мертвой.

Таково краткое содержание конспекта, написанного рукой поэта.²

Наиболее трагическим моментом в задуманном романе является, несомненно, осуждение ни в чем неповинных Марии Шонинг и Анны Гарлин на основании собственного их признания. Пушкина, очевидно, заинтересовала эта сторона прочитанного им дела. Это делается особенно ясным, если основную концепцию романа поставить в связь с приведенным выше суждением поэта о значении признания обвиняемого, как доказательства его виновности. Наряду с другими литературно-художественными задачами, Пушкин хотел изобразить в романе феодальный суд, в котором собственное признание обвиняемого, эта «царица доказательств» розысчного процесса, играло столь трагическую роль.

Замысел романа о Марии Шонинг совпадает по времени с написанием «Анджело», «Дубровского», «Капитанской дочки». За-

¹ См. Письма Пушкина, т. III, 1935 г., изд. «Академия», стр. 498, где помещен проект газеты.

² Лишь сравнительно недавно удалось установить, что фабулу этого романа Пушкин почерпнул из подлинного дела, описанного в парижском издании «Знаменитых процессов» («Causes célèbres») за 1827 год под заголовком «Детубуйство, процесс Марии Шонинг и Анны Гарлин». См. по этому поводу Д. Якубович. Мария Шонинг, как этап исторического романа Пушкина. «Звенья», 1934 г., кн. III—IV.

кон и суд выступают в этих произведениях на стороне тех, кто попирает справедливость. Образы, нарисованные в этих произведениях, прямо направлены против такого суда и таких законов, которые неспособны обеспечить торжество добра и справедливости, неизменно живших в гениальном сознании поэта.

В заметках Пушкина к «Истории Пугачева», переименованной, как известно, по приказанию Николая I в «Историю пугачевского бунта» (преступники не могут иметь своей истории,— говорил царь) заключено замечательное суждение поэта об адвокатуре.

Розыскной процесс николаевской России совершенно исключал участие в нем адвокатов. На протяжении многих десятилетий правительство относилось к учреждению адвокатуры не только отрицательно, но и с особым страхом. И это совершенно понятно. Учреждение адвокатуры связано было с коренным изменением судебного строя, а это могло быть связано с изменением всего государственного строя. Понятно также, почему декабристы в своих программных требованиях в области судостройства и процесса предусматривали учреждение адвокатуры.

Как и в ряде других вопросов, Пушкин и в данном случае разделял требование своих политических друзей и соратников. И это нашло свое выражение в упомянутых заметках.

В этих заметках имеется следующая запись поэта:

«Падуров, как депутат, в силу своих привилегий, данных именным указом, не мог ни в коем случае быть казнен смертью. Не знаю, прибегнул ли он к защите сего закона, может быть он его не знал, может быть, судьи о том не подумали; тем не менее казнь сего злодея противозаконна. Вот один из тысячи примеров, доказывающих необходимость адвокатов». (Подчеркнуто мной А. Р.).

В этой краткой записи содержится не только взгляд Пушкина на необходимость адвокатуры, диктуемую «тысячью примеров», но и глубокая мысль о самом назначении ее. Адвокатура, по мысли поэта, призвана помогать гражданам в осуществлении их прав и судьям — в правильном, законном осуществлении правосудия.

IV

В произведениях Пушкина, особенно в его вольных стихах, как и в программных документах деятелей декабристского движения, нашли известное выражение идеи французских политических мыслителей XVIII века, в частности идеи школы естественного

права, горячим проводником которых в Царскосельском лицее был профессор Кунцын. Но Пушкин, как и все передовые люди его времени, не был простым подражателем западно-европейских идей. Он вырабатывал свои взгляды, исходя из политических условий, в которых находилась Россия его времени, из потребностей ее развития. Идеи французских просветителей оказали свое влияние на передовых людей России того времени потому, что на основе этих идей в России решались общественные задачи, близкие задачам, возникшим в Западной Европе в конце XVIII века.

Правовые идеи, развитые Пушкиным в его произведениях, отвечали насущным потребностям русской жизни. Закон и законность, противопоставленные произволу и насилию, рабству и угнетению, должны были обеспечить прогрессивное развитие страны.

Но Пушкин при этом, как и все передовые люди его эпохи, не был сторонником капитализма и буржуазной законности, получивших к тому времени достаточное развитие в Западной Европе и Америке.

В «Путешествии из Москвы в Петербург», этой своеобразной рецензии на книгу Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», Пушкин возмущается «холодным варварством», с которым эксплуатируются рабочие в современной ему Англии. Поэт подчеркивает при этом, что все это «происходит в строгих рамках закона».

В статье «Джон Теннер» Пушкин резко критикует американскую демократию в ее «отвратительном цинизме», с ее «рабством негров посреди образованности и свободы», демократию, в которой «все благородное подавлено».

Пестель считал антинародным государство, в котором власть принадлежит «аристократии богатств», заменившей феодальную аристократию.

«... Заменяет в тех государствах,— писал он,— аристократия богатства аристократию феодализма, и народы не только ничего не выиграли, но даже напротив того, в некотором отношении еще в худшее приведены политическое положение, ибо в насильственную поставлены зависимость от богатых»¹.

Русские просветители, начиная с Радищева, верили, что уничтожение в России крепостничества и всех его порождений должно привести к всеобщему благоденствию народа. Конечно, вера эта имела утопический характер. Прогрессивное развитие России должно было привести ее к капитализму, но капиталистический строй не являлся идеалом Пушкина, как и всех передовых людей его времени.

Идеалом Пушкина было всеобщее благоденствие народа. Поэтому идеи права и законности, развитые в его произведениях,

¹ П. И. Пестель, Русская правда, стр. 214.

выходили за узкие рамки буржуазного права, буржуазной законности. Законы, по мысли поэта, должны обеспечивать всеобщую свободу, счастье и благоденствие всего народа.

* *
*

Пушкин дорог нам как великий поэт, открывший новую эру в истории русской литературы; он близок и созвучен нашей эпохе как великий гуманист, своей вдохновенной поэзией утверждавший дружбу и мир между народами. Он дорог нам и тем, что в отсталой крепостнической России провозгласил идеи права и закона, призванных служить свободе и благоденствию народа, получивших свое реальное осуществление в наше время в странах победившего социализма.

КРИМИНАЛИСТИКА

Доцент В. П. КОЛМАКОВ

ПРИЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕЛКИХ ПРЕДМЕТОВ — ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ЖИЗНИ

§ 1. Роль мелких предметов-вещественных доказательств

В советской криминалистической и судебно-медицинской литературе многие авторы отмечали важное значение мелких предметов, частей или частиц их — вещественных доказательств для установления личности как потерпевшего, так и виновного по делам о преступлениях против жизни¹. Вместе с тем приемы и методы использования таких вещественных доказательств не нашли достаточного освещения. Поэтому в следственной практике имеют место недостатки в обнаружении, собирании и использовании их для целей раскрытия преступлений.

В отличие от следов — отображений частей человеческого тела (пальцев, ладоней, ног, зубов и т. п.), по которым идентификация личности осуществляется непосредственно, мелкие вещественные доказательства, как правило, не запечатлевают признаков и свойств конкретной личности. В совокупности с другими доказательствами, будучи идентифицированы путем предъявления для опознания или экспертизы, они позволяют опосредствованно идентифицировать личность потерпевшего либо виновника преступления, а иногда и иных лиц, установление которых важно для расследования. Однако использование таких объектов требует применения своеобразных приемов, с помощью которых, соблюдая требования законности и научности расследования,

¹ На важность таких вещественных доказательств обращал внимание русский врач Ал. Татарников еще в 1844—1847 гг., исследуя китайскую судебную медицину. См. «Способы исследования причин насильственной смерти, употребляемые китайцами», «Отечественные записки», СПб, т. 50, № 1, 1847, стр. 29—31.

можно получить положительные результаты. На месте происшествия они выявляются во время приготовления, совершения либо сокрытия преступления. В криминалистической литературе отмечалось, что мелкие предметы, оставшиеся на месте происшествия (обронены во время борьбы с жертвой, брошены, забыты и т. п.), являются «весьма важными уликами, доказывающими вину обвиняемого»¹. От следователя, производящего осмотр места происшествия или трупа, здесь требуется пытливость, внимательность, наблюдательность по отношению к мелким предметам или их частям и частицам, к обнаружению, закреплению и сохранению их.

Мелкие предметы, их части или частицы, обнаруживаемые на месте происшествия и являющиеся вещественными доказательствами по делу, весьма разнообразны по своему виду, характеру, назначению и нередко играют решающую роль в успешном проведении расследования.

Следственной практике известны случаи обнаружения на местах убийств либо нахождения трупов мелких предметов, которые были успешно использованы для раскрытия преступлений и установления убийц².

Особенно показательным в этом отношении является дело об убийстве Ульяны Горбик. По существу, раскрытие убийства молодой женщины и установление виновных оказалось возможным только благодаря обнаружению, изъятию и умелому использованию в качестве вещественных доказательств пуговицы от дамского пальто, носового платка и спичечной коробки, найденных на месте осмотра трупа. Не менее важное значение имел найденный мужем пострадавшей в своей квартире, под кроватью, перстень желтого металла с красным камнем, не принадлежавший ни ему, ни его жене, а также зубило, обнаруженное при повторном осмотре, проведенном через год. Эти предметы были впоследствии опознаны и явились важнейшими доказательствами по делу. Оказалось, что перстень в момент преступления потерял убийца Сорокин, а его соучастник Ожогин обронил зубило. Когда они отнесли труп из квартиры к железной дороге, то около трупа Сорокин потерял свой носовой платок, впоследствии опознанный женой Сорокина как принадлежащий последнему. Таким образом, найденные на месте обнаружения трупа и

---

¹ А. Пионтковский. За дальнейшую разработку советской теории доказательств в уголовном процессе. Ж. «Социалистическая законность» № 7, 1955 г. стр. 38.

² См. например А. Н. Васильев, Г. Р. Гольст, Г. Н. Мудьюгин, В. И. Тербилов и Г. И. Кочаров. Расследование убийств, М., 1954 г. стр. 245 и др. П. Я. Сулимов. Внимательный осмотр — залог успешного расследования преступления. Следственная практика, вып. 17, М. 1954 г.

Б. Д. Лопатин. Важность тщательного обыска по делам об убийствах. Следственная практика, вып. 17, М. 1954 г.

на месте убийства мелкие предметы, в совокупности с другими доказательствами, позволили установить убийц¹.

Мелкие предметы — вещественные доказательства могут быть обнаружены при осмотре различных мест происшествия по делам о преступлениях против жизни. Чаще всего они встречаются на месте причинения смерти и обнаружения (сокрытия) трупа. Умело собранные и правильно оцененные, они позволяют построить обоснованные версии о том, кому принадлежат данные предметы, следовательно, кто их принес на место происшествия. Как известно, вопрос о том, кто совершил преступление, является одной из основных задач расследования всякого преступления. При расследовании преступлений против жизни, особенно убийств, когда личность потерпевшего неизвестна, идентификация его личности является также одной из важнейших задач расследования. Правильное решение указанных задач обеспечивает успех расследования преступления в целом.

Роль и значение мелких предметов, их частей и частиц определяется ролью и значением косвенных улик в системе доказательств советского уголовного процесса. Являясь вещественными доказательствами, мелкие предметы в уголовном процессе также выступают «по преимуществу как источники доказательств косвенных, как средство установления улик»,² — отмечает проф. М. М. Гродзинский. Поэтому доказывание посредством мелких предметов — вещественных доказательств по делам о преступлениях против жизни должно основываться на общих правилах доказывания с помощью улик.

В криминалистической литературе к «мелким предметам» — вещественным доказательствам относят предметы различные по форме, размеру и материалу. Иногда такие предметы в литературе называют «мелкими вещественными доказательствами»³. Но независимо от того, называются ли они «мелкими предметами» или «мелкими вещественными доказательствами», для опытного следователя не может быть понятия «мелочь». Кажущаяся на первый взгляд мелкая деталь может явиться важнейшей и решающей уликой.

Производя осмотр места причинения смерти или обнаружения трупа, обыскивая обвиняемого, необходимо внимательно изучать

¹ Е. В. Болдырев. Установление места совершения убийства привело к обнаружению преступников. Следственная практика, вып. 17, 1954 г., стр. 179—195.

² Проф. М. М. Гродзинский. Улики в советском уголовном процессе. Ученые труды ВИЮН, вып. VII, 1945 г., стр. 90.

³ Г. И. Кочаров, А. И. Токарев. Применение научно-технических средств при расследовании хищений государственного и общественного имущества. М., 1953 г., стр. 39. В. И. Пальцев. Роль мелких вещественных доказательств при расследовании хищений. Следственная практика, вып. 7, 1951 г., стр. 54.

все предметы, и особенно мелкие. По делам о преступлениях против жизни такие предметы, будучи мало заметными для преступника, им не устраниются и могут быть найдены на месте происшествия около трупа, на трупе, в его руках, вблизи места происшествия, а также у обвиняемого.

Изучение дел о преступлениях против жизни показывает, что по этим делам в качестве мелких вещественных доказательств встречались:

1) мелкие предметы, относящиеся к частям одежды, обуви и головным уборам — пуговицы, крючки, запонки, лоскуты ткани,¹ хлястики, галстуки, ленты, ремешки или части головных уборов, перчатки, пояса, пряжки, шнурки, обрывки кожи или резины от обуви;

2) части предметов, носимых при себе (в определенных условиях) — части зонтов, палок, тростей и т. д.—как и сами эти предметы;

3) предметы туалета — расчески, пудреницы, губная помада, носовые платки, шпильки, приколки, булавки;

4) предметы украшения — серьги, медальоны, перстни, кольца, бусы, застежки, браслеты;

5) предметы, используемые в деловых и бытовых целях — карандаши, записные книжки, спички, зажигалки, папиросы, портсигары, мундштуки, трубки, часы, сумочки, перочинные ножи, очки и т. п.;

6) предметы из бумаги — обрывки бумаги, окурки папирос и самокруток, записки, обрывки газет, журналов, книг, тетрадей, документов, фотоснимки, трамвайные билеты, квитанции, записки с адресами или номерами телефонов и др.;

7) знаки отличия — значки, медали и т. п.;

8) иные случайные вещи и их частицы—нитки, обрывки тканей, концы шпагата, веревок, проводов, флаконы, упаковочные принадлежности, мелкие инструменты—зубило, долото, отвертка, ключи;

9) пыль, грязь, табак, частицы стекла, металла, дерева, пластмассы, резины, растений, волокна, остатки пищевых продуктов.

Нетрудно заметить, что перечисленные предметы по своему значению имеют различный характер. Одни из них обладают только групповыми признаками (видовыми, родовыми), другие — имеют особенные признаки, которые их индивидуализируют. Но все они могут быть использованы для установления личности потерпевшего или преступника. Доказательственное значение они будут иметь различное, в зависимости от указанных признаков, и только в том случае, если рядом иных доказательств с несомненностью устанавливается принадлежность их жертве преступле-

¹ Случай использования обрывков одежды описан И. С. Иовенко в статье «Уличающие рисунки из альбома». Следственная практика, вып. 1, 1950 г., стр. 46; использование остатков платья и застежки «молнии» описывается в «Следственной практике», вып. 17, стр. 201 («Преступление раскрыто через 3 года после совершения его» по материалам ВНИИК).

ния или обвиняемому, либо другим лицам, установление которых необходимо для следствия. В указанных целях в процессе расследования необходимо:

а) обнаружить, всесторонне изучить, правильно закрепить и сохранить эти предметы, исключив их замену, порчу либо утрату;

б) установить причинную связь между нахождением данных предметов на месте происшествия и расследуемым событием;

в) найти признаки и свойства предметов, позволяющие установить их тождество либо групповую принадлежность (однородность);

г) по найденным признакам выяснить принадлежность найденных предметов определенным лицам (потерпевшему, обвиняемому и др.) либо однородность их с обнаруженными у этих лиц такими же предметами;

д) установить, что эти предметы до момента преступления находились у названных лиц.

§ 2. Приемы использования мелких предметов для установления личности пострадавшего или преступника

Все обнаруженные на месте происшествия предметы, в частности мелкие, подлежат полному и точному описанию в протоколе осмотра. В целях индивидуализации необходимо отразить в протоколе их общие и частные признаки. Такое описание обусловлено необходимостью предотвратить возможную замену одних предметов другими, а также закрепить их первоначальный вид. Крайне важно подвергнуть их фотографированию по правилам масштабной съемки, обратив особое внимание на запечатление частных признаков (номеров, инициалов, надписей и т. д.) Необходимо рекомендовать упаковывать каждый из обнаруженных мелких предметов в отдельные коробки или пакеты, на которых следует делать надписи с обозначением наименования содержимого, места и времени его обнаружения. К сожалению, встречаются еще случаи небрежного изъятия и хранения таких предметов. Так, по одному делу о злостном нарушении трудовой дисциплины на транспорте, что привело к причинению смерти стоявшему на шоссе гражданину, следственный работник, изъяв на месте происшествия кусочки фары автомашины, поместил их в конверт, на котором сделал надпись: «кусочки стекла, найденные на месте наезда на гр-на Г». В конверт же следователь вложил записку с текстом: «кусочки стекла, изъятые с машины «ЗИМ» в гараже завода». Данное обстоятельство потребовало значительных усилий для устранения этой небрежности. Недопустимо на самих предметах делать какие-либо отметки, наклейки, как например: «перочинный нож, найденный на месте убийства». В таком случае можно привязать к предмету маленькую бирку с соответ-

ствующей надписью. Предметы, после занесения их признаков в протокол и фотографирования, подлежат упаковке, опечатыванию сургучной печатью на месте обнаружения и изымаются следователем. В камере следователя эти вещи подлежат бережному хранению, исключающему изменение их наружного вида, утрату или уничтожение. Анализируя в ходе осмотра места происшествия и дальнейшего расследования обстоятельства, относящиеся к обнаружению названных предметов и их особенностям, следователь может выдвинуть частные версии о том, что эти предметы:

а) были принесены и забыты, потеряны, обронены на месте происшествия преступником либо соучастниками преступления и принадлежат им;

б) имелись у потерпевшего и остались на месте происшествия в момент совершения преступления;

в) взяты преступником у посторонних лиц и подброшены на место происшествия для введения следователя в заблуждение;

г) принесены на место происшествия участниками осмотра, там забыты или обронены;

д) находились на месте происшествия, попав туда ранее или позже совершения преступления, не в связи с ним.

Все эти версии нужно проверить, включив их в план расследования, если они не были проверены ранее в ходе первоначальных следственных действий.

Необходимость проверки данных предположений имеет большое значение для выяснения возможности использования этих предметов в целях установления личности. Если следственные работники не пытаются проверять приведенные обстоятельства на месте происшествия или в ходе выполнения последующих действий, то расследование может оказаться на ложном пути. Так, при осмотре места обнаружения трупа, найденного в лесопарке гор. Харькова, следователь подобрал несколько пустых ржавых консервных банок, находившихся вблизи трупа. Он полагал, что посредством указанных банок можно будет установить личность убитого либо убийцы. Между тем внешний вид этих банок свидетельствовал о том, что они находились в данном месте не менее года, так как в слое земли, нанесенном в банки, имелись слежавшиеся остатки листвы и трав, засохших еще осенью предыдущего года¹.

Приведенные предположения нередко могут быть проверены в ходе осмотра путем изучения места обнаружения предметов, их взаиморасположения, наличия на них следов преступления, а также путем сопоставления с предметами обстановки или одежды, изучения их внешнего вида и т. д. Особое внимание должны привлечь предметы, находящиеся около трупа, на трупе, в его одежде, руках. Указанные предметы могут принадлежать уби-

¹ По материалам Харьковского научно-исследовательского института судебной экспертизы.

тому, но они могут быть и подброшены для маскировки преступления.

В ходе следственного осмотра предметов, изъятых с места происшествия, необходимо тщательно изучать их общие и частные признаки. Особенно внимательно нужно осматривать такие предметы, на которых иногда остаются следы пальцев рук, зубов, ногтей, когда они могут быть материалом, непосредственно идентифицирующим личность. Необходимо также выявлять различные особенности предметов, в частности — надписи, инициалы, монограммы, номера, адреса т. п. Например, на месте убийства гр-на Д. был найден маленький узелок из ткани, в котором в бумаге оказалось несколько граммов соли. Внимательное изучение клочка бумаги показало, что на нем имеется надпись: «...фметике», «...ника V класса» «...тюка». По этим данным было установлено, что клочок бумаги оторван от обложки тетради ученика школы того села, около которого был найден труп. Фамилия ученика была установлена. Оказалось, что его отец был пастухом колхозного стада. Он совершил убийство Д., забыв около трупа узелок с солью¹.

Не менее интересным является следующий случай. 14 декабря 1953 года около д. Апнеры был обнаружен труп гр-на Петрова. Народный следователь прокуратуры Вурнарского района, Чувашской АССР, т. Кондратьев обнаружил на месте происшествия следы обутих ног, кустарно изготовленную пару варежек с вышитым по краю характерным рисунком и самодельный нож, изготовленный из ромбовидного напильника. Варежки и нож были предъявлены жителям и опознаны гр-кой Васильевой как принадлежащие ее сыну Васильеву Г. Опознала их и гр-ка Максимова, проживавшая в одном доме с последним. Васильев был задержан, но упорно отрицал совершение убийства и при этом показал, что нож принадлежит ему, но был им потерян, а варежки он забыл в доме знакомого. Будучи изобличен опознанием и тем, что, уходя из дома, он, как показала мать, был в указанных варежках, Васильев признал себя виновным. Он изобличался также заключением криминалистической экспертизы, установившей, что следы плетеной обуви на снегу оставлены обувью, изъятой у Васильева².

При осмотре различных упаковочных материалов, обнаруживаемых на трупе или его частях, а также при осмотре одежды нужно выявлять различные особенности, указывающие на принадлежность их определенному лицу.

Иногда предметы — вещественные доказательства на месте происшествия обнаруживаются не целиком, а являются частями какого-то предмета, отделившимися от него в момент совершения

¹ По материалам Харьковского научно-исследовательского института судебной экспертизы.

² По материалам прокуратуры Вурнарского р-на Чувашской АССР, архивное дело № 1331 за 1954 г. Казанской НИКЛ.

или сокрытия преступления (оторвавшаяся часть от одежды, отломившаяся часть орудия причинения смерти и т. п.). Такие предметы могут быть использованы в целях установления личности, если осуществлена идентификация целого по частям. При осмотре места происшествия необходимо обращать внимание на те предметы, у которых утрачены определенные части или, наоборот, которые составляли целый предмет с какой-то отсутствующей частью.

При этом необходимо представить себе, частью каких предметов данные частицы являются и где эти предметы могут находиться, чтобы их разыскать. Для этого необходимо тщательное изучение найденных частей и их свойств, внимательный осмотр мест расчленения (отрыва, отлома, разреза и т. д.). К такого рода объектам относятся: предметы из бумаги (пыжи и бумага, изъятая при обыске, записка о самоубийстве и тетрадь, из которой вырван лист и т. п.), из дерева — палки, дрова, отщепы, срезанные деревца для маскировки трупа, рукоятка орудия убийства и оставшаяся у обвиняемого часть; обломки металлических орудий убийства, ткани, веревки и т. д. По делу об убийстве гр-на Кайкова было установлено, что убийца нанес несколько ранений в голову концом лезвия кинжала, при этом конец лезвия отломился и остался в кости черепа. Обнаруженный недалеко от трупа нож был опознан как принадлежавший гр-ну Н. Чтобы использовать данный предмет в качестве доказательства, устанавливающего личность убийцы, следователь провел два процесса идентификации: а) предъявил кинжал для опознания и установил, что он принадлежит гр-ну Н., б) посредством криминалистической экспертизы установил, что отломившаяся часть лезвия, оставшаяся в кости черепа, и лезвие кинжала составляли до расчленения одно целое. Отсюда были сделаны совершенно правильные логические выводы: кинжал является орудием убийства и это орудие принадлежит Н., значит убийство совершил он¹. Как будет видно из дальнейшего, последний вывод окажется правильным в том случае, когда с несомненностью установлено, что данное орудие до момента совершения преступления находилось у определенного гражданина, которому оно принадлежит, не было им потеряно, не похищено у него, не передано кому-нибудь и т. д. Однако и в таких случаях идентификация предмета облегчит установление того лица, которому данное орудие было, например, передано.

Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что предметам, в частности, мелким, необходимо уделять самое серьезное внимание при расследовании преступлений против жизни. Вместе с тем использование этих предметов, в зависимости от их признаков и свойств, а также от иных условий, имеет свою специфику.

---

¹ По материалам Харьковского научно-исследовательского института судебной экспертизы.

В соответствии с требованиями ст. 67 УПК УССР обнаруженные мелкие предметы, их части и частицы подлежат подробному описанию и особым постановлением приобщаются к делу в качестве вещественных доказательств. Иногда возникает необходимость перед этим подвергнуть их в камере следователя вторично более детальному осмотру, чем это имело место на месте происшествия.

Как бы тщательно ни производился осмотр вещественных доказательств на месте происшествия (а также на месте обыска или выемки), невозможно, в силу большого объема работы и нередко неблагоприятных условий, сложности обстановки, необходимости выполнения ряда иных действий, кроме осмотра, подробно изучить все детали обнаруженных предметов, особенно мелких. В своей камере, сосредоточив внимание на детальном осмотре этих предметов, следователь может более глубоко изучить их признаки и свойства, проанализировать место каждого из них в цепи доказательств, полученных в ходе других следственных действий, наметить дальнейшие пути использования обнаруженных предметов для расследования. Следует подчеркнуть необходимость пытливого изучения данных предметов и в последующем. Таким образом, важными приемами использования мелких предметов, их частей либо частиц для установления личности преступника либо жертвы является глубокое и всестороннее изучение их следователем, оценка и сопоставление с другими доказательствами. Следственный осмотр этих предметов как на месте обнаружения, так и в камере следователя должен выполняться с применением необходимых научно-технических средств, что позволяет более подробно зафиксировать их свойства и признаки в протоколе осмотра и на фотоснимках. Наконец, такой осмотр позволяет следователю определить возможность и необходимость экспертного исследования этих вещественных доказательств и наметить вопросы, которые следует поставить эксперту. В протоколе осмотра следует зафиксировать: наименование предмета, внешний вид, материал и его качество, форму и размеры, цвет, особенности, надписи, инициалы и т. д. Кроме того, предметы следует сфотографировать по правилам масштабной съемки и фотоснимок приложить к протоколу с соответствующей заверительной надписью следователя на снимке.

§ 3. Установление личности посредством идентификации индивидуально-определенных предметов

Закрепленные процессуальными и криминалистическими способами мелкие предметы в дальнейшем подлежат оперативно-следственной или экспертной идентификации, т. е. должно быть установлено их тождество.

Оперативно-следственная идентификация предметов осуществляется, главным образом, путем собирания у надлежащих лиц сведений о признаках и свойствах названных предметов и последующего предъявления последних этим лицам для опознания. Указанные сведения могут быть получены также путем истребования письменных документов, фотоснимков и др., в которых зафиксированы свойства этих предметов (например, номер часов может быть установлен по паспорту, либо квитанции на сдачу их в ремонт и т. д.) Посредством допроса свидетелей, например, родственников убитого, устанавливается, были ли у него такие предметы, какие обнаружены на месте происшествия. Допрашивая близких, знакомых или соседей убитого, нужно также выяснить, какие вообще предметы были у потерпевшего перед его смертью. Если эти лица допрашиваются по факту исчезновения человека, когда предполагается, что он был убит, то выяснение сведений о всех предметах, в том числе и мелких, будет иметь большое значение для установления личности убитого, когда его труп будет обнаружен. Когда обнаружен труп неизвестного, то он регистрируется по картотеке неопознанных трупов с описанием указанных предметов, фиксируемых в «карте неопознанного трупа». Сами предметы должны быть обязательно сохранены.

Все названные действия следователя направляются на установление того, являются ли найденные на месте происшествия предметы теми самыми, которые принадлежат потерпевшему, либо они таковыми не являются. Когда устанавливается, что таких предметов у потерпевшего не было, нужно выдвинуть и проверить версию о принадлежности их преступнику либо иному лицу. Предполагая, кто мог совершить преступление, следователь путем допроса близких и знакомых этого лица об обстоятельствах дела может собрать подробные данные и о признаках предметов, у него имевшихся. Указанные данные о признаках предметов могут быть получены также в результате обыска или осмотра, например одежды подозреваемого. В целях полноты и объективности расследования необходимо проверить и возможность попадания этих предметов на место происшествия в результате иных причин, например, предметы могли быть занесены участниками осмотра на место происшествия, оказались там не в связи с преступлением.

Установленные таким путем признаки и свойства мелких предметов необходимо сравнивать с признаками и свойствами обнаруженных и приобщенных к делу вещественных доказательств. Такое сравнение производится посредством обычного сопоставления вначале общих признаков — размера, цвета, материала, формы, качества предметов, — после чего сравниваются частные признаки — различные особенности, свойственные данному предмету. При сравнении общих и частных признаков необходимо учитывать возможные изменения как естественного, так и искус-

ственного происхождения. Известны, например, случаи перекрашивания одежды, похищенной у потерпевшего. В таком случае найденные на месте происшествия обрывки будут иного цвета. Важно учитывать и возможные неточности в показаниях свидетелей о свойствах и признаках предметов. Вывод следователя о совпадении или различии общих и частных признаков данных предметов сам по себе еще не может служить доказательством установленного тождества или его отсутствия. Поэтому одним из важных действий следователя по использованию названных предметов для выяснения личности пострадавшего или преступника должно быть собирание фактов, точно устанавливающих или отрицающих тождество, прежде всего, самого предмета, т. е. является ли он тем самым, который был у потерпевшего, обвиняемого (подозреваемого) или у иных лиц, либо он не является таковым. Выяснение данного обстоятельства достигается посредством одного из распространенных способов оперативно-следственной идентификации — предъявления предметов для опознания свидетелям (иногда обвиняемым), которые ранее владели ими либо знают их свойства и признаки, так как видели у кого-то данные предметы. 27 августа 1953 года в балке Должик, расположенной на окраине г. Красный Луч, Ворошиловградской обл., был обнаружен труп гр-на Хованского. Смерть Хованского последовала в результате нанесения 5 колото-резаных ран шеи. Осмотром места происшествия была обнаружена около трупа серая шевиотовая фуражка, с тоненьким козырьком и серой сатиновой подкладкой, несколько засаленной. Около головы трупа находился окровавленный перочинный нож с металлической колодкой. Следователь, описав эти предметы в протоколе осмотра, изъял их и приобщил к делу в качестве вещественных доказательств. Никаких следов, кроме пятен крови, найдено не было. Допросом родственников убитого было установлено, что фуражка и нож ему не принадлежат. В ходе выполнения неотложных следственных действий было установлено, что накануне убийства — 26 августа 1953 г. Хованский находился в шашлычной, где были некие Ефимов, Миронов, он же Чернов, Юшин и Гавришев, распивавшие спиртные напитки. Около 21 часа Хованский и все перечисленные лица ушли из шашлычной. Работники шашлычной показали, что на одном из тех, с которыми ушел Хованский, была серая шевиотовая фуражка. Выяснив данное обстоятельство, следователь путем допроса лиц, хорошо знавших Ефимова, установил, что он имел фуражку, сходную с обнаруженной около трупа. Свидетельница Огородник, близко знакомая Ефимову, сообщила на допросе подробные сведения о всех признаках его фуражки и перочинного ножа. При этом она показала, что хорошо запомнила указанные признаки, так как, будучи с Ефимовым за городом на прогулке, надевала его фуражку, а перочинным ножом очищала и разрезала редис. После допроса гр-ке Огородник, среди других фуражек и перочинных ножей, были предъяв-

лены и обнаруженные около труп фуражка и перочинный нож. Она твердо опознала за принадлежащие Ефимову именно те предметы, которые были найдены около труп. Таким образом, было установлено тождество предметов, что позволило установить и личность убийцы, которым являлся Ефимов¹.

Из рассмотренного примера видно, что установление личности виновного в убийстве было осуществлено посредством идентификации мелких предметов. Здесь установление личности виновного было опосредствованным, как вывод из тождества указанных мелких предметов. В этом и состоит основная особенность установления личности посредством предметов. Установление личности убийцы осуществлено следователем путем построения логического вывода: поскольку бесспорно выяснено, что предметы принадлежат Ефимову, убийцей является Ефимов. Как уже упоминалось, построение подобного вывода возможно лишь в том случае, если следствием несомненно доказано, что данные предметы были у виновного до самого момента совершения преступления. Установление этих обстоятельств крайне важно в целях полноты расследования и исключения возможной ошибки в установлении личности виновного.

26 ноября 1953 года в рабочем поселке Секменовка, Лисичанского района, Ворошиловградской области, в своем доме был убит гр-н Потапенко. Из дома были похищены ценные вещи. На голове трупа имелись глубокие колотые раны с рваными краями. На кровати лежали небольшое долото с деревянной ручкой, сделанное из штыка немецкой винтовки, и топор, имевшие на себе пятна крови. Топор был опознан женой потерпевшего Жуковой как принадлежавший ее покойному мужу. Относительно долота Жукова показала, что у них в доме не имелось такой вещи. Следователь сделал вывод о том, что долото принесено преступником, как орудие совершения преступления, и оставлено им на месте убийства. Следователь наметил в оперативном порядке установить, кому принадлежит долото. На допросе Жукова показала, что долото, возможно, принадлежит гр-ну Величко, проживающему по соседству и работающему в столярной мастерской. Величко на допросе показал, что у него из мастерской 19—20 ноября 1953 г. было похищено долото, которое он сделал из штыка немецкой винтовки. Он сообщил сведения о признаках долота — плоская форма, ручка деревянная, на ней шайбочка, взятая с гребенки для чистки лошадей. Эта шайбочка имела своеобразную форму и дефекты, образовавшиеся при насадке ее на ручку. Сравнив сообщенные признаки с признаками обнаруженного долота, следователь предъявил его гр-ну Величко. Последний твердо опознал свое долото и указал на признаки, сообщенные на допросе. Отождествление предмета в данном случае, конечно, служило основанием для построения версии о том, что преступление мог совершить гр-н Величко. Поскольку он вы-

¹ Архивное дело № 1—264 на суда 1 участка г. Красный Луч Ворошиловградской обл. за 1953 г.

двинул версию о краже у него кем-то долота, ее также нужно было проверить. Следователь подробно допросил Величко об обстоятельствах кражи долота из мастерской. Выяснилось, что в день кражи в мастерскую заходил некий Курпас, проживавший недалеко от Потапенко. Проверка личности Курпас показала, что он является дезорганизатором производства и 22 августа уволен за прогул с завода «Донсода». Проживал он в поселке Секменовка без прописки. Показаниями Жуковой было установлено, что Курпас нередко посещал дом Потапенко, задерживался там долго, рассказывая различные «истории». 26 ноября 1953 г. Курпас выбыл в неизвестном направлении. Органам милиции было дано задание организовать розыск Курпас. 28 ноября 1953 г. он был задержан на ст. Переездная, Лисичанского района, с мешком, в котором находилась мужская и женская одежда. На его пиджаке были явно заметны пятна, сходные с пятнами крови. Курпас признал себя виновным в убийстве, показав, что первые удары Потапенко он нанес долотом, похищенным в мастерской у Величко. Изъятые при нем вещи 30 ноября 1953 года были опознаны Жуковой как принадлежащие ей и ее мужу. В данном случае правильный подход следователя к использованию долота в целях установления личности убийцы позволил быстро раскрыть преступление¹.

Возможна иногда при расследовании убийств идентификация определенных предметов лицами, изготовлявшими их потерпевшему, убийце либо иным лицам, установление которых также важно для следствия. В этом отношении характерно дело об убийстве гр-на Тонконоженко. Труп последнего был обнаружен ночью 18 сентября 1955 г. в г. Ворошиловграде. Смерть наступила в результате нанесения ранения колюще-режущим орудием с лезвием длиной 7 см., шириной 1,9 см. Около трупа был найден нож, имеющий своеобразную форму рукоятки в виде женской ноги. Оперативными мероприятиями было установлено, что подобные ножи делал кустарным образом гр-н Прокопенко. Он на допросе заявил, что действительно делал такие ножи и может опознать каждый из них и вспомнить, для кого именно делал. Среди предъявленных ножей он опознал нож, найденный на месте происшествия, и заявил, что сделал его для гр-на Еременко. Последний был задержан и изобличен вместе со своими соучастниками в убийстве².

Сказанное позволяет рекомендовать отыскивать не только владельцев предметов, но и лиц, которые их изготовляли (портных, сапожников, слесарей и т. д.) либо пользовались ими и потому могут опознать данные предметы, чем помогут установить личность преступника или потерпевшего.

¹ Архивное дело нарсуда 4 участка Лисичанского р-на, Ворошиловградской области по обвинению Курпас П. К.

² Материал представлен следователем прокуратуры г. Ворошиловграда т. Фишман.

§ 4. Установление личности посредством использования предметов с групповыми признаками

Ранее рассмотрены приемы установления личности путем использования предметов — вещественных доказательств, имеющих частные признаки, свойственные только им и индивидуализирующие их. Вполне понятно, что для установления личности потерпевшего или преступника значение таких предметов, несомненно, более велико по сравнению с предметами, имеющими только групповые или общие признаки. Предметы с групповыми (родовыми, видовыми) признаками могут быть использованы для указанных целей путем установления их групповой принадлежности. При этом использование групповой принадлежности мелких предметов в целях установления конкретной личности может иметь место в случаях, когда кроме предметов, обнаруженных на месте происшествия, будут найдены сходные предметы у обвиняемого или у потерпевшего (в квартире, на службе и т. д.) На основе установленной групповой принадлежности можно сделать вывод о том, что найденные на месте происшествия предметы являются однородными, т. е. такими же как и обнаруженные у потерпевшего или преступника. Данный вывод не является, конечно, выводом об индивидуальном тождестве, однако это не должно влечь за собою оценки таких предметов, как второстепенных доказательств для установления личности. Следовательно необходимо помнить, что в общей цепи улик они приобретают определенное доказательственное значение, и следствие и суд, оценивая все доказательства в их совокупности и взаимосвязи, могут сделать достоверный вывод о тождестве.

Рассмотрим конкретный пример использования предметов с групповыми признаками для установления личности преступника. 18 августа 1952 г. в лесу Богатырского лесничества, Акимовского района, Запорожской области был обнаружен труп гр-ки Демидовой. Прокурор района, проводивший осмотр места происшествия, установил, что местом убийства является тот участок, на котором обнаружен труп. На трупе имелись многочисленные колото-резаные раны. Шея была туго стянута бинтом и косынкой кремового цвета. Около убитой лежал окурок папиросы марки «Пушка». Здесь же были найдены 2 кусочка фабричного печенья — полплитки и четверть плитки. В 5 метрах от трупа найдена целая плитка печенья. В 20 метрах — еще 2 кусочка и белый носовой платок с мелкими крошками печенья. Других вещественных доказательств найдено не было. Как предполагал прокурор, печенье было куплено в магазине и завернуто вместо бумаги в платок. Подозрение в совершении убийства пало на гр-на Демидова В. И. (однофамильца убитой). Это подозрение в начале следствия основывалось только на том, что накануне убийства — 17 августа днем — Демидова и Демидов были вместе на праздновании дня урожая (в воскресенье), происходившем в указанном

лесу. Кроме того, Демидов и Демидова ранее находились в интимной связи. Задержанный Демидов категорически отрицал свою вину. Допрошенный заведующий магазином лесничества показал, что Демидов и Демидова заходили утром 17 августа в магазин, где первый выпил 100 граммов вина, купил пачку папирос «Пушка» и 300 гр. печенья, которое завернул в белый носовой платок. Демидов отрицал это обстоятельство и показал, что он на гулянии в лесу выпил 350 гр. водки, а в магазине не пил. Кусочки печенья были предъявлены заведующему магазином для опознания и были им опознаны за то самое печенье, которое имелось в магазине и было продано Демидову. Уличенный рядом доказательств, в том числе и фактом опознания печенья, Демидов признал себя виновным в убийстве.¹

Анализируя приемы использования мелких предметов, применявшиеся по упомянутому делу, необходимо отметить, что в ходе осмотра прокурор изучил признаки найденных мелких предметов с точки зрения установления их наименования, цвета, сорта, качества. Затем он выяснил возможные пути происхождения таких предметов и, наконец, построил частные версии о том, у кого они могли быть.

Важным требованием правильного использования предметов с групповыми признаками является отыскание таких и подобных предметов у подозреваемых, в местах их приобретения или хранения ими либо другими лицами. Вслед за обнаружением при обыске либо выемке однородных мелких предметов, сходных с найденными на месте происшествия, должно производиться предварительное сравнение их общих (групповых) признаков. Однако установленное следователем в этих случаях сходство или различие нельзя рассматривать как утверждение или отрицание групповой принадлежности. Для решения этого вопроса необходимы специальные познания, почему нужно назначить соответствующую экспертизу. В связи с этим следует отметить как недостаток в расследовании дела Демидова то, что не было проведено экспертное исследование найденных мелких вещественных доказательств с целью установления их групповой принадлежности. Так, установление групповой принадлежности кусочков печенья, найденных на месте убийства Демидовой, и образца печенья из магазина требовало назначения технической (пищевой) экспертизы, которая могла дать заключение о составе обоих исследуемых образцов печенья и их однородности или неоднородности.

Следует признать, как правило, нецелесообразным предъявление для опознания мелких предметов с групповыми признаками, поскольку опознание по общим признакам не будет иметь доказательственного значения. Подобные мелкие предметы могут

¹ Архивное дело № 1—238 нарсуда Акимовского р-на Запорожской обл. за 1952 г. по обв. Демидова В. И.

быть самого разнообразного характера, поэтому для установления их групповой принадлежности, как показывает практика, назначаются различные виды экспертизы: судебно-химическая, биологическая, криминалистическая, металлографическая, агротехническая и т. д., в зависимости от характера и качественного состава предметов¹. 10 мая 1954 г. на шоссе Харьков—Киев на велосипеде проезжал гр-н Коваленко. В 16 час. 40 мин. обгонявшая Коваленко на 860 км. грузовая автомашина сбила его, причинив тяжкие телесные повреждения, от которых он, не придя в сознание, скончался. Водитель скрылся, ведя по повышенной скорости автомашину. В ходе розысков была обнаружена автомашина ЗИС-150 № ИР-8-31-98 (бензовоз), закрепленная за водителем Жировым. При осмотрении автомашины на ее кронштейне были найдены волокна серовато-синего цвета, напоминающие волокна ткани одежды. На пострадавшем находилась спецодежда серовато-синего цвета. Следователь Харьковской области отделения дорожной милиции изъясил кронштейн вместе с волокнами и назначил судебно-биологическую экспертизу с целью установления однородности волокон, найденных на кронштейне, и волокон спецодежды гр-на Коваленко. Эксперт пришел к заключению, что частицы ткани (волокна), найденные на кронштейне автомашины ЗИС-150 ИР-8-31-48, и ткань спецодежды Коваленко однородны по характеру волокон (хлопок), цвету ткани (серовато-синий), способу окраски. Данное заключение эксперта позволило следователю сделать вывод о том, что наезд совершил водитель Жиров на указанной автомашине.

Кроме того, на крыле автомашины был найден след трения о резину в виде мельчайших ее частиц. Этот след, как установила судебно-химическая экспертиза, по составу прилипших частиц резины являлся однородным с резиной на ручках руля велосипеда Коваленко.

Установление личности виновного в данном случае основывалось на групповой принадлежности тканей и резины в совокупности с такими данными:

а) судя по путевке, указанная автомашина проезжала 860 км. шоссе Харьков—Киев в то время, когда был совершен наезд на Коваленко.

б) машина прикреплена к водителю Жирову и не выходила из его управления с 8—00 до 18—00,

в) у пострадавших от наездов автотранспорта за 10 дней мая 1954 г. не было такой одежды, какая была на Коваленко,

г) никто из велосипедистов в указанный период не подвергался наезду и поэтому исключалось происхождение пятна резины на крыле автомашины от иных случаев наезда.²

¹ Более подробно этот вопрос будет освещен в другой работе, подготовляемой автором.

² По материалам Харьковского научно-исследовательского института судебной экспертизы.

В том случае, когда определена групповая принадлежность предметов или мелких частиц, вопрос об установлении личности должен решаться с учетом других доказательств по делу. Если имеется только установленная групповая принадлежность мелких предметов и отсутствуют другие доказательства, то она не может служить основанием для категорического утверждения, что именно данному лицу принадлежали эти предметы, поскольку такие же (однородные) предметы могут быть и у лиц, не имеющих отношения к преступлению. Вместе с тем, отсутствие однородных предметов у определенных лиц, которые по версии следователя могли иметь отношение к преступлению, не исключает необходимости проверки данной версии. Таким образом, значение мелких предметов с групповыми признаками для установления личности состоит в том, что они: а) позволяют сузить круг поисков личности, интересующей следственные органы, б) служат косвенными доказательствами, устанавливающими личность.

Понятно, что данное установление личности нельзя считать несомненным, поскольку оно не исключает наличие таких же предметов у других лиц. Поэтому вывод об установлении личности посредством мелких предметов с групповыми признаками может иметь только вероятный характер, хотя бы заключение экспертизы об однородности предметов и было категорическим.

§ 5. Установление личности посредством мелких предметов, идентифицируемых как целое по частям.

Иное положение наблюдается тогда, когда мелкие предметы, обнаруженные на месте происшествия, являются частицами, отчлененными от какого-то предмета в момент совершения преступления против жизни или при его сокрытии: (оторваны, отрезаны, отломлены и т. п.) В таких случаях производится идентификация целого по частям, т. е. устанавливается индивидуальное тождество. При этом вывод о тождестве часто является основанием для вывода и о личности потерпевшего или преступника, а иногда и иных лиц. Так, 2 июля 1954 г. в 22 часа 20 минут на 758 км. автодороги Харьков—Ростов был совершен наезд автомашины на гр-на Гузь С. Д., ремонтировавшего на обочине шоссе прикрепленную к нему грузовую автомашину. Совершивший наезд водитель скрылся, уведя свою машину. Потерпевший скончался. На месте происшествия были обнаружены 64 осколка стекла, которые, по предположению следователя, относились к стеклу лампы фары автомашины марки «ЗИМ». Вскоре в гараже 8 Государственного подшипникового завода была обнаружена автомашина марки «ЗИМ» ЧП-53-48, у которой оказалась разбитой правая фара. В фаре были найдены 29 невыпавших осколков стекла, внешне сходных с обнаруженными на месте происшествия. Установление личности виновного здесь могло быть вначале осуществлено по-

средством отождествления целого по частям (осколки в гараже и на месте происшествия). Криминалистическая экспертиза пришла к следующему заключению:

а) все осколки стекла, изъятые с места происшествия и из гаража, являются частями стандартного стекла-рассеивателя к фарам отечественных автомашин и стекла-рефлектора лампы фары автомашины марки «ЗИМ».

б) ряд осколков с места происшествия и из гаража имеют общую линию разлома и составляли одно целое до расчленения (разлома).

Следователь на основе заключения экспертизы пришел к выводу о том, что смерть гр-ну Гузь причинил водитель автомашины «ЗИМ». Кто же этот водитель? Следствием было установлено, что 2 июля 1954 г. водитель автомашины «ЗИМ» № ЧП—53—48 был выходным и, судя по путевому листу, ее вел за город в район г. Чугуева директор завода Г. Автомашина из под его управления не вышла до 24—00. Вождение ее другими лицами исключалось. Из путевого листа было видно, что данная машина вечером 2 июля 1954 г. проезжала по тому месту, где был найден труп гр-на Гузь. По этому делу установление целого по частям явилось индивидуальной идентификацией, и результаты ее стали основой для вывода о личности виновного¹.

Найденная на месте происшествия часть предмета, составляющая одно целое с мелким или крупным предметом, обнаруженным при обыске у определенного лица, позволяет следователю и суду сделать вывод о тождестве. Здесь имеет место установление индивидуального тождества, как и в случаях использования предметов, имеющих частные признаки. Иногда на месте происшествия обнаруживается ряд мелких частей, отчлененных от крупных предметов. Нередко у виновного находят мелкие части, отчлененные от крупных предметов, имевшихся на месте происшествия. Здесь может быть установлена групповая принадлежность их всех или осуществлена идентификация целого по частям, что оказывает нередко решающее значение для установления личности.

¹ По материалам Харьковского научно-исследовательского института судебной экспертизы.

Доцент А. Н. КОЛЕСНИЧЕНКО

РОЛЬ СЛЕДСТВЕННЫХ ВЕРСИЙ И ПОСТРОЕНИЕ ИХ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Роль и значение версий на предварительном следствии, правила их построения и проверки представляют большую и важную проблему, имеющую отношение одновременно к планированию следствия и к теории доказательств. Данная работа имеет своей задачей осветить некоторые вопросы этой проблемы.

В процессе предварительного следствия должны быть исследованы с необходимой полнотой фактические данные, на основании которых суд мог бы прийти к достоверным выводам по вопросу о том, имело ли место данное деяние, содержит ли оно состав конкретного преступления, кто его совершил, какова степень опасности преступления и преступника, причинен ли преступлением и в каком размере имущественный ущерб (ст. 297 УПК УССР, ст. 320 УПК РСФСР).

Установление данных о расследуемом событии, о лице, совершившем преступление и обстоятельствах, определяющих квалификацию этого преступления, является сложным процессом познания события прошлого, оставившего различные материальные следы и запечатлевшегося в памяти людей. В начале расследования следователь обычно располагает лишь отдельными, иногда недостаточно ясными данными о преступлении. Поэтому следственная деятельность по собиранию необходимых по делу доказательств невозможна без осмысливания, объяснения и оценки имеющихся данных. Всесторонний и глубокий анализ фактических данных, оценка их и построение на этой основе выводов по делу — пронизывают всю работу по расследованию преступлений. Возможные объяснения расследуемого события и обстоятельств его, используемые в целях определения пути раскрытия преступления, называют следственными версиями.

Выяснение роли и значения версий, как вероятных объяснений фактов с точки зрения задач расследования, возможно лишь

при рассмотрении расследования как определенного процесса познания¹.

Одной из форм теоретического мышления, как составной части процесса познания, является гипотеза. О роли и значении гипотез в познании Ф. Энгельс писал: «Наблюдение открывает какой-нибудь новый факт, делающий невозможным прежний способ объяснения фактов, относящихся к той же самой группе. С этого момента возникает потребность в новых способах объяснения, опирающегося сперва только на ограниченное количество фактов и наблюдений. Дальнейший опытный материал приводит к очищению этих гипотез, устраняет одни из них, исправляет другие, пока, наконец, не будет установлен в чистом виде закон. Если бы мы захотели ждать, пока материал будет готов в чистом виде для закона, то это значило бы приостановить до тех пор мыслящее исследование, и уже по одному этому мы никогда не получили бы закона»².

В области науки гипотезы имеют важное значение, указывая вероятные причины изучаемых явлений, их возможные временные и иные связи, и обеспечивая целеустремленность последующих исследований. Дальнейшие научные изыскания направлены к установлению закономерностей изучаемых явлений, превращению гипотезы в научную теорию.

При расследовании преступлений возможно, а часто и необходимо, использовать гипотезы, однако эти последние (называемые версиями) отличаются от гипотез в науке. Следственные версии и научные гипотезы имеют одинаковую логическую природу, но это не значит, что они могут быть отождествлены. Проф. С. А. Голунский совершенно правильно указывает: «Следственная версия бесспорно имеет много общего с научной гипотезой и в то же время отличается от нее рядом специфических особенностей»³.

Процесс мышления, протекающий в форме гипотезы, включает в себя: 1) накопление фактического материала, обобщение которого необходимо для дальнейшего развития знания и открытия новых явлений; 2) высказывание на основе изученных фактов предположений о закономерной их связи и, наконец, 3) дальнейшее обоснование и проверку высказанного предположения, выведение из него следствий, проверку их посредством обнаружения новых фактов⁴.

¹ О познании истины в уголовном процессе см. С. А. Голунский. «Об оценке доказательств в советском уголовном процессе», ж. «Советское государство и право», 1955 г. № 7; М. С. Строгович. «Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе», М., 1955 г.

² Ф. Энгельс. «Диалектика природы», 1952 г., стр. 191.

³ Указанная работа, стр. 76.

⁴ См. П. В. Копнин. «Место и значение гипотезы в познании», ж. «Вопросы философии», 1954, № 4, стр. 49.

Мышление в форме следственной версии, в основном, протекает таким же логическим путем, но имеются различия в содержании этого процесса. Если научные гипотезы строятся при наличии более или менее значительного материала и опираются на имеющиеся достижения науки, то следственные версии выдвигаются при наличии лишь отдельных сведений о преступлении. Общим же является здесь то, что выдвижению как гипотезы так и версии, предшествует всестороннее изучение уже имеющегося фактического материала. В противоположность научным гипотезам, следственные версии не преследуют цели создания научной теории. Однако они обязательно включают в себя предположения о причинах изучаемых фактов, в первую очередь, поскольку речь идет о преступлении, о действиях (или бездействии) конкретных лиц, которые непосредственно или в конечном счете вызвали появление данных фактов, являющихся предметом расследования. При пользовании версиями, как и гипотезами в науке, из предположений делаются выводы и затем проверяются. Но в отличие от проверки научных гипотез, проверка следственных версий ограничена во времени и производится в процессуальной форме в соответствии с нормами Уголовно-процессуального кодекса.

Специфические черты следственной версии позволяют определить ее следующим образом: следственная версия — обоснованное предположение о наличии и обстоятельствах расследуемого события, о действиях конкретных лиц и о наличии в этих действиях состава определенного преступления. Приведенное определение, как и всякое определение, не является, конечно, исчерпывающим, однако оно охватывает наиболее важные моменты, установлению которых подчинены построение и проверка версий.

Выяснение роли следственных версий в раскрытии преступлений требует рассмотрения вопроса о соотношении версий и планирования расследования. Проф. А. А. Пионтковский высказывает сомнение в правильности рассмотрения вопроса о построении версий среди других вопросов планирования, хотя и признает, что выдвижение версий предшествует планированию и его предопределяет. Это сомнение вряд ли является обоснованным. Как отмечалось ранее, мышление в форме гипотезы включает в себя: 1) накопление и изучение фактического материала, 2) высказывание предположений о причинных и иных связях, 3) выведение из них следствий и их проверку. По отношению к расследованию этот взаимосвязанный, и по существу единый процесс сейчас предлагается разделить на две части и первые два момента отнести к версиям, а третий — к планированию. Обосновывая свою точку зрения, проф. А. А. Пионтковский пишет: «Если при построении версий мыслительный процесс следователя идет от установленных уже фактов к тем причинам, которые могли их породить, к предположениям о том, следствием каких действий

они являются, то при планировании следствия мыслительный процесс идет в обратном направлении: из принятых следователем предположений о способе совершения преступления, лице, его совершившем и т. п. делаются конкретные выводы о том, какие еще факты, соответствующие сделанным предположениям, должны были бы иметь место в действительности»¹. С точки зрения логики этот процесс действительно так и протекает, хотя он и не ограничивается лишь индукцией и дедукцией. Но отделение версий от планирования, какими бы оговорками оно ни сопровождалось, все же является, по нашему мнению, необоснованным.

Правильно рассматривать деятельность следователя по планированию как единый процесс. В этом случае термин «планирование» приобретает, конечно, условный, специальный криминалистический смысл. Проф. С. А. Голунский и вслед за ним другие криминалисты, определявшие планирование как наметку обоснованных версий, определение круга вопросов, подлежащих выяснению для проверки версий и необходимых следственных действий, подчеркивали внутреннее единство деятельности следователя, направленной на познание объективной истины в деле.

Следственные версии должны исходить из фактических данных и должны быть обоснованными. Важнейшим источником формирования версий является изучение следователем обстоятельств, имеющих значение для дела. Особенно велико в этом смысле значение осмотра места происшествия, трупа и других объектов. Всесторонний и внимательный осмотр с использованием криминалистической техники позволяет сделать важные для расследования выводы о событии преступления. Тщательный следственный осмотр, глубокий анализ и оценка собранных данных обеспечивают построение обоснованных версий по делу. Приводимый далее пример показывает успешную работу следователя по построению версий.

При осмотре места происшествия по делу об убийстве девятилетней девочки Любы Т. следователь установил, в числе других обстоятельств, следующее. Труп девочки лежал в луже крови в кухне, около умывальной раковины, рядом лежало полотенце. Около трупа был обнаружен слесарный молоток. Печь, расположенная в этой комнате, топилась; вещи находились в шкафу в беспорядке. При осмотре трупа были обнаружены множественные раны головы, ссадины и кровоподтеки на лице. В результате вдумчивого и глубокого изучения обстановки места происшествия, сопоставления и анализа следов, следователь решил, что в момент убийства девочка, вероятно, стояла около раковины и умывалась; орудием убийства мог быть обнаруженный молоток, убийство совершено лицом, знакомым девочке (сама она не могла растопить печь), наконец, убийство совершено с корыстной

¹ «К вопросу о теоретических основах советской криминалистики», сб. «Советская криминалистика на службе следствия», вып. 6, М., 1956 г., стр. 32.

целью. Таким образом, построенная версия имела своим основным содержанием суждение об убийце, как человеке, знакомом семье Т. Эта версия, как показало расследование, соответствовала действительности¹.

Помимо осмотра места происшествия, вещественных доказательств и следов, основанием для построения версий являются данные, получаемые путем допросов, изучения документов и проведения других следственных действий, и в том числе экспертизы.

Наряду с доказательствами, основанием для выдвижения версий могут быть факты, заведомо не находящиеся в причинной связи с данным преступлением. Здесь имеется в виду, во-первых, использование архивных материалов о других раскрытых преступлениях, имеющих сходные черты с расследуемым делом в способах совершения и сокрытия преступления, а также и в других моментах. Изучение таких материалов может помочь следователю построить версию по делу, определить круг лиц, среди которых следует искать преступника; равным образом для этого могут оказаться полезными определенные сведения, которые следователь может почерпнуть из материалов уголовной регистрации.

Проф. М. С. Строгович по этому поводу отмечает: «Как аналогичные, сходные факты, так и факты, характеризующие обвиняемого с отрицательной стороны, по обстоятельствам того или иного уголовного дела могут послужить основанием для построения той или иной гипотезы, т. е. версии, которая определяет направление расследования и должна быть проверена, но они не могут служить самостоятельными доказательствами»².

В связи с рассматриваемым положением может быть приведено следующее дело. В цехе одного из заводов ночью из сейфа, запертого на два замка, были похищены важные документы, которые были получены сотрудницей завода К. накануне и в 10 часов вечера положены в сейф. В начале расследования проверялась версия о том, что хищение совершила К.; версия эта подкреплялась тем, что на замках не было обнаружено следов взлома, ключи от сейфа имелись только у К., и, наконец, она давала путаные показания.

Однако дальнейшая проверка показала иное. Материалы, собранные следователем, дали основания предположить, что кражу могли совершить преступники, имевшие, вероятно, соучастников среди работников цеха, сумевшие искусно изготовить поддельные ключи и открыть ими сейф. Для проверки своего предположения следователь решил установить, кто из работников цеха ранее был осужден за хищения. Путем изучения архивных данных было

¹ Из практики прокуратуры Коминтерновского района гор. Харькова.

² М. С. Строгович. «Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе». М., 1955 г., стр. 377—378.

выяснено, что гр-н Г. был ранее судим за кражу, совершенную посредством специально изготовленных им поддельных ключей. Расследованием было установлено, что кражу вместе с двумя своими соучастниками совершил Г., который использовал поддельные ключи к сейфу.

Равным образом, для построения версий могут быть использованы материалы по другим аналогичным, нераскрытым преступлениям. Особенно велико значение этих материалов для расследования разбоев, убийств, краж, поджогов и некоторых других преступлений. Построение версий с учетом материалов по нескольким нераскрытым преступлениям позволяет избрать правильное направление расследования и способствует раскрытию всех этих преступлений.

Одним из оснований для построения версий являются материалы, полученные в результате оперативно-розыскных мероприятий. Эти данные оказывают помощь в избрании правильного направления расследования. В ряде случаев версии строятся на основании оперативных данных и всей совокупности имеющихся в деле доказательств и материалов об аналогичных раскрытых и нераскрытых преступлениях.

Построению версий предшествует изучение, анализ и оценка имеющихся в деле материалов. В результате этой работы следователю надлежит построить все возможные в данном случае версии. Иными словами, версий нужно построить столько, сколько может быть дано вероятных объяснений расследуемому событию в целом или отдельному факту.

В построении следственных версий важную роль играют теоретические знания следователя в области криминалистики, судебной медицины и других наук, а также его практический опыт. Особенная часть криминалистики дает, в частности, следователю знания о наиболее типичных версиях для дел конкретной категории, указывает возможные исходные данные для их построения. Так, методика расследования хищений государственного и общественного имущества указывает на возможные основания для выдвижения версии о симуляции кражи со взломом. Такими основаниями могут быть негативные обстоятельства, расположение следов взлома с внутренней стороны, чрезмерные разрушения и беспорядок в обстановке, размер пролома и другие. В результате обобщения следственной практики расследования убийств с расчленением трупов установлено, что расчленение, произведенное преступником в целях затруднения опознания личности убитого или в целях сокрытия трупа, в значительном большинстве дел дает основание выдвинуть версию, что убийца был человеком, с которым потерпевшего связывали определенные личные отношения.

При наличии соответствующих материалов в деле, версии, типичные для данного вида преступлений, всегда должны быть учтены и проверены следователем. Построить все версии, объективно

возможные в расследуемом деле, не менее важно, чем их правильно проверить. Выдвижение только одной версии, когда есть основания для нескольких, может явиться причиной серьезных ошибок. Например, при расследовании дела об убийстве семьи Ц. осмотр места происшествия был проведен плохо, в частности, не были исследованы и зафиксированы следы ног, не предпринимались меры к отысканию следов рук и т. д. Результаты осмотра и допросов указывали на то, что убийство, вероятно, совершили лица, хорошо знавшие о наличии в семье Ц. значительных ценностей и место их расположения. Это обстоятельство, в основном, и привело следователя к версии о совершении убийства одним из родственников Ц. Значительное время следствие шло по этой единственной версии, которая, однако, не подтвердилась. Между тем у следователя уже вначале были данные для построения и второй версии. В период, когда было совершено убийство семьи, в их усадьбе работали плотники, братья Г., перестраивавшие флигель во дворе, которые также могли знать о наличии ценностей в семье Ц. Следователь не учел и того, что один из братьев Г. во время расследования этого дела был осужден за другое убийство. Ошибки в производстве первоначальных следственных действий и построении версий привели к прекращению дела за неустановлением виновных¹.

Необходимым условием установления истины по делу является не только выдвижение всех объективно возможных версий, но и правильная их проверка. Все построенные версии должны проверяться параллельно и одновременно; на важность этого положения обращают внимание С. А. Голунский, Т. М. Арзуманян, М. А. Чельцов, П. И. Тарасов-Родионов и другие авторы. Рекомендация Р. Д. Рахунова² вначале проверять наиболее вероятные версии, а расследование в направлении других версий откладывать на более поздний срок, не может быть принята. Параллельная проверка всех версий необходима потому, что все они вероятны и неизвестно, какая из них приведет к истине. Кроме того, проверка версий одной за другой потребовала бы много времени и в ряде случаев была бы безуспешной, так как определенные доказательства могут оказаться утраченными.

Весьма важным для правильности ведения следствия является критическое отношение следователя к проверяемым версиям. Все факты должны рассматриваться следователем во взаимной связи, с точки зрения всех имеющихся версий. Односторонность, «подгонка» материалов к версии, кажущейся следователю единственно правильной, недопустимы.

В этой связи полезно привести следующее указание В. И. Ленина: «Факты, если взять их в их целом, в их связи, не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если

¹ Из практики прокуратуры Харьковской области.

² «Планирование следствия», ж. «Социалистическая законность», 1945, № 9.

они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще хуже»¹.

Проверка построенных версий приводит к тому, что все они, кроме одной, отбрасываются следователем, как несостоятельные, и в дальнейшем исследуется уже только эта одна версия. Возможно и так, что все версии, построенные вначале, отвергаются, затем строятся новые, которые также исключаются, кроме одной, и т. д. Подобная работа идет до тех пор, пока не будет установлена правильность одной из версий, когда она превратится, по убеждению следователя, в достоверное объяснение расследуемого события. Поэтому важно подчеркнуть, что та или иная версия может быть исключена только после того, как проверкой с достоверностью установлена ее несостоятельность. Необоснованное же исключение версий может оказаться вредным для дела, так как именно она может оказаться единственно правильной.

Своевременное и правильное исключение версий имеет значение для расследования, так как суживает объем работы следователя, приближает его к версии, ведущей к раскрытию преступления.

Версии строятся не только вначале следствия, но и в дальнейшем, как только появляются факты, указывающие на возможность нового направления в расследовании дела. К окончанию следствия должна остаться лишь одна версия, и доказательства, положенные в ее обоснование, должны исключать все иные версии и должны свидетельствовать, что следователь пришел к правильным выводам по делу.

Верховный суд СССР в ряде своих определений указывал на необходимость соблюдения правил построения и проверки версий. Например, определение Судебной Коллегии по уголовным делам от 31 января 1951 г. по делу Б. опубликовано под тезисом: «Если в процессе расследования возникает две взаимно исключающие версии, органы расследования обязаны на основе тщательного исследования обстоятельств дела прийти к обоснованному выводу о правильности одной из этих версий»².

Необходимость проверки всех возможных по делу версий подчеркнута определением Судебной Коллегии по уголовным делам от 15 октября 1955 г. по делу Б. и М. в следующем тезисе: «При расследовании и судебном рассмотрении дела должны быть проверены все возникающие по делу версии с тем, чтобы приговор не вызывал сомнений в своей обоснованности».

Краснодарским краевым судом Б. и М. были признаны виновными в том, что они, являясь работниками дорожного ресторана, расхищали стеклянную тару, продавали её, а вырученные деньги присваивали. Рассмотрев дело в порядке надзора по про-

¹ В. И. Ленин, соч. том 23, стр. 266.

² «Судебная практика Верховного суда СССР»; 1951 г., № 5, стр. 12.

тесту Председателя Верховного суда СССР, Судебная Коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР, в частности, отметила: «Принятая органами следствия версия о том, что Б. и М. состояли в преступном сговоре, так же как и версия о том, что они совершили преступление каждый самостоятельно, исходит из того предположения, что работники пивного завода к этим операциям не причастны. Между тем при существовавшем порядке расчетов дорожного ресторана с пивным заводом, Б. и М. как каждый в отдельности, так и по взаимному сговору не могли учинить таких операций с приемными актами и реализовать столь большое количество стеклянной посуды без помощи других лиц. Однако это обстоятельство органами следствия не проверялось»¹. Приговор был отменен Верховным судом СССР и дело передано на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Приведенное дело еще раз подчеркивает необходимость правильного построения и проверки версий при расследовании преступлений.

---

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР», 1956 г., № 1, стр. 30—31.

Кандидат юридических наук В. Е. КОНОВАЛОВА

ТАКТИКА ДОПРОСА В ЦЕЛЯХ ОПОЗНАНИЯ

Тактически правильная организация и проведение отдельных следственных действий способствует успеху расследования по делу и изобличению преступника. В ряду следственных действий, имеющих своим назначением выяснение объективной истины по делу, особое место принадлежит опознанию. То обстоятельство, что опознание сопровождается допросом, нередко способствует определению опознания как разновидности допроса. Авторы, стоящие на такой точке зрения, отвергают сущность опознания как установления тождества личности путем сравнения облика, запечатленного свидетелем, с предъявляемым для опознания лицом.

Опознание основывается на мысленном сравнении примет внешности, воспринятых ранее, с приметами лиц, предъявляемых для опознания. Сущность опознания, как отмечает профессор Познышев, заключается в выводе, в умозаключении, которое опознающий делает из сравнения нескольких, иногда очень сложных факторов, относящихся к области его внутренних переживаний¹.

Акт предъявления личности для опознания тесно связан с допросом, ему предшествующим, и во многих случаях действительность последнего определяет успех опознания. Как акт предъявления личности для опознания, так и предшествующий ему допрос, должны быть тщательно продуманы и подготовлены следователем. Подготовка к допросу заключается в каждом конкретном случае в определении примерного круга вопросов, подлежащих выяснению, и, главным образом, вопросов, позволяющих выяснить

¹ С. Познышев, «Косвенные улики и их назначение при расследовании преступления». Ученые записки ВЮЗИ, вып. IV, М., 1941 г., стр. 253—254. По вопросу о природе опознания см. А. Н. Колесниченко «Предъявление личности для опознания на предварительном следствии», Ученые записки Харьковского юридического института, выпуск 6-ой, 1955 г.

подробно приметы внешности человека, который впоследствии может быть предъявлен для опознания. Характер показаний свидетеля или потерпевшего, данных им ранее на допросе, нередко обуславливают не только правильную оценку этих показаний, но и доказательственную ценность результатов опознания. В этом смысле особенно важно соблюдение правил о наибольшей детализации и конкретизации допроса. Описание примет внешности при допросе в общих фразах, как правило, имеет малое доказательственное значение. Подробное же указание отдельных хорошо запечатленных примет приобретает такую доказательственную ценность, при которой опознание по своей убедительности может быть положено наряду с другими доказательствами в основу обвинения. Полный и детальный допрос является одним из приемов, способствующих устранению возможности ошибки свидетеля при опознании. Уже поэтому приметы внешности преступника должны быть описаны особенно тщательно. Должны быть выяснены и зафиксированы приметы, характеризующие рост, телосложение, черты лица, особые статические и динамические приметы, применительно к схеме «словесного портрета», а также данные о приметах обуви, одежды и т. д.

При постановке свидетелям и потерпевшим вопросов нельзя, однако, употреблять специальные термины «словесного портрета», а следует заменять эти термины общеупотребительными выражениями или сопровождать пояснениями.

Успех допроса в целях опознания и тактически правильная организация акта предъявления личности для опознания определяется знанием и успешным применением следователем основных положений психологии свидетельских показаний. Восприятие, запоминание, воспроизведение и способность выражать свою мысль — элементы, формирующие свидетельские показания и показания обвиняемого, дают в своей совокупности представление о сложном механизме их образования.

Знание этих процессов способствует правильному и наиболее целесообразному построению допроса, выработке тактики допроса.

Умение следователя выбрать определенные тактические приемы допроса свидетеля до опознания или в процессе опознания в большинстве случаев способствует правильному воспроизведению того, что свидетель запечатлел. Правильно избранная тактика помогает в таких случаях следователю получить достоверные показания свидетеля, предотвратить возможные ошибки.

На правильность показаний свидетеля о том или ином факте, помимо объективных условий восприятия, влияет склонность человека к фантазированию. Некоторые лица, реально не воспринимавшие события или предметы, создают в своем воображении представления, не соответствующие действительности, но в действительность которых верят те, кто рассказывает о них. Уяснение и практическое использование данных психологии об указанном

элементе психики чрезвычайно важно для выработки тактики допроса. Так, гр-н Ляшенко, сообщая о произведенном на него разбойном нападении, указывал, что разбойников было человек десять, все они были с ножами и топорами и одеты в длинные белые балахоны, причем белые балахоны были описаны Ляшенко в подробностях. При дальнейшем расследовании было установлено, что преступников было двое, одеты они были в пальто, шел сильный снег и потому пальто были покрыты хлопьями снега. Фантазия Ляшенко наделила воспринимаемые образы несуществующими балахонами. Такое неправильное восприятие стало возможным как в силу объективных причин (снегопад), так и субъективных (сильный испуг). Впоследствии поиски детально описанных балахонов не мало затрудняли расследование¹.

Следователю иногда приходится допрашивать свидетелей, смешивающих в своем изложении элементы фантазии и действительности. В таких случаях задача следователя, проверяющего и оценивающего показания свидетеля, значительно труднее. Здесь приходит на помощь анализ, сопоставление показаний, обнаружение в них противоречий или очевидного несоответствия действительности.

Известно, что изложение воспринятого зависит от способности свидетеля правильно выразить свою мысль. Эта способность у каждого человека глубоко индивидуальна и находится в прямой зависимости от его культурного уровня, от уровня развития его интеллекта, от словарного запаса. Существенное значение при этом имеют выражения, употребляемые следователем при допросе, отдельные фразы, слова, отдельные вопросы, задаваемые следователем.

Изложенное позволяет прийти к выводу, что при оценке достоверности свидетельских показаний следователю необходимо учитывать все факторы, влияющие на правильность восприятия, запечатления, воспроизведения. Эти факторы предопределяют, как уже указывалось, изыскание тактических приемов допроса в целях опознания.

При предъявлении личности для опознания большое значение имеют показания, данные свидетелем или потерпевшим при первоначальном допросе. Как правило, в этих показаниях особенно важны те приметы внешности, по которым возможно опознание. Тактика допроса поэтому должна сводиться к возможно полному выяснению этих примет, запечатленных допрашиваемым.

При избрании наиболее целесообразной тактики допроса свидетеля до опознания необходимо выяснить:

1) условия, в которых свидетель или потерпевший наблюдал преступника,

¹ Из практики прокуратуры гор. Сталино.

2) психическое состояние во время восприятия или после него (испуг, сильное потрясение, волнение, бессознательное состояние и т. д.).

3) общее состояние органов чувств человека (состояние зрения, органов слуха и т. д.).

4) общую способность к конкретному запоминанию (со слов допрашиваемого).

Оценка субъективных (психических и физических) особенностей лица и объективных условий (вечер, мгла, наблюдение в толпе и т. п.) восприятия предопределяет выбор тактических приемов допроса в каждом случае.

Затем следователь должен выяснить у допрашиваемого запечатленные признаки (приметы) внешности, пользуясь данными «словесного портрета», рекомендуемого криминалистикой. Должны быть выяснены и зафиксированы данные относительно роста, фигуры, плечей, шеи, цвета волос, цвета глаз, конфигурации лица, носа, бровей и других признаков внешности, а также признаков одежды. Выясняя отдельные обстоятельства, относящиеся к характеристике внешности обвиняемого, важно вопросы детализировать и конкретизировать, используя возможные иногда у допрашиваемого ассоциации представлений, при определении, например, роста, телосложения, цвета лица, волос и т. д.

Ассоциация представлений, т. е. обусловленная предшествующим опытом связь представлений, благодаря которой одно представление, появившись в сознании, вызывает по сходству другое, — играет видную роль при допросе в целях опознания. Здесь, однако, представляют опасность наводящие вопросы, которые не должны допускаться, как противозаконные и создающие широкую возможность для отклонения от действительности. Следователю важно знать, что свидетель, который иногда с трудом воспроизводит наблюдаемое им (особенно в тех случаях, когда он не воспринял его в деталях), особенно сильно поддается внушению. Поэтому каждый вопрос, содержащий в себе то или иное предположение или утверждение относительно примет одежды и лица преступника, содержит в себе, как правило, и элемент внушения и, следовательно, не способствует выяснению истины. Так, в вопросе, содержащем определенное указание на цвет платья обвиняемой («она была в сером или коричневом платье?»), имеются два утверждения, которые могут приобрести значение внушения либо ограничат воспроизведение свидетеля только двумя перечисленными цветами. Поэтому вопросы, конкретизирующие показания допрашиваемого, должны быть обдуманы, ставиться в доступной пониманию форме и лишены элементов внушения. Следователь должен сосредоточить свое внимание при допросе на выяснении бросающихся, особых примет, которые имеют огромное значение при определении правильности опознания. Поэтому при допросе следует выяснить, не имел ли данный человек каких-либо особых примет, каковы тот или иной физический недостаток — хромота, косогла-

зие, дрожание головы и т. п., либо таких примет, как шрамы, родимые пятна, татуировка, бородавки и др. При этом следовательно, ставя соответствующие вопросы допрашиваемым лицам, должен применять общеупотребительные выражения. Необходимо также в случаях возникшей неясности предлагать уточняющие и дополняющие вопросы, которые он должен предварительно тщательно продумать.

В силу субъективных и объективных причин восприятия то или иное лицо иногда лучше воспринимает и запечатлевает не внешний облик преступника, а его голос. В этих случаях необходимо организовать предъявление для опознания по голосу и особенностям речи. Это является возможным ввиду того, что голос человека и его речь характеризуются такими признаками, как высота, сила, окраска (тембр), диапазон, всевозможные модуляции. Такого рода особенности окраски голоса, как резкий звук, гортанный, глухой, хриплый, певучий также являются индивидуальными признаками, по которым возможно опознание. Кроме того, разговорная речь может характеризоваться своего рода особенностями — каковы заикание, шепелявость, картавость, пришепетывание. И. М. Сеченов, писал «... речь всякого человека представляет какую-нибудь звуковую характерность: один растягивает слова, другой говорит слишком быстро, третий шепелявит, картавит, говорит вместо «ш» — «с» и пр. Когда эти свойства сделались от долгого упражнения привычными, то воля уже не властна изменить их в речи»¹. Опознание по голосу имеет немалое значение особенно тогда, когда опознающий в силу индивидуальных особенностей обладает способностью к хорошему запоминанию и дифференциации звуковой окраски. Допрос в целях опознания в этих случаях должен сводиться к выяснению признаков (примет) голоса или особенностей речи, которые запомнил и отметил допрашиваемый.

При допросе в целях опознания по голосу необходимо точное понимание следователем той терминологии, которая употребляется допрашиваемым для характеристики примет (особенностей) голоса или разговорной речи. Так, при расследовании уголовного дела о покушении на изнасилование гр-ки Л. следователь организовал опознание личности по голосу, предварительно выяснив у потерпевшей приметы голоса преступника. При допросе потерпевшая заявила, что она особенно хорошо запомнила голос преступника, очень низкий и с пришепетыванием. Во время опознания в числе лиц, которые предъявлялись для опознания по голосу, был помещен и подозреваемый. Потерпевшая опознала его по тем же приметам, которые указывала на предварительном допросе².

¹ И. М. Сеченов, Избранные произведения, т. I АН СССР, 1952 г. стр. 251.

² Из практики прокуратуры г. Рубежное Ворошиловградской области.

Организация опознания по голосу описана в криминалистической литературе¹.

Нередко перед следователем стоит задача произвести допрос в целях опознания какой-либо вещи. Сущность допроса в таких случаях заключается в возможно подробном выяснении индивидуальных признаков данной вещи. Следователи при допросах не всегда обращают внимание на исчерпывающее выяснение всех признаков вещи, ограничиваясь выяснением только некоторых из них, в частности цвета и формы. Между тем соблюдение требования об исчерпывающем выяснении признаков вещей, особенно хорошо известных (например, похищенных) имеет большое значение, так как в значительной мере предопределяет доказательственную ценность опознания. В процессе допроса следователь должен выяснить все отличительные признаки вещи (если она была в употреблении, владении допрашиваемого лица) или те признаки, которые были запечатлены допрашиваемым при наблюдении данной вещи в определенных условиях (нож, пистолет, которым угрожали при нападении и т. п.).

По делу Гречихиной, обвиняемой в производстве аборта в антисанитарных условиях, в результате чего наступила смерть гр-ки Черниченко Л., решающее значение в раскрытии преступления сыграло опознание вещей. Труп пострадавшей был расчленен и разбросан в различных местах. Гречихина присвоила вещи и часы Черниченко. В дальнейшем часы были у нее обнаружены и предъявлены для опознания сестре пострадавшей. До предъявления вещей, принадлежавших Черниченко, ее сестра была подробно допрошена о признаках одежды и вещей, находившихся при пострадавшей. Черниченко З. показала, что уходя из дому, ее сестра надела джемпер без рукавов, цвета беж, с синими и красными полосами. Джемпер был поношенный и сверху на плече имелась штопка, сделанная белыми нитками. На левой руке у Черниченко Л. были круглые часы марки «Electa», эмаль циферблата на цифре 11 имела небольшой отлом, часы были на коричневом ремешке, на верхней крышке имелись две потертости.

При предъявлении этих предметов в числе других Черниченко З. их опознала и здесь же указала на штопку белыми нитками, сделанную ею на левом плече джемпера. Предварительный подробный допрос сделал в этом случае опознание особенно убедительным².

В процессе допроса в целях опознания следует осторожно относиться к конкретизации показаний в части описания примет внешности или признаков вещей в тех случаях, когда эта конкре-

¹ См. Г. И. Кочаров, Опознание на предварительном следствии, М. 1955 г.

Г. И. Кочаров, Некоторые вопросы опознания. Советская криминалистика на службе следствия, вып. 7, М. 1956 г.

² Дело 1—74 из архива прокуратуры Октябрьского района, Ворошиловградской области.

тизация не исходит от самого допрашиваемого, а получена следователем в результате постановки соответствующих вопросов. Здесь имеется опасность такой детализации, которая отчасти будет представлять собой восполнение пробелов восприятия и притом восполнение, не соответствующее действительности. Такая детальность и конкретность в описании, разумеется, не принесет пользы, и допрос, произведенный до опознания, по существу, поставит это опознание в рамки, его существенно ограничивающие. Поэтому следует исключительно внимательно и осторожно подходить к описанию внешности при первоначальном допросе, ориентироваться на детальное описание в процессе свободного рассказа, не настаивая на нем в тех случаях, когда допрашиваемый не может припомнить черт внешности или признаков предмета и затрудняется их точно назвать. Механически применять требование конкретизации вредно, так как далеко не всегда человек в состоянии детально воспринять и запомнить приметы внешности или признаки вещи.

Допрос, произведенный до опознания, представляет собой первоначальную стадию опознания — получение материалов, необходимых для последующего производства этого следственного действия. При задержании лица, на которое падает подозрение в совершении преступления, производится непосредственно акт предъявления личности для опознания с соблюдением процессуальных требований. В криминалистической литературе рекомендуется, в целях обеспечения большей достоверности опознания, производить допрос до опознания дважды, — первый раз по заявлении потерпевшего о нападении, и вторично — непосредственно перед предъявлением для опознания¹. Это положение вызывает возражения, как нецелесообразное и по существу ничего не дающее. Действительно, повторный допрос о приметах внешности, произведенный по прошествии определенного периода времени, не может дать положительного результата и обеспечить достоверность предстоящего опознания. Приметы внешности, указываемые при первоначальном допросе заявителя, с течением времени стираются в памяти воспринявшего их. В этом смысле первоначальный допрос обладает известной ценностью, повторный же допрос может при описании дать искаженный образ, дополненный воображением наблюдавшего, который пробелы в восприятии восполняет своей фантазией. Поэтому повторный допрос рекомендовать не следует.

Процесс опознания сводится к узнаванию или неузнаванию среди лиц, предъявленных для опознания, человека, которого видел свидетель. Идентификацию в данном случае производит свидетель, мысленно сравнивая приметы облика, ранее запечатленного, с обликом представшего перед ним человека. Воскрешая в своей памяти запечатленный облик и сопоставляя его с предъяв-

¹ Криминалистика, часть I, 1950 г. (Автор главы Г. Г. Фейгин).

ленным ему лицом, опознающий приходит к определенному выводу о наличии или отсутствии тождества личности. Свой вывод он сообщает следователю, который фиксирует все сказанное в протоколе предъявления личности для опознания, причем фиксируется не только вывод, но и указание на конкретные приметы, сравнение которых привело опознающего к убеждению в тождестве предъявляемого лица. Четко и конкретно сформулированное заявление свидетеля об опознании или неопознании предъявляемого лица представляет определенную доказательственную ценность.

Не имеют доказательственного значения предположительные сообщения свидетелей об опознании предъявленной личности. Верховный Суд СССР указывает, что такие предположительные сообщения, не подкрепленные другими доказательствами, не могут быть положены в основу обвинения. Такие сообщения свидетелей как: «Опознать нападавших не могу, но предположительно по всем признакам пришел к заключению, что это именно нападавшие» не могут быть расцениваемы, как доказательства по делу¹.

Выводы и предположения свидетеля вообще не могут рассматриваться как доказательства, тем более они не имеют значения при предъявлении личности для опознания, где исключается всякая не категорическая, предположительная форма заявления свидетеля.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР неоднократно подчеркивала важность и необходимость уточнений при описании примет внешности лица, предъявляемого для опознания. Так по делу К.², обвинявшегося в изнасиловании, потерпевшая при первом допросе относительно примет внешности преступника показала, что он был одет в пиджак и брюки темносинего цвета; рост его выше среднего, лицо белое, глаза черные, волосы темные. При предъявлении же личности для опознания потерпевшая пояснила, что опознает преступника по росту, по продолговатому и смуглому лицу и по черным глазам. При дальнейших допросах потерпевшая давала разноречивые показания относительно роста преступника, называя его то высоким, то чуть повыше ее (сама она среднего роста). Все это обесценило произведенное опознание.

При опознании опознающий должен указать те конкретные приметы, совокупность которых позволила ему запечатлеть облик человека, предъявляемого впоследствии для опознания. Точное указание на эти приметы при первоначальном допросе явится материалом, с помощью которого осуществляется проверка правильности последующего опознания.

¹ Дело Земнова, «Судебная практика» № 17, стр. 22—23, 1952 г.

² Дело К., «Судебная практика», № 6, стр. 13—14, 1952 г.

Приметы, по которым опознается личность опознаваемого, должны быть зафиксированы; при этом важно выяснить, совокупность каких именно примет или какая примета в частности способствовала опознанию.

Нередко в числе признаков, называемых при допросе в целях опознания, указывают на некоторые особенности одежды подозреваемого лица. Практике расследования известны случаи, когда благодаря наличию таких сведений удавалось задерживать лиц, пытавшихся скрыться, и предъявлять их впоследствии для опознания. Запоминаемые особенности одежды могут и должны быть использованы для опознания, однако признаки, носящие общий характер (белая рубашка, черная куртка, и т. д.), не выражающие отличительных особенностей, сами по себе не могут быть признаны полноценным доказательством. Это следует особенно учитывать в тех случаях, когда никаких примет наблюдавшегося, кроме одежды, потерпевший не заметил. Буюков и Герасименко были признаны виновными в том, что, следуя в поезде, они в ночь на 4 июля 1953 года совершили разбойное нападение на поездного вагонного мастера Уездовского, сняли с него плащ, сапоги, отобрали деньги и полевую сумку с инструментом. Обвинение этих лиц было основано на показаниях Уездовского, который заявил, что опознает их только по одежде, так как Буюков был в майке и без головного убора, а Герасименко — в белой рубашке. Транспортная коллегия Верховного Суда СССР нашла, что такого рода опознание не является убедительным, так как Уездовский в лицо ни одного из обвиняемых не опознал, а указанные им признаки носят случайный характер и не выражают отличительных особенностей обвиняемых¹.

Фиксация показаний при допросе в целях опознания производится по общим правилам, с той особенностью, что приметы внешности записываются общедоступными фразами, словами допрашиваемого с конкретизацией этих примет применительно к схеме «словесного портрета».

¹ Дело Буюкова, «Судебная практика», № 4, стр. 17—18, 1954 год.

Аспирант А. Е. БАЧУРИН

К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ХИЩЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА

Коммунистическая партия и Советское правительство неизменно уделяли и уделяют огромное внимание охране социалистической собственности.

Искоренение хищений требует не только раскрытия уже совершенных преступлений и наказания виновных, но и принятия эффективных мер с целью предупреждения этих преступлений в будущем. Предупреждение преступлений достигается главным образом созданием таких условий и обстановки в работе организаций, учреждений и предприятий, которые в корне исключали бы самую возможность совершения хищений. Работа следственных, прокурорских и судебных органов по предупреждению хищений имеет не менее важное значение, чем борьба с уже совершенными преступлениями.

Хищение государственного и общественного имущества, являясь особо опасным преступлением, наносит материальный ущерб, не всегда возмещаемый в результате судебного рассмотрения дел. Широкое развертывание предупредительных мероприятий, несомненно, может предотвратить причинение материального ущерба государственным и общественным предприятиям, учреждениям и организациям. Однако еще не все работники советской юстиции учитывают всю важность предупреждения хищений социалистического имущества¹. Особенно слабо занимаются предупрежде-

¹ См. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 28 мая 1954 г. № 5 «О судебной практике по применению Указа от 4. 06. 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Приказ Министра Юстиции СССР от 24 мая 1955 г. № 30 «Об улучшении работы судов и органов юстиции по рассмотрению дел о хищении и растратах в государственной торговле, потребительской и промысловой кооперации и возмещению ущерба, нанесенного этими преступлениями».

Приказ Генерального Прокурора СССР от 28 июля 1949 г. № 131 «О введении участковой системы работы следователей» и другие официальные документы

нием хищений органы расследования, которые нередко не уделяют должного внимания выявлению и устранению обстоятельств, способствовавших либо облегчивших совершение преступления. Ввиду этого указанные обстоятельства иногда вновь используются преступниками для совершения хищений. Например, на Харьковском ликероводочном заводе было похищено ценностей на 100 тыс. рублей. Расследованием по делу было установлено отступление от существующих правил выдачи этих ценностей. Заведующий складом готовой продукции самостоятельно выдавал ценности по предъявлению ему доверенности и он же выписывал расходные фактуры. Ввиду недостаточной грамотности, он не обращал внимания на доверенности, которые нередко заполнялись с нарушением некоторых требований (не указывался номер паспорта получателя, имя и отчество его, в пропусках на вывоз ценностей не ставился номер автомашины и т. п.). Дело расследовалось в течение длительного времени, преступники не были установлены, следователь же не принял никаких мер к ликвидации отмеченных организационных недостатков. В дальнейшем на заводе вопрос о выдаче ценностей решал тот же заведующий складом и такие же нарушения имели место при выдаче пропусков на вывоз ценностей. Преступники не замедлили вновь использовать данное обстоятельство и по такой же поддельной доверенности вторично похитили ценностей на 140 тыс. рублей¹.

Неудовлетворительное состояние работы по предупреждению хищений в значительной мере объясняется тем, что методика этой работы еще не нашла должного освещения. В юридической литературе отмечалось, что эта методика имеет важное значение и поэтому должна занять надлежащее место в советской криминалистике². Однако для реализации этих предложений сделано еще очень мало, хотя многие авторы и относят предупреждение преступлений к предмету науки советской криминалистики³.

Улучшение работы следственных органов по предупреждению хищений во многом зависит от качества подготовки юридических кадров. В печати правильно отмечалось, что студенты юридических вузов не получают достаточных знаний в области методики

¹ По материалам Харьковского научно-исследовательского института судебной экспертизы.

² См. Г. Александров. Совершенствование методов расследования преступлений — в центр внимания советской криминалистики. Жур. «Социалистическая законность» № 2, 1948 г., стр. 7—8.

В. П. Колмаков. За единство развития криминалистической техники и методики расследования преступлений. Жур. «Социалистическая законность» № 7, 1948 г., стр. 53.

³ см. А. И. Винберг. Предмет и метод советской криминалистики. «Криминалистика», часть I, М. 1950 г., стр. 4.

С. П. Митричев. Основные теоретические вопросы советской криминалистики. Диссертация, М., 1954 г., стр. 94, 107—108.

П. И. Тарасов-Родионов. Советская криминалистика. Жур. «Социалистическая законность» № 7, 1951 г., стр. 6—15

Н. В. Терзиев. Лекции по криминалистике. М., 1951 г., стр. 6.

предупреждения преступности¹. В особенной части курса криминалистики (частной методике) приемы профилактической работы следственно-прокурорских работников только упоминаются, требование же о том, чтобы эта методика стала одним из разделов курса советской криминалистики, не реализовано. Неудивительно поэтому, что многие следователи не знают, в чем заключается практическая деятельность по предупреждению преступлений. Между тем именно в частной методике, особенно при определении обстоятельств, подлежащих исследованию в уголовном деле, должны содержаться конкретные положения о путях предупреждения преступлений, о приемах выявления и устранения обстоятельств, способствовавших преступлению. В этой связи следует подчеркнуть, что выявление обстоятельств, способствующих совершению преступлений, советские процессуалисты² рекомендуют включать в пределы исследования по делу.

Выявление этих обстоятельств позволит принять безотлагательные меры к их устранению. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 28 мая 1954 г. прямо обязывает органы расследования и суда выявлять и принимать меры к устранению названных обстоятельств по делам о хищениях. Генеральный Прокурор СССР требует по каждому делу выяснять причины, способствующие совершению хищений и растрат, методы совершения этих преступлений и принимать меры к предупреждению их путем внесения соответствующих представлений местным руководящим органам и вышестоящим организациям. Поэтому нельзя согласиться с Е. А. Долицким, который считает факультативной работу следователя по выявлению обстоятельств, способствующих хищениям.³

Сказанное позволяет признать, что назрела необходимость разработки методики предупреждения хищений государственного и общественного имущества. Разработка эта должна, по нашему мнению, идти в двух следующих основных направлениях:

1. Разработка общих методов предупреждения хищений, со-

---

¹ См. Г. Александров. Совершенствование методов расследования преступлений — в центр внимания советской криминалистики. Жур. «Социалистическая законность» № 2, 1948 г., стр. 8.

² М. С. Строгович. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955 г., стр. 281—282.

М. М. Гродзинский. Учение о доказательствах. «Настольная книга следователя», М., 1949 г., стр. 129—130;

М. М. Гродзинский. Доказательства в советском уголовном процессе. «Государственный обвинитель в советском суде», М., 1954 г., стр. 20—21.

М. Л. Шифман. Основные вопросы советского доказательственного права, издание МГУ, 1956 г., стр. 4—5.

Г. М. Миньковский. Пределы доказывания в советском уголовном процессе, М., 1956 г., стр. 84—87.

³ Е. А. Долицкий. Меры предупреждения хищений государственного и общественного имущества. Жур. «Социалистическая законность» № 5, 1952 г., стр. 15.

вершаемых в различных отраслях народного хозяйства или государственного управления.

2. Разработка частных методов предупреждения хищений, совершаемых в определенной отрасли народного хозяйства или государственного управления.

В основу разработки общих методов предупреждения хищений должно быть, прежде всего, положено обобщение материалов следственной и судебной практики. Это обобщение показывает, что к обстоятельствам, способствующим хищениям и наиболее часто встречающимся в различных отраслях народного хозяйства и государственного управления, относятся следующие:

1. Нарушение установленного порядка подбора и расстановки кадров, что приводит к проникновению на материально-ответственные должности и в счетно-бухгалтерский аппарат лиц, не заслуживающих доверия, ранее судимых за хищения.

2. Недостатки учета, отчетности и оформления документов по движению товаро-материальных ценностей и денег, в частности несоблюдение правил заполнения денежных документов, приема и сдачи имущества, небрежное выполнение подписей получателей.

3. Неудовлетворительное состояние хранилищ, в которые нередко без особых усилий может проникнуть взломщик (отсутствие надлежащих запирающих механизмов, решеток, тонкие стены и потолки и т. п.).

4. Неудовлетворительное состояние сторожевой охраны (нерациональное распределение постов, физическая непригодность сторожей и т. д.); отступления от установленных правил пропускной системы.

5. Недостатки контрольно-ревизионной работы, нередко проводимой формально, поверхностно, с нарушением установленных правил.

Приведенные обстоятельства являются наиболее общими, могущими способствовать совершению хищений в различных отраслях народного хозяйства и управления. Это можно проследить, например, на недостатках контрольно-ревизионной работы. Эти недостатки облегчают совершение систематических и длительное время не вскрываемых хищений в ряде предприятий и организаций, хотя там и проводились ревизии и инвентаризации.

В системе Даугавпилсского маслотреста Латвийской ССР внезапные ревизии были редким явлением, а комплексных ревизий совсем не было. При производстве ревизий первичная документация и бухгалтерский учет не подвергались тщательной проверке. Между тем на предприятиях треста учет был в запущенном состоянии, запутан был и аналитический учет по расчетам с молокодатчиками. Совершенно отсутствовал контроль за работой заведующих приемными и сепараторными пунктами по приему молока и выплате за него денег. Отчеты заведующих сепараторными пунктами принимались без проверок. Расчетные книжки молоко-

сдатчиков ни разу не были проверены, не контролировалось соблюдение правил определения жирности и количества сданного молока. Пользуясь этим, заведующие сепараторными пунктами приписывали количество сданного молока и за счет приписки расхищали деньги. Только по одному Даугавпилсскому молочному заводу в 1956 г. была выявлена приписка молока в количестве 94.622 базисных литров на 110.381 руб. Бесконтрольность работы молочных заводов со стороны названного треста и Министерства промышленности мясных и молочных продуктов Латвийской ССР позволяла преступникам создавать неучтенные излишки жиров с целью последующего их хищения.

В некоторых случаях ревизоры, нарушая свой служебный долг, вступают в преступные сделки с расхитителями, покровительствуют им и укрывают их от разоблачения. За последние годы органами прокуратуры вскрыто немало фактов, устанавливающих преступные связи ревизоров с расхитителями государственного имущества. Так по делу быв. заведующей магазином № 51 Балашихинского торгового Борозденко прокуратура Московской области установила, что растрата в сумме 138 тыс. рублей у нее образовалась на протяжении 1949—1955 гг. За указанный период в магазине были проведены 34 ревизии. В феврале 1955 г. инвентаризаторы Нестерова и Рыжкова скрыли недостачу по магазину путем приписки остатков товаров, получив за это от Борозденко взятку. В мае 1955 года недостачу у Борозденко скрыла инвентаризатор Боданова. По этому делу были привлечены к уголовной ответственности 8 человек, производивших инвентаризацию.

Нередко работники бухгалтерии и руководители учреждений и организаций не осуществляют должный контроль за движением ценностей. Так, работникам Воловской райконторы «Заготскот», Липецкой области, Голубятникову, Воробьеву и другим, расхитившим на протяжении двух лет скот с базы, способствовали старший бухгалтер названной конторы Росляков и уполномоченный Министерства заготовок по Воловскому району. Первый скрывал недостачу крупного рогатого скота в сличительных ведомостях и проводил по учету фиктивные гуртовые ведомости, второй не контролировал ход заготовок, наличие и сохранность заготовленного скота. Пользуясь бесконтрольностью, преступники расхитили скот с базы на общую сумму 64 тыс. рублей¹.

Наблюдаются и такие факты, как прием бухгалтерией от подотчетных лиц не только сомнительных, но и явно поддельных документов. Счетовод колхоза «Красный садовод» Больше-Троицкого района Белгородской области Бочарникова, вместо контроля за правильным расходованием общественных средств, незаконно списывала по бухгалтерскому учету подотчетные суммы на осно-

¹ Дело № 26 по обвинению Воробьева, Голубятникова, Рослякова и других. Из практики прокуратуры Курской области.

вании фиктивных документов. Таким путем она способствовала сокрытию присвоенных преступниками денег в сумме 66.825 руб.¹

Поскольку указанные обстоятельства, способствующие хищениям, имеют место в различных отраслях народного хозяйства и государственного управления и носят, таким образом, общий характер, то общими являются и методы их выявления и устранения. Методика расследования хищений должна рекомендовать работникам расследования обязательно включать в план следствия по каждому делу выявление и устранение обстоятельств, способствующих хищениям.

При этом выявление обстоятельств, способствующих хищениям, должно ограничиваться рамками данного расследуемого дела. Следователь не должен превращаться в обследователя деятельности предприятия или учреждения с целью выявления всех изъянов и недостатков в их работе, так как в этом случае он уйдет в сторону от своей прямой задачи. В данном вопросе прав Е. А. Долицкий, указывающий, что следователь должен исследовать лишь те обстоятельства, которые непосредственно способствовали совершению данного хищения².

При разработке общих методов предупреждения хищений должны быть указаны определенные особенности производства следственных действий, требуемых для выявления отмеченных обстоятельств.

Обстоятельства, способствующие хищениям, должны выявляться не только следственным, но и оперативным путем³. Сюда в частности, относится получение данных о том, что то или иное лицо, допущенное к материальным ценностям, в прошлом привлекалось к уголовной ответственности за хищение или не внушает доверия ввиду его связи с преступными элементами; получение информации о готовящемся хищении и т. п.

Выявление этих обстоятельств путем обобщения следственной и судебной практики предполагает изучение определенной категории дел о хищениях по способу и месту их совершения, а также по лицам, совершившим хищения, что позволит провести затем предупредительные мероприятия.

В числе других общих методов предупреждения хищений должно быть уделено внимание разработке технических приемов предупреждения хищений (средства защиты документов, средства автоматической сигнализации о проникновении посторонних лиц в хранилище, надежные запирающие механизмы и предохранительные средства в виде пломб и т. п.)

¹ По материалам прокуратуры Курской области.

² Е. А. Долицкий. Меры предупреждения хищений государственного и общественного имущества. Жур. «Социалистическая законность» № 5, 1952 г., стр. 15.

³ Здесь не освещаются методы выявления этих обстоятельств путем общего надзора и в процессе судебного разбирательства, требующие специального рассмотрения.

Что касается частных методов предупреждения хищений, то они должны разрабатываться применительно к отдельным отраслям народного хозяйства и государственного управления. Изучение материалов следственной и судебной практики показывает, что в различных отраслях народного хозяйства и государственного управления встречаются свои специфические обстоятельства, способствующие хищениям. Таковы, в частности, недостатки организационного и технического характера в выполняемых операциях по приему и выдаче имущества, товаров и денег, в охране их, в учете и контроле за движением ценностей, в оформлении документов.

Например, в торговой сети преступники, пользуясь отсутствием количественного учета товаров, умышленно допускают пересортицу, совершают фиктивные суммарные списания, что позволяет им совершать хищение. Так, на протяжении 1952 — 1955 гг. заведующие продовольственными магазинами г. Курска — Юркова, Щекина, Чичерина и другие выдавали экспедиторам Курского Горпищеторга Коноровой, Макееву и Боряк, вместо выписанной по некоторым накладным винно-водочной посуды, наличные деньги, которые последними присваивались. В свою очередь экспедиторы вступили в преступную связь с заведующим складом Курского завода безалкогольных напитков Фридманом, который, не получая посуды, оформлял фиктивный прием ее по этим накладным. Пользуясь запущенностью учета на заводе, Фридман списывал непринятую им посуду на бой. Таким путем преступники похитили 86 тыс. рублей¹.

В промышленности встречаются случаи использования преступниками завышенных против фактического расхода норм для изготовления промышленных изделий и расхищения образовавшихся в результате этого остатков материальных ценностей. На фабрике «Спортивный» № 2 гор. Москвы закройщики, используя завышенные нормы расхода кожи на изготовление различных кожаных изделий, создавали в процессе раскроя экономию кожи (шеврета, хрома и других сортов). Получаемая экономия начальником закройного цеха скрывалась от учета (не отражалась в раскройных картах). Таким путем преступниками было похищено 300 тыс. дц. кожи².

В колхозах встречаются случаи использования преступниками недостатков в контроле и учете зерна в период его обработки. В Тукумском районе Латвийской ССР в целях ускорения процесса сушки зерна были установлены машинно-тракторными станциями для колхозов дополнительные зерносушилки у приемных пунктов «Заготзерно». Эти зерносушилки обслуживались самими колхо-

¹ Дело № 10—67 сл. по обвинению Конорова, Макеева, Боряк и других. Из практики прокуратуры Курской обл.

² Сообщение народного следователя прокуратуры Коминтерновского р-на гор. Москвы А. Г. Романовой. «Работа лучших следователей», Сборник 4, М., 1954 г., стр. 76—83.

вами. Ни МТС, которой принадлежали зерносушилки, ни «Заготзерно», на чьей территории происходила обработка зерна, ни сами колхозы не осуществляли никакого контроля за количеством зерна, сдаваемого на просушку. Влажность зерна перед сушкой никем не определялась. Таким образом, проверить процесс усушки не представлялось возможным. Никем не контролируемый процесс сушки создавал условия для расхищения зерна. Этим воспользовались заместитель председателя колхоза «Бривива» Фрейманис и колхозник Кранцманис, работавшие на одной из таких сушилок. Совместно с некоторыми шоферами, перевозившими зерно на заготовительные пункты, они похитили более 800 кг. колхозного хлеба¹.

При разработке методики расследования хищений в отдельных отраслях народного хозяйства и государственного управления необходимо рекомендовать следователям глубокое изучение порядка учета, движения и охраны имущества и особенностей выполняемых операций. При этом важно указать определенные приемы и методы выявления обстоятельств, способствующих хищениям. Кроме того, в основу разработки частных методов предупреждения хищений в той или иной отдельной отрасли народного хозяйства должен быть положен, в числе других моментов, также и анализ тех способов совершения и сокрытия хищений, которые нередко обуславливаются спецификой структуры предприятия, учреждения или организации, форм учета, отчетности, оформления документов и т. д.

Методика предупреждения хищений не ограничивается только приемами выявления рассмотренных обстоятельств, но должна также охватывать меры активного их устранения. Такими мерами должны быть привлечение к ответственности лиц, действия или бездействие которых способствовало хищениям, а также внесение представлений в соответствующие организации об устранении обстоятельств, способствовавших совершению хищений. Как направление постановления о привлечении к дисциплинарной ответственности, так и внесение соответствующих представлений производится следователем через прокурора. Но, наряду с этим, должны быть указаны и такие меры, которые может незамедлительно принять следователь по своей инициативе. Выявив обстоятельства, способствующие хищениям, он может, например, здесь же ознакомить с этими обстоятельствами руководителей предприятий, учреждений или организаций для немедленного принятия соответствующих мер. Так, работниками расследования было установлено, что воры с целью хищения прятались в магазине перед его закрытием, а утром, после открытия магазина, смешиваясь с покупателями, выходили с похищенным товаром. Немедленно были ознакомлены все директора магазинов с такой уловкой пре-

¹ М. Р. Мейр и т. е. Розыск похищенного — важная обязанность следователя. «Следственная практика». Выпуск 16, М., 1953 г., стр. 93—98.

ступников, и работникам торговых предприятий было рекомендовано производить тщательную проверку всех помещений магазинов перед их закрытием. После этого такой способ хищения больше не встречался.

Детально разработанные общие и частные методы предупреждения хищений могут стать одним из действенных средств искоренения этих преступлений. После такой разработки можно было бы включить в курс криминалистики раздел об общих и частных методах предупреждения хищений, что позволило бы повысить уровень подготовки юристов в деле предупреждения хищений. Работа следственных, прокурорских и судебных органов по предупреждению хищений государственного и общественного имущества может дать положительные результаты только тогда, когда будет разработана научная методика ее проведения, когда работа по предупреждению этих хищений станет систематической, плановой и будет иметь место от начала расследования вплоть до разрешения дела в суде. Научная разработка методики предупреждения хищений, несомненно, позволит улучшить профилактическую работу, а это, в свою очередь, будет способствовать дальнейшему укреплению социалистической законности.

Аспирант В. Ф. ГУЩИН

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О ХИЩЕНИИ ЗЕРНА И ЗЕРНОПРОДУКТОВ В КОЛХОЗАХ И СОВХОЗАХ

Коммунистическая партия и Советское правительство проводят важнейшие мероприятия по крутому подъему всех отраслей сельского хозяйства и особенно зернового хозяйства. В связи с этим приобретает чрезвычайно важное значение борьба со всем тем, что мешает осуществлению указанной задачи и, в том числе, неуклонная борьба с расхищением зерна и зернопродуктов.

Основные задачи, стоящие перед следователем¹ при расследовании хищений зерна и зернопродуктов, заключаются в том, чтобы раскрыть каждый случай такого хищения; полно, всесторонне и объективно исследовать дело; выявить, изобличить и привлечь к ответственности всех виновных; обеспечить возмещение материального ущерба, причиненного преступлением, и принять профилактические меры по предупреждению дальнейших хищений зерна и зернопродуктов.

1. Изучение следственной практики показывает, что органы расследования и прокуратуры не всегда своевременно принимают меры к раскрытию хищений зерна и зернопродуктов. Как правило, эти хищения имеют место там, где процветает самоуспокоенность и ротозейство, не налажены точный учет, отчетность и контроль за движением зерна и зернопродуктов, и там, где общественные организации не мобилизуют трудящихся на борьбу с расхитителями, не создают обстановки, в которой оказались бы невозможными даже самые незначительные кражи и растраты зерна и зернопродуктов, а попытки к хищению немедленно пресекались.

¹ «Следователь» здесь, как и в дальнейшем, обозначает всех лиц, производящих предварительное расследование.

Успешное раскрытие всех случаев хищения зерна и зернопродуктов и изобличение всех виновных может быть достигнуто лишь при надлежащей инициативности и оперативности следователя и при условии овладения им научными приемами и методами расследования уголовных дел. Поэтому медлительность и неоперативность следователя, его неумение распознавать и вскрывать различные способы хищений является весьма существенным недостатком расследования дел данной категории. Необходимо отметить, что, начиная расследование присвоения и растраты зерна и зернопродуктов, следователь, по общему правилу, знает лицо, в ведении которого находилось похищенное зерно и зернопродукты, почему основной задачей расследования является установление наличия хищения и его размеров, раскрытие тех приемов, какими пользовался преступник, и собирание доказательств, его уличающих. Если же имела место кража зерна и зернопродуктов, то расследование начинается с исследования самого факта кражи и следов, оставленных при ее совершении, почему основной задачей следователя в данном случае, как правило, является установление лиц, совершивших кражу.

Изобличение виновных по делам о хищении зерна и зернопродуктов связано иногда с трудностями, в частности, при смене материально-ответственных лиц (заведующих током, зерносушилками, кладовыми, складами), особенно, когда при этом не производилось сплошное перевешивание зерна и зернопродуктов. В этих случаях немаловажное значение для выявления виновных имеет установление времени, за которое образовалась недостача. Поскольку растраты зерна чаще всего совершаются систематически при проведении определенных сельско-хозяйственных работ (подготовка семян к севу, период сева, уборка зерновых, доставка зерна на пункты «Заготзерно», в склады и кладовые) или иных хозяйственных операций, когда имеется наибольшее движение зерна, то не всегда можно установить точное время совершения растраты; однако это не исключает возможности установить период, в течение которого совершена растрата. Установление данного обстоятельства поможет следователю выяснить, кто был ответственным за растратенное зерно в данный период, определить круг лиц, которые могли совершить хищение в форме растраты или способствовать его совершению, и кто должен нести за него ответственность.

Материально-ответственные лица при совершении хищений нередко имеют соучастников, выявление которых иногда затруднительно. Трудности эти состоят в том, что разоблаченные расхитители нередко скрывают своих соучастников с целью сокрытия действительных обстоятельств преступления и для смягчения наказания, а также по другим мотивам. В частности, преступники рассчитывают, что соучастники, боясь разоблачения своей роли в хищении и выступая в качестве свидетелей, дадут желательные обвиняемому показания. Соучастниками расхитителей зерна

и зернопродуктов чаще всего являются возчики, шоферы, заведующие током, заведующие кладовыми, счетно-бугалтерские работники, а иногда и руководители колхозов, управляющие и агрономы отделений совхозов, а также члены ревизионных комиссий. При выявлении соучастников преступления важное значение имеет изучение документов, уяснение взаимоотношений обвиняемого с должностными и материально-ответственными лицами, установление круга его знакомых, родственников и т. д.

Полное, всестороннее и объективное исследование дел о хищении зерна и зернопродуктов определяется нормами уголовно-правовыми (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», ст. ст. 42, 43, 44 УК УССР, ст. ст. 45, 47, 48 УК РСФСР) и нормами процессуальными, регулиующими порядок доказывания на предварительном расследовании, установление пределов исследования дела (ст. ст. 58, 109, 110, 127, 200, 203, 235, 238, 297, УПК УССР, ст. ст. 58, 112, 113, 129, 206, 207, 253, 257, 320 УПК РСФСР). При разрешении указанной задачи по делам о хищении зерна и зернопродуктов состав преступления и предмет доказывания не имеют какой-либо своей специфики и поэтому здесь применяются общие положения уголовного и уголовно-процессуального права, которые относятся ко всем вообще уголовным делам. Однако, при определении круга обстоятельств, подлежащих выяснению, в зависимости от форм и способов совершения и сокрытия преступления и периодов проведения определенных сельско-хозяйственных работ, эти обстоятельства имеют свои особенности, которые подлежат специальному рассмотрению.

2. Одной из основных задач расследования дел о хищении зерна и зернопродуктов в колхозах и совхозах является принятие мер по возмещению материального ущерба, причиненного хищением, и обеспечение возможной конфискации имущества обвиняемого¹. Возмещение материального ущерба, причиненного хищением, может быть осуществлено путем возврата колхозу или совхозу похищенного обвиняемым зерна или зернопродуктов либо путем возмещения их стоимости, если они реализованы обвиняемым или не обнаружены следственными органами. В первом случае зерно и зернопродукты, как добытые преступным путем, подлежат возврату колхозу или совхозу независимо от того, имеется ли соответствующее заявление (ст. 306 УПК УССР, ст. 331 УПК РСФСР). Возмещение материального ущерба производится согласно ст. 15 УПК УССР (ст. 14 УПК РСФСР) путем предъявления притязания колхозом или директором совхоза гражданского иска к обвиняемому. В соответствии со ст. 118 УПК УССР (ст. 121 УПК РСФСР) следователь вправе как по

¹ См. Н. А. Якубович. Работа следователя по возмещению материального ущерба и розыска похищенного имущества. М., 1954 г.

ходатайству гражданского истца, так и по собственной инициативе принять меры обеспечения гражданского иска, если признает, что непринятие этих мер может лишить гражданского истца возможности получить возмещение понесенного ущерба. Следователь вправе принять меры по обеспечению гражданского иска и до его предъявления, чем предотвращает возможность сокрытия или реализации имущества, за счет которого будет возмещен причиненный ущерб. Следователь должен наложить арест на имущество немедленно после привлечения лица в качестве обвиняемого или одновременно с применением меры пресечения¹.

В целях реального возмещения материального ущерба, причиненного преступлением, следователь обязан активно разыскивать похищенное зерно или зернопродукты и изымать его независимо от того, у кого и где оно будет обнаружено. Он обязан установить все возможные источники возмещения причиненного ущерба — имущество, ценности, денежные сбережения преступников, членов их семей и других лиц, пользовавшихся средствами, полученными от хищения, и путем наложения ареста обеспечить сохранность обнаруженного имущества до вынесения приговора и обращения его к исполнению. Преступники используют самые разнообразные способы для сокрытия похищенного зерна, а также своего имущества, которое может быть изъято для возмещения причиненного ими материального ущерба. Так, в колхозе имени Молотова сторож тока Куриленко прятал похищенное с тока зерно как на току, так и на значительном расстоянии от него. При тщательном осмотре тока следователь обнаружил две замаскированные ямы, в которых оказалось 684 кг зерна. При осмотре местности вокруг тока удалось обнаружить два мешка с пшеницей на подсолнечном поле в 300 м. от тока, а в лесозащитной полосе в 1100 м. от тока было найдено шесть ям, из которых изъято 538 кг зерна. Зерно в ямах было тщательно замаскировано землей и спиленными ветками².

Наряду с принятием мер по обеспечению гражданского иска, следователь обязан собрать доказательства, необходимые для установления основания и размеров иска. Равным образом обязан следователь обеспечить возможную в последующем конфискацию имущества осужденного.

3. Важнейшей задачей расследования является также глубокое и серьезное изучение способствующих хищению зерна и зернопродуктов причин и условий для их устранения, иначе говоря, принятие профилактических мер по предупреждению преступлений.

¹ См. С. А. Альперт. Некоторые вопросы гражданского иска в советском уголовном процессе. Ученые записки Харьковского юридического института, 1955 г., выпуск 6, стр. 29—41.

² Д. А. Атчиков. Борьба с хищением социалистической собственности. «Работа лучших следователей», сборник третий, М., 1953 года, стр. 68—71.

Изучение ряда дел данной категории и обобщение практики их расследования показывает, что обстоятельствами, способствующими хищениям, являются:

- а) Допуск на материально-ответственные должности не внушающих доверия лиц без надлежащей их проверки;
- б) Запущенность и неудовлетворительное состояние учета зерна, особенно при уборке урожая;
- в) Недостатки в оформлении документации, в частности, распоряжений правлений колхозов на отпуск зерна и зернопродуктов, а также отсутствие учета бланков накладных и путевок на отпуск зерна и зернопродуктов для отправки с полевого тока и зерносушилок;
- г) Неудовлетворительное состояние охраны зерна;
- д) Неудовлетворительная работа ревизионных комиссий колхозов и контрольно-ревизионного аппарата машинно-тракторных станций, треста совхозов и районных отделов сельского хозяйства;
- е) Неудовлетворительное состояние хранилищ.

Одной из причин, способствующих хищению зерна и зернопродуктов в колхозах и совхозах, является недопустимое отношение некоторых правлений колхозов и директоров совхозов к допуску на материально-ответственные должности не внушающих доверия лиц без надлежащей их проверки. Руководители некоторых колхозов и совхозов мало уделяют внимания подбору кадров по политическим и деловым качествам, правильной расстановке этих кадров, их воспитанию и контролю за их работой. Иногда на должности кладовщиков, весовщиков, заведующих током и заведующих зерносушилками проникают люди, которые не прочь поживиться за счет труда честных работников сельского хозяйства. Они используют в своих преступных целях имеющиеся недостатки в работе и умышленно создают условия, способствующие хищениям, в частности, создают различными способами излишки зерна для последующего его хищения, фальсифицируют документы в целях создания излишков зерна или покрытия недостач по зерну. Так, в одном колхозе на должность кладовщика был назначен Агрызков, который систематически на протяжении 1951 — 1952 гг. расхищал колхозное зерно. Для создания резерва зерна с целью последующего его хищения Агрызков выписал фиктивную накладную на отправку в склад «Заготзерно» 3200 кг озимой пшеницы и в этой накладной в графе «принял» подделал подпись заведующего складом «Заготзерно» Кузнецова. Кроме того, Агрызков поступавшее с токов зерно принимал без взвешивания и приходовал его неполностью. Затем полученные таким образом излишки он продавал колхозникам и другим лицам. В результате его преступной деятельности образовалась по кладовой недостача 3533 кг озимой пшеницы и 1130 кг яровой пшеницы, а также

излишки 600 кг ржи. Преступник был привлечен к уголовной ответственности и осужден.¹

Одной из причин, создающих благоприятные условия для хищения зерна и зернопродуктов в некоторых колхозах и совхозах, является также неудовлетворительное состояние учета и контроля. Запущенность учета в кладовой, в складе, на полевом токе, в зерносушилках и т. д. не только способствует хищению зерна и зернопродуктов, но и в значительной мере осложняет раскрытие этих преступлений. Иногда должностные лица умышленно запутывают учет зерна и зернопродуктов, дают указания не приходовать часть поступающего зерна, не контролируют работу материально-ответственных лиц и безучетно расходуют зерно. Так, председатель правления колхоза Штых и его заместитель Беловол дали указания весовщику тока не приходовать поступающее зерно от комбайнов, чтобы затем его похитить. Такое же указание от них получил и заведующий кладовой Бороденко. Всего было неоприходовано таким путем 47700 кг зерна.²

Важнейшей обязанностью бухгалтера (счетовода) является организация учета зерна и зернопродуктов в колхозе и совхозе. Между тем некоторые бухгалтеры (счетоводы) безответственно относятся к учету зерна и зернопродуктов, не помогают материально-ответственным лицам в наведении должного порядка в учете, не контролируют их деятельность. Иногда счетные работники, используя свое положение, являются соучастниками расхитителей. Счетовод колхоза Арефьев, войдя в преступную связь с кладовщиком колхоза Жиленковым и заведующим током Козлитиним, запустил учет зерна в колхозе и совместно с указанными лицами расхитил 17000 кг зерна. Для покрытия недостачи зерна он принял от заведующего током Козлитина сфабрикованный последним акт на списание 7800 кг озимой пшеницы в отходы, в котором преступники затем, вместо 7800 кг, указали 17800 кг озимой пшеницы. Кроме того, Арефьев внес соответствующее исправление (по фиктивному акту) в книге учета зерна заведующего током и в книгах учета правления колхоза.³

Имели место и такие случаи, когда бухгалтеры (счетоводы) не проводили по книгам учета расходные документы, поступающие от заведующих складами (кладовыми), чтобы затем выдать повторно по этим документам зерно. Так, бухгалтер колхоза «Путь к коммунизму» Лыков выписал на свое имя распоряжение на 200 кг пшеницы, получил ее, но расходный документ не провел по книгам учета, рассчитывая в дальнейшем получить повторно зерно. Кроме того, он не сделал проводку остатков зерна по кол-

¹ Дело № 2581 по обвинению Агрыzkова И. И. Из практики прокуратуры Малоархангельского района, Орловской области.

² Дело № 32 по обвинению Штых, Беловол и др. Из практики прокуратуры Печенежского района, Харьковской области.

³ Дело № 117а по обвинению Арефьева Я. М. Из практики прокуратуры В—Михайловского района, Курской области.

хозному киоску согласно отчету продавца и вместе с последним похитил 100 кг чечевицы и 136 кг пшеницы¹.

Встречались случаи, когда преступники вносили подлоги в лицевые счета своих знакомых и родственников, увеличивая количество причитающегося им зерна на трудодни. Так, счетовод колхоза «Победа» Кравченко в лицевом счете своих знакомых и родственников вносила исправления, увеличивая количество зерна и сумму денег, причитающихся им на трудодни. По лицевым счетам членов своей семьи она увеличила выдачу зерна на 210 кг и составила ведомость, по которой ее родственники получили указанное количество зерна². Бухгалтеры (счетоводы) иногда путем подделки документов сами расхищают зерно. Так, бухгалтер колхоза им. Куйбышева Беляевский внес в расчетную ведомость исправление в запись количества причитающегося ему зерна (вместо 978,5 кг — 1478,5 кг), похитив таким образом 500 кг зерна³.

В ряде случаев хищению зерна и зернопродуктов способствуют недостатки в форме бланков-распоряжений правлений колхозов на отпуск зерна и неудовлетворительное оформление этих распоряжений, а иногда отсутствие учета бланков накладных и путевок (книжек), выдаваемых лицам, ведающим отправкой зерна и зернопродуктов на заготовительные пункты, в склады и кладовые. Принятая в настоящее время форма распоряжения правления колхоза на выдачу продуктов и материалов является исключительно нерациональной. В ней графа «вес» занимает очень мало места, отсутствует графа для обозначения веса прописью, подписи получателей отнесены на оборотную сторону, место для этих подписей недостаточное, подписи нередко выполняются сокращенно, без выписывания букв, состоят из беспорядочно нанесенных штрихов, иногда выполняются даже через копировальную бумагу. Качество бумаги бланков плохое. Наряду с этим иногда допускается небрежная выписка распоряжений правления на отпуск продуктов и материалов, а именно: при наличии в колхозе нескольких кладовых (складов), которыми заведуют различные лица, в распоряжении не указывается номер кладовой (склада), откуда должно быть отпущено зерно; не делаются прочерки в свободных строках распоряжения; нередко распоряжения выписываются карандашом и притом иногда через копировальную бумагу; часто записи выполняются чернилами, приготовленными из недоброкачественных красителей, что в соединении с плохими сортами бумаги создает благоприятные условия для подделок⁴.

¹ Дело № 1—13 по обвинению Лыкова Н. С. Из практики прокуратуры Алексеевского района, Харьковской области.

² Дело № 1—137 по обвинению Кравченко М. М. Из практики прокуратуры Купянского района, Харьковской области.

³ Дело № 110 по обвинению Беляевского В. П. Из практики прокуратуры Цимлянского района, Каменской области.

⁴ В. П. К о л м а к о в. Некоторые предупреждения хищений государственного и общественного имущества, совершаемых посредством подделки и подлога документов. Теория и практика криминалистической экспертизы, сборник 2, М., 1956 г., стр. 57—74.

Указанные недостатки в формах бланков и в их оформлении значительно облегчают преступникам возможность совершать хищения зерна и зернопродуктов. Иногда расхитители дописывают в оформленное распоряжение соответствующее наименование и вес зерна. Так, в колхозе им. Калинина счетовод похитил из кладовой 250 кг зерна посредством дописки в свободной строке распоряжения № 887¹. В других случаях преступники дописывают цифры в сторону увеличения количества зерна и зернопродуктов, подлежащих отпуску. Тракторист Науменко, получив в правлении колхоза распоряжение на выдачу причитающегося ему на трудоднии зерна в количестве 78 кг ржи и 77 кг гречихи дописал единицу впереди числа «78» и таким путем похитил из кладовой колхоза 100 кг ржи². Подобная подделка распоряжений облегчается тем, что вес зерна, подлежащего отпуску, обозначается только цифрами, так как в распоряжениях нет места для обозначения веса прописью.

Совершению хищений способствует также и то, что в некоторых колхозах и совхозах счетоводы и бухгалтеры не пронумеровывают бланки накладных и путевок, выдаваемых начальникам агрегатов, заведующим током, весовщикам и заведующим зерносушилками. Отсутствует учет этих бланков. Материально-ответственные лица при отправке зерна сами проставляют номера на накладных и путевках. Расхитители, используя это, заменяют одни накладные другими, фабрикуют фиктивные накладные на имеющихся у них запасных бланках, подделывают подписи возчиков, шоферов и других лиц. Так, с тока четвертого отделения Б-Токмакского зерносовхоза заведующий током Кожушко, заведующий складом Кузьменко и шофер Безручко похитили 996 кг озимой пшеницы. Похищенную пшеницу Кожушко и Безручко доставили в село С-Балки для продажи гражданину Ещенко и сгрузили у него во дворе. Ещенко о привезенной пшенице заявил органам милиции. С целью сокрытия хищения пшеницы указанные лица оформили в одном экземпляре фиктивную накладную № 365 на отправку 1000 кг озимой пшеницы в склад Кузьменко. Эта накладная была изъята при обыске у Кожушко. При сдаче отчета Кожушко представил бухгалтерии отделения накладную № 356 на отправку 2000 кг озимой пшеницы в склад Кузьменко, а последний оприходовал это зерно в своем отчете. Номер данной накладной был проставлен бухгалтером отделения при регистрации книжки бланков накладных, выданных заведующим током. Фиктивная накладная была заполнена лично Кожушко на имевшемся у него неучтенном бланке³.

¹ Архив Харьковского Научно-Исследовательского института судебной экспертизы, дело № 9495/1388, 1955 г.

² Дело по обвинению Науменко Т. Е. Из практики прокуратуры Талавского района, Сумской области.

³ Дело № 161 по обвинению Кузьменко, Кожушко и Безручко. Из практики прокуратуры Б-Токмакского района, Запорожской области.

Наблюдались случаи, когда председатели правлений некоторых колхозов небрежно хранили чистые бланки с оттисками удостоверительных знаков, а также печати и штампы. Преступники похищали указанные бланки и подделывали доверенности и иные документы на вымышленных лиц на получение зерна в счет имеющихся расчетов с соседними колхозами. Так, Савин и Робкина сфабриковали доверенность от колхоза им. Жданова на вымышленное лицо — Панкратову и подделали подпись председателя колхоза. С указанной доверенностью они явились в соседний колхоз, где им было выдано по этой доверенности 300 кг ржи в счет погашения долга колхозу им. Жданова. Савин, ранее работавший счетоводом в колхозе им. Жданова, знал об этом долге и при уходе с работы заготовил бланк доверенности с оттиском печати и штампа. В графе «получил» распоряжения правления колхоза «Путь к коммунизму» за вымышленное лицо Панкратову расписалась Робкина¹. Иногда подделываются доверенности на получение для колхозов зерна из складов «Заготзерно». Гр-не Сидоров А. Е. и Сидоров И. В., похитив у счетовода колхоза им. Сталина бланк, подделали доверенность на получение, якобы для колхоза, в «Заготзерно» 500 кг озимой пшеницы. Текст доверенности написал Сидоров И. В., а бланк похитил Сидоров А. Е. Прибыв на грузовой автомашине на пункт «Заготзерно», они по фактуре № 282 от 7 апреля 1953 года получили указанное зерно и поделили между собой².

К числу обстоятельств, способствующих хищению зерна и зернопродуктов в колхозах и совхозах, относится неудовлетворительное состояние охраны зерна. Для охраны зерна в кладовых и складах, согласно ныне действующим инструкциям³, сторожа назначаются решением правления колхоза, а в совхозах — приказом директора из числа проверенных лиц, с учетом их физического состояния и количества охраняемых объектов. Для охраны зерна и зернопродуктов в местах временного хранения (полевой ток и зерносушилки) сторожа в совхозах назначаются приказом директора совхоза; в колхозах же, по действующей инструкции, запрещено зерно на ночь оставлять на току. Однако, как показывает изучение дел о хищении зерна, на практике сплошь и рядом встречается нарушение этой инструкции, что способствует хищениям зерна и зернопродуктов на току. При этом для охраны

¹ Дело № 1—98 по обвинению Савина Г. А. и Робкиной Т. С. Из практики прокуратуры Калачеевского района, Воронежской области.

² Дело № 13 по обвинению Сидорова А. Е. и Сидорова И. В. Из практики прокуратуры Новосильского района, Орловской области.

³ Инструкция НКЗ и ЦУНХУ СССР о ведении колхозного счетоводства, утвержденная СНК СССР 31 января 1939 г. Дополнения к ней утверждены Министерством сельского хозяйства СССР и ЦСУ СССР в 1954 г. Инструкция Министерства совхозов СССР № 15/320 «О порядке учета зерна, кормов и др. видов продукции животноводства», утвержденная 15 июня 1954 года.

зерна, оставшегося на ночь на току, сторожей обычно назначают бригадиры полевых бригад по своему усмотрению, причем нередко назначают лиц с плохим зрением и слухом, которые поэтому не в состоянии надлежаще выполнять свои обязанности в ночное время. Встречаются случаи, когда на полевой ток очень больших размеров назначается один сторож, который, находясь на одной стороне тока, не в состоянии ночью видеть что делается на другой стороне. В совхозе «Комсомолец» группа преступников систематически похищала ночью зерно с тока третьего отделения. Они, скрытно от сторожа, подползли к лежащим на току различным ворохам зерна, мимо которых только что проходил сторож (он был вынужден ходить вокруг всех ворохов зерна по всей площади тока) и похищали это зерно.¹ При назначении сторожей на полевой ток их зачастую не инструктируют и не обеспечивают надлежащим вооружением для исполнения службы (фонари, оружие и т. п.). Проверка должностными лицами состояния охраны должным образом не осуществляется. Иногда назначаются сторожами лица, оказавшиеся затем сообщниками расхитителей зерна. В некоторых колхозах иногда назначались сторожами зерна на полевой ток лица, которые сами расхищали зерно.

Нередко хищениям зерна и зернопродуктов способствует неудовлетворительная работа ревизионных комиссий и контрольно-ревизионного аппарата машинно-тракторных станций, трестов совхозов и районных отделов сельского хозяйства, в частности, несвоевременное производство ревизий и низкое их качество. Иногда ревизии проводятся лицами, которые не знают даже элементарных правил учета и потому не в состоянии проверить правильность тех или иных бухгалтерских проводок. Акты ревизии составляются подчас небрежно, карандашом, на некачественной бумаге, с исправлениями и не содержат ряда необходимых данных. Иногда ревизии проводятся без точного перевешивания зерна и без участия материально-ответственных лиц, вследствие чего данные ревизии оказываются неполными и возникает необходимость повторной ревизии. Имеют место случаи, когда председатели ревизионных комиссий злоупотребляют оказанным им колхозниками доверием и укрывают расхитителей. Так, Терещенко, будучи председателем ревизионной комиссии колхоза «Червона Украина», при производстве ревизии укрыв расхищение кладовщиком Чернухой 12400 кг колхозного зерна.²

Обязанностью инструкторов-бухгалтеров машинно-тракторных станций, трестов совхозов и районных отделов сельского хозяйства является квалифицированная помощь в постановке должного учета в колхозах и совхозах, а также инструктирование ревизион-

¹ Дело № 17 по обвинению Козинного, Зигун и Ячейкиной. Из практики прокуратуры Лозовского района, Харьковской области.

² Дело по обвинению Чернухи И. А., Сапьяна В. Е. и др. Из практики прокуратуры Ново-Псковского района, Ворошиловградской области.

ных комиссий и производство ревизий. Между тем некоторые инструктора-бухгалтеры халатно относятся к выполнению своего долга, не оказывают реальной помощи счетно-бухгалтерским работникам в постановке точного учета и контроля за движением зерна и зернопродуктов, находящихся в подотчете отдельных материально-ответственных лиц. Встречаются случаи, когда ревизии проводятся поверхностно, что способствует сокрытию хищений, а ревизоры становятся соучастниками расхитителей зерна и зернопродуктов. Счетовод колхоза Золин и заведующая кладовой Юдина систематически расхищали зерно, умышленно запутав учет. Инструктор-бухгалтер районного отдела сельского хозяйства Ямалетдинов выявил при производстве ревизии недостачу 12600 кг семенной пшеницы и отсутствие учета движения зерна, однако никаких мер к разоблачению преступников не принял, так как систематически пьянствовал с ними. Ревизор Ямалетдинов совместно с расхитителями зерна — Золиным и Юдиной убили агронома Коробова за разоблачение последним их преступной деятельности¹.

Обстоятельством, создающим условия для совершения хищений зерна и зернопродуктов в колхозах и совхозах, является также неудовлетворительное состояние хранилищ. Для хранения зерна выделены или построены специальные помещения под кладовые и склады. Но вследствие безответственного отношения отдельных руководителей колхозов и совхозов эти кладовые и склады иногда своевременно не ремонтируются; стены, входные двери, крыши, потолки и полы в кладовых и складах приходят в негодность; иногда отсутствуют надлежащие замки и запоры. Все это дает возможность преступникам свободно проникать в кладовые и склады. В некоторых колхозах и совхозах, за отсутствием специальных хранилищ, зерно хранится в непригодных для этого помещениях, а иногда даже под открытыми навесами и притом без надлежащей охраны. Бывает и так, что зерно хранится в помещениях, смежных с другими, из которых посторонние лица могут свободно проникать в хранилища. При смене заведующих кладовыми (складами) иногда не заменяют запоры и замки, что позволяет бывшим заведующим проникать в хранилища при помощи заранее изготовленных или оставленных у себя вторых экземпляров ключей. Большим недостатком является также отсутствие в колхозах и совхозах пломбираторов, и сторожа вынуждены охранять кладовые (склады) неопломбированными.

Перечисленные обстоятельства, способствующие совершению хищений и выявленные в процессе расследования, устраняются по предложению следователя или по представлению прокурора. Для устранения этих обстоятельств необходимо ознакомиться с организационно-хозяйственной деятельностью данного колхоза или

¹ И. М. Глазов. Плохо проведенный осмотр места происшествия и увлечение одной версией затруднили раскрытие преступления. Следственная практика, выпуск 16, 1953 г., стр. 76.

совхоза, изучить документы, освещающие работу и определяющие функции должностных и материально-ответственных лиц, выяснить, кем и какие допускались отклонения от установленного порядка учета и хранения зерна и зернопродуктов. Необходимо также изучить материалы ревизий и инвентаризаций и выяснить меры, принимаемые по материалам ревизий. По каждому делу о хищении зерна и зернопродуктов необходимо установить и привлечь к ответственности лиц, виновных в запущенности учета зерна и контроля и тем способствующих преступной деятельности расхитителей.

Проводя предупредительную работу по делам о хищении зерна и зернопродуктов, следователю нужно учитывать накопленный им опыт, анализировать причины хищения, выявленные ранее по другим делам, и лично, либо через прокурора, принимать меры к устранению условий, способствовавших хищению. Следователю необходимо непосредственно участвовать в разработке и проведении в жизнь конкретных мероприятий по усилению борьбы с расхитителями зерна и зернопродуктов. В целях пропаганды советских законов и борьбы с преступностью следователю нужно выступать с докладами и беседами перед колхозниками, рабочими и служащими совхозов по поводу выявленных им нарушений, способствующих совершению хищений зерна и зернопродуктов, помещать в местной печати статьи по этим вопросам. Своевременное принятие мер по предупреждению хищений зерна и зернопродуктов, активное и быстрое раскрытие всех случаев этих хищений играет решающую роль в успешной деятельности следователя по предупреждению преступлений данной категории и имеет важное государственное значение.

Кандидат юридических наук Л. Н. МОРОЗ

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ И ПРЕДЕЛЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О ХИЩЕНИЯХ В ТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ

Борьба с расхитителями государственного и общественного имущества является одной из важнейших задач социалистического правосудия. Большая роль в решении этой задачи принадлежит органам расследования. По каждому делу о хищении они обязаны полно собрать и правильно закрепить все необходимые доказательства, которые позволили бы суду сделать достоверный вывод о событии преступления и степени виновности привлеченных к ответственности лиц, принять все необходимые меры к возмещению имущественного ущерба, причиненного преступлением, а также меры предупреждения хищений в будущем. Успешное решение упомянутых задач возможно лишь при условии правильного определения в каждом конкретном случае пределов исследования дела и тем самым установления точных границ расследования.

Точное ограничение пределов исследования исключает чрезмерное расширение круга фактов, подлежащих установлению, ведущее к загромождению дела ненужными материалами. Собрание таких материалов лишь затягивает расследование и отвлекает следователя от установления фактов, имеющих для дела существенное значение. В то же время неправильное сужение круга фактов, подлежащих установлению, приводит к тому, что от следователя ускользают обстоятельства, имеющие существенное значение для данного дела, что отрицательно сказывается на полноте и всесторонности расследования. Правильное установление пределов исследования оказывает решающее значение на направление и качество расследования по делу. Ошибки, допущенные при определении пределов исследования уголовного дела в стадии предварительного расследования, влекут возвращение дела судом к доследованию.

При всем разнообразии уголовных дел, органам расследования всякий раз необходимо установить событие преступления и виновность в совершении его определенного лица (лиц). Указанные факты, являясь основными (главными) искомыми фактами по каждому уголовному делу, выступают основными искомыми фактами и по делам о хищениях в торговых предприятиях. Заранее определить предмет доказывания, т. е. круг подлежащих установлению фактов, по каждому делу невозможно, так как это зависит от существа конкретного дела. Однако, в уголовно-процессуальном законе содержатся общие указания относительно обстоятельств, имеющих значение для правильного расследования каждого дела. К этим обстоятельствам ст. 110 УПК УССР (ст. 113 УПК РСФСР) относит обстоятельства, указанные в ст. ст. 42, 43 и 44 УК УССР (ст. ст. 45, 47 и 48 УПК РСФСР), а также все другие обстоятельства, выяснение которых может повлиять на правильность расследования и разрешения дела. Ст. 127 УПК УССР (ст. 129 УПК РСФСР), содержащая в себе обязательные реквизиты постановления о привлечении в качестве обвиняемого, называет среди них личность обвиняемого, время, место и другие обстоятельства совершенного преступления, поскольку их удалось следователю выяснить к данному моменту. Таким образом, эти обстоятельства также должны быть отнесены к предмету доказывания по делу, в том числе и по делам о хищениях в торговых предприятиях. Ст. 110 УПК УССР (ст. 112 УПК РСФСР) обязывает следователя направлять предварительное следствие, руководствуясь обстоятельствами дела, в сторону наиболее полного и всестороннего рассмотрения его, чтобы к моменту окончания расследования была полностью выяснена картина преступления. К этому моменту, в соответствии со ст. 203 УПК УССР (ст. 207 УПК РСФСР), следователь должен располагать доказательствами, на основе которых обязан указать в обвинительном заключении данные об обвиняемом, а также место, время, способ, мотивы совершения преступления и сведения о потерпевшем. Таким образом, выяснение и исследование указанных обстоятельств обязательно в каждом деле в силу закона. Кроме того, следователю необходимо всегда помнить круг вопросов, подлежащих разрешению судом при постановлении приговора (ст. 297 УПК УССР, ст. 320 УПК РСФСР), и заботиться о том, чтобы материалы расследования содержали в себе данные, полно и всесторонне освещающие эти вопросы. В противном случае задачи расследования не могут быть признаны выполненными. Названные вопросы должны быть предварительно разрешены следователем таким образом, чтобы он был убежден в том, что в деле имеется достаточно данных для правильного решения его судом.

Для определения пределов исследования по каждому конкретному делу очень важное значение имеет уголовный закон,

очерчивающий состав данного преступления. Круг фактов, подлежащих установлению по делу, в значительной мере определяется вопросами, выяснение которых необходимо для установления в действиях (или бездействии) обвиняемого состава преступления. Существенное значение для определения круга обстоятельств, подлежащих выяснению по делам данной категории, имеют также постановления Пленума, практика Верховного суда СССР, и приказы и директивные указания Генерального Прокурора СССР, относящиеся к расследованию хищений государственного и общественного имущества, в частности, товарно-денежных ценностей в торговых предприятиях Министерства торговли СССР и Центросоюза.

Установив круг вопросов, подлежащих выяснению по делу, следователь должен решить, какие доказательства необходимо обнаружить, собрать, закрепить и исследовать для установления фактов, подлежащих доказыванию. Решение этой задачи также зависит от конкретных обстоятельств дела, от связи указанных обстоятельств с другими фактами, которые могут быть использованы в качестве доказательств по делу. Известно, что факты, являющиеся доказательствами в одних случаях, могут не иметь доказательственного значения в других случаях, при иных обстоятельствах.

Между предметом доказывания и средствами доказывания существует тесная и неразрывная связь. Установление предмета доказывания является необходимой предпосылкой выяснения тех источников, из которых могут быть получены сведения об интересующих следователя обстоятельствах. Использование источников или средств доказывания — получение из них сведений — дает основания для уточнения предмета исследования.

Связь между предметом исследования и средствами доказывания есть связь, выражающая взаимоотношение полноты и обоснованности расследования. Если точное определение предмета исследования гарантирует полноту расследования, то обнаружение и надлежащее использование всех необходимых доказательств является единственным средством, гарантирующим обоснованность выводов по делу. Использование доказательств при расследовании и разрешении уголовных дел представляет собою доказывание, т. е. обнаружение, собирание и закрепление, исследование, оценку доказательств и получение таким путем определенных выводов по делу. Таким образом доказывание является методом разрешения задач расследования.

Общие задачи расследования по делам о хищениях государственного и общественного имущества могут быть определены следующим образом:

1. Установление факта хищения и выяснение обстоятельств его совершения и сокрытия.

2. Выявление и привлечение к ответственности виновных в совершении хищения.

3. Принятие мер к возмещению ущерба, причиненного данным преступлением.

4. Выявление обстоятельств, способствовавших совершению и сокрытию хищения, принятие мер к их устранению.

Перечисленные задачи, являясь общими для всех дел о хищениях государственного и общественного имущества, выступают в качестве основных задач расследования и по делам о хищениях государственного и общественного имущества в торговых предприятиях.

Одна из характерных особенностей дел о хищениях в торговых предприятиях заключается в том, что эти преступления зачастую совершаются изошренными, тщательно завуалированными способами, связанными с подлогом приходно-расходных документов, обманом покупателей и другими преступными методами сокрытия недостачи, образовавшейся в результате хищения. Данное обстоятельство существенно отличает эти дела от некоторых других (краж, убийств, разбойных нападений и др.), по которым наличие преступления, как правило, не вызывает сомнений, и подавляющее большинство оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий направлено на установление виновного. При расследовании же дел рассматриваемой категории основные усилия следствия направлены главным образом на установление события преступления и обстоятельств его совершения. Поэтому в таких делах уже в самом начале расследования в качестве главной задачи встает решение вопроса: имело ли место в данном случае преступление? каковы обстоятельства его совершения и сокрытия? К указанным обстоятельствам относятся: а) наличие недостачи товаро-денежных ценностей, ее размеры; б) время и причины образования недостачи; в) если такой причиной является хищение,— способ совершения и сокрытия его; г) размеры и характер похищенного имущества, судьба похищенного имущества (местонахождение и т. п.).

При расследовании хищений в торговых предприятиях необходимо установить и привлечь к уголовной ответственности всех виновных в совершении данного преступления. Установление виновных по делам рассматриваемой категории иногда осложняется тем, что товаро-материальные ценности в торговых предприятиях вверяются под солидарную ответственность нескольким лицам. Трудности в установлении виновных в хищении могут также возникнуть в случае частой смены материально ответственных лиц в данном торговом предприятии. Для выявления виновных в хищении немаловажное значение имеет установление времени, за которое образовалась недостача. При расследовании растрат трудно, а иногда и вовсе невоз-

можно установить точное время совершения преступления, поскольку растрата чаще всего совершается систематически на протяжении определенного промежутка времени. Поэтому следователь не всегда может установить, например, в какой день было произведено хищение тех или иных ценностей, но он может и должен установить период, в течение которого была совершена данная растрата. Установление указанного обстоятельства поможет следователю выяснить, кто был ответственным за похищение ценности в данный период, кто мог совершить хищение и кто должен нести ответственность.

Выявление соучастников хищения нередко представляет известную трудность. В ряде случаев разоблаченный преступник, зная о повышенной ответственности за совершение хищений организованной группой, скрывает своих соучастников с целью смягчения наказания. Некоторые обвиняемые не называют своих соучастников, рассчитывая на то, что последние, выступая в качестве свидетелей, будут, из-за боязни своего разоблачения, давать показания, угодные обвиняемому. Иногда, не указывая своих соучастников, обвиняемый пытается скрыть действительные обстоятельства своей преступной деятельности. Соучастники преступления могут быть скрыты данным обвиняемым и по другим соображениям: например, в надежде на то, что оставшиеся неразоблаченными расхитители будут оказывать материальную помощь семье обвиняемого либо лично ему во время отбывания им наказания. Ввиду этого следствие по делу ни в коем случае нельзя считать оконченным, если есть основания предполагать, что не разоблачены все преступники, принимавшие участие в хищениях.

Расследуя дело о хищении в торговом предприятии, нельзя ограничиваться установлением и исследованием одного-двух конкретных фактов преступных действий обвиняемого. Лишь путем тщательного исследования всех эпизодов дела можно выяснить, совершал ли изобличенный растратчик хищения один или же с участием других лиц. Соучастниками растратчиков нередко являются счетно-бухгалтерские работники, материально ответственные лица других торговых предприятий, ревизоры и члены ревизионных комиссий кооперативов, а иногда и руководящие работники кооперативов. Вместе с тем, следует иметь в виду, что соучастниками растратчика могут быть также работники других организаций, в первую очередь, организаций, производящих товаро-денежные операции с данным торговым предприятием, особенно посредством безналичных расчетов. Для выяснения преступных связей растратчика существенное значение имеет исследование документов. При расследовании растрат недостаточно установить только факт подделки и подлога документов, а необходимо выяснить также, кто принимал участие в их изготовлении. Выявлению соучастников преступления способствует также установление связей обвиняемого, круга его близких и знакомых. При этом необходимо обращать особое внимание на взаимоотношения обвиняе-

мого с работниками, имеющими определенное отношение к тем операциям, в процессе выполнения которых было совершено хищение.

Следует отметить, что некоторые преступники еще до своего разоблачения тщательно скрывают от окружающих действительные взаимоотношения между собой. В подобных случаях для разоблачения подлинного лица расхитителей следователю надлежит тщательно продумать, какие приемы расследования окажутся наиболее эффективными, исходя из конкретных обстоятельств дела. Существенное значение в указанных случаях может иметь допрос свидетелей. Для установления свидетелей, знающих о преступных связях расхитителей, необходимо использовать оперативные данные органов милиции.

Одной из задач расследования по каждому делу данной категории является своевременное принятие мер к возмещению ущерба, причиненного преступными действиями расхитителей. Меры эти, в основном, сводятся к обнаружению похищенного имущества и выявлению имущества, приобретенного путем реализации похищенного, а также имущества, принадлежащего обвиняемому и тем из его близких, в отношении которых будет установлено, что они пользовались похищенными ценностями. На это имущество необходимо наложить арест. «По каждому возбужденному уголовному делу о хищении и растрате первыми следственными действиями должны быть обыск и наложение ареста на имущество обвиняемого» — говорится в приказе Генерального Прокурора СССР № 90 от 28-го марта 1953 г. «О мероприятиях по усилению борьбы с хищениями и растратами в организациях потребительской кооперации и Министерства торговли¹». В Инструкции Прокурора СССР и НКЮ СССР от 28-го февраля 1939 года указано, что органы расследования одновременно с возбуждением уголовного преследования против виновного в растрате или хищении обязаны в порядке обеспечения гражданского иска накладывать, в соответствии с Постановлением ЦИК и СНК СССР от 10 августа 1927 г. (С. 3. СССР 1927 г. № 51, ст. 507), предварительный арест на все без исключения имущество преступников, на имущество членов их семейств и других лиц, в отношении которых будет установлено, что они пользовались средствами, добытыми путем растраты или хищения. В Инструкции также отмечено, что органы расследования обязаны принимать решительные меры к розыску сокрытого имущества для наложения на него предварительного ареста, чтобы обеспечить возмещение материального ущерба, нанесенного кооперативным организациям. По каждому делу органы расследования должны не позднее трех дней извещать кооперативные организации о признании их гражданами истцами или об отказе в таком признании, о передаче

¹ (Цит. по Н. А. Якубович. Работа следователя по возмещению материального ущерба и розыску похищенного имущества. М., 1954 г., стр. 29—30.

дела в суд или о прекращении производства по делу и пр. Требование принятия своевременных и решительных мер к возмещению ущерба, причиненного расхитителями потребительским кооперативам, содержится и в ряде других актов. Однако, некоторые прокуроры и следователи все еще недооценивают значение своевременного принятия решительных мер к возмещению ущерба, причиненного расхитителями. В результате этого розыск похищенного и выявление ценностей, принадлежащих обвиняемым, проводятся без должной инициативы и оперативности¹.

Трудности в деле обеспечения возмещения ущерба, причиненного преступлением, состоят, прежде всего, в том, что к моменту расследования дела, похищенные товары нередко оказываются издержанными, а деньги — истраченными. Кроме того, как правило, расхититель еще до своего разоблачения стремится скрыть не только похищенные товары, но и все наиболее ценное принадлежащее ему имущество. Понятно поэтому, что розыск похищенного имущества и выявление местонахождения ценностей, принадлежащих обвиняемому, иногда оказывается довольно трудным и требует от следователя исключительной инициативы и настойчивости. Наиболее эффективными способами здесь являются обыски и выемки. При этом необходимо, прежде всего, установить, где может находиться разыскиваемое имущество. Для решения указанного вопроса важное значение могут иметь допросы свидетелей, а также наложение ареста на корреспонденцию обвиняемого, членов его семьи и родственников. Следует учитывать, что расхитители стремятся хранить наиболее ценное имущество у своих родственников, близких и знакомых, не вызывающих подозрений. Поэтому, устанавливая места возможного нахождения имущества, принадлежащего обвиняемому, нужно выявлять круг упомянутых лиц.

Кроме того, следует иметь в виду, что расхитители, с целью сокрытия нажитых преступным путем денежных средств, иногда помещают их в виде вкладов в сберегательные кассы. Такие вклады вносятся на имя самого расхитителя, членов семьи, его родственников, либо на предъявителя. Иногда расхитители приобретают облигации Государственного 3% внутреннего выигрышного займа и сдают их на хранение в сберегательные кассы. В некоторых случаях преступники используют деньги, вырученные от реализации похищенных товаров, для приобретения и строительства домов в других селах, районах. Указанные сделки и оформление документов на земельный участок, приобретение стройматериалов и т. п. совершаются иногда от имени родственников расхитителя или его близких. Поэтому необходимо тщательно выяснить характер связей преступника со всеми его

¹ Примеры подобного рода приведены А. Барышевым. См. А. Барышев. Улучшить прокурорский надзор за возмещением материального ущерба, причиненного государству. Ж. «Социалистическая законность», 1953 г., № 9, стр. 71—74.

родственниками, близкими и знакомыми. Анализ и сопоставление свидетельских показаний, справок о трудовых доходах того или иного лица, стоимости приобретенного или пострѐнного до-мостроения могут указать следователю судьбу похищенных из торгового предприятия товаров и денег.

Описанное имущество целесообразно передавать на хранение соответствующей торговой организации или потребительскому кооперативу. Это исключает возможность сокрытия и растраты опи-санного имущества обвиняемым и его родственниками и тем са-мым обеспечивает возмещение ущерба, нанесенного государству или кооперативу.

Успешная борьба с растратами в торговых предприятиях воз-можна лишь при умелом сочетании меткой уголовной репрессии и предупредительных мер. Исследование вопросов предупрежде-ния хищений в торговых предприятиях — тема обширная и заслу-живает специальной разработки. Здесь следует лишь отметить, что по каждому делу исследуемой категории необходимо уста-новить и устранить обстоятельства, создавшие возможность со-вершения данного хищения и могущие способствовать соверше-нию хищений в дальнейшем. Нельзя считать разрешенными за-дачи следствия, если не выяснены и не устранены обстоятель-ства, создавшие возможность совершения данного преступления. Полное и всестороннее исследование этих обстоятельств и их устранение во многом способствуют искоренению хищений го-сударственного кооперативного имущества.

Для устранения обстоятельств, способствующих хищениям, необходимо по каждому делу о хищении государственного и обще-ственного имущества изучить особенности деятельности данной организации. Важно исследовать состояние учета и отчетности в бухгалтерии, установить регулярность производства плановых и внезапных ревизий торговых предприятий, изучить результаты этих ревизий. Если расследованием установлено, что растрата была совершена задолго до производства последней ревизии, не-обходимо установить, кто производил в этот период ревизии и ка-ковы причины того, что при этом не была обнаружена недостача.

Изучение дел данной категории показывает, что одной из при-чин, способствующих хищениям, в особенности в потребительских кооперативах, является безответственное отношение со стороны некоторых руководящих работников торговых предприятий к под-бору материально ответственных лиц. Несмотря на постоянные требования Партии и Правительства о необходимости серьезного и тщательного подбора кадров по политическим и деловым ка-чествам, правильной расстановки и воспитания их, отдельные ру-ководители торговых организаций, решая вопрос о приеме на ма-териально ответственные должности, допускают нетерпимое рото-зейство и политическую близорукость. В постановлении от 26 июня 1954 г. III Всесоюзного съезда уполномоченных рыболовецкой потребительской кооперации отмечено: «В 1953 году допущено

растрат и хищений больше, чем в 1952 году. Это объясняется тем, что руководители организаций потребительской кооперации продолжают проявлять беспечность, благодушие и ротозейство при подборе кадров. Бухгалтерский учёт продолжает оставаться в неудовлетворительном состоянии, ревизионная работа находится на низком уровне»¹. В результате этого на должности продавцов и заведующих магазинами иногда проникают различного рода проходимцы. Подчас среди принятых на материально ответственные должности в торговые предприятия оказываются лица, ранее судимые за растраты, либо скрывающиеся от следствия и суда. Некая Шубина, осужденная в Тихвинском районе, Ленинградской области, к лишению свободы за растрату, воспользовавшись тем, что она своевременно не была взята под стражу, с целью уклонения от ареста и отбытия наказания, выехала в Новоселовский район, Псковской области. Ввиду отсутствия у Шубиной документов, удостоверяющих ее личность, органы милиции обязали последнюю в 24 часа оставить районный центр. Выехав из районного центра в колхоз «Память Ильча», Шубина сумела войти в доверие председателя указанного колхоза Орро. По рекомендации последнего правление Новоселовского сельпо, не проверив личности Шубиной, приняло ее заведующей лавкой. Пользуясь отсутствием ревизий и ведя разгульный образ жизни, Шубина за два месяца растратила свыше 2000 рублей кооперативных средств, а затем, захватив выручку за несколько дней, пыталась скрыться, но была задержана. Однако этот и другие подобные ему случаи не насторожили благодушных руководителей Новоселовского райпотребсоюза, где факты растрат и хищений в торговых предприятиях имели место и после того².

Одной из причин, создающих благоприятные условия для совершения хищения в торговых предприятиях, является неудовлетворительное состояние учета и контроля, нерегулярное производство ревизий и инвентаризаций.

Следует отметить, что не все обстоятельства, способствующие совершению хищений, могут быть устранены самим следователем. Нередко недостатки в работе торговой организации выявленные в процессе расследования конкретного дела о растрате, устраняются по представлению прокурора вышестоящими кооперативными организациями.

В практике встречаются еще случаи нетерпимого либерализма и преступного покровительства растратчикам. Вместо передачи материалов ревизии об обнаруженной недостаче в органы расследования, некоторые руководители торговых предприятий «обязывают» материально ответственных лиц, у которых

¹ «Третий Всесоюзный съезд рыболовецкой потребительской кооперации». Сб. материалов. М., 1954 г., стр. 8.

² См. К. Макарьян. Решительней бороться с растратами и хищениями социалистической собственности. «Социалистическая законность» 1952 г., № 7, стр. 80.

обнаруживаются крупные недостатки, возместить недостающие ценности. В результате этого расхитители иногда остаются безнаказанными.

По каждому делу данной категории необходимо установить круг лиц, виновных в запущенности учета и контроля, а также всех пособников, попустителей и недоносителей. По делам данной категории к уголовной ответственности «должны привлекаться, наряду с непосредственными виновниками растрат и хищений, также и руководители соответствующих правлений... за несвоевременные и недостаточные меры борьбы с хищениями и растратами в объединяемых ими торговых предприятиях»¹. Наряду с этим Генеральный Прокурор СССР и НКЮ СССР требуют от органов расследования привлечения к уголовной ответственности, кроме непосредственных расхитителей кооперативного имущества, также и лиц, виновных в попустительстве и укрывательстве преступников, лиц, пользовавшихся средствами от растрат и хищений, а также председателей и членов ревизионных комиссий в тех случаях, когда растраты, хищения произошли в результате их бездеятельности². Однако, по отдельным делам исследуемой категории упомянутые лица к уголовной или дисциплинарной ответственности не привлекаются и продолжают работать в потребительских кооперативах. Так, только после четырехкратного возвращения судом дела к доследованию с указанием на необходимость привлечения всех соучастников и попустителей хищения кооперативного имущества, совершенного заведующим магазином Журинчского сельпо, Брянского района Ермаковым, следователь привлек к уголовной ответственности еще шесть работников упомянутого сельпо³.

Для установления соучастников и попустителей хищений, важно, в частности, установить характер взаимоотношений между обвиняемым и счётно-бухгалтерскими и руководящими работниками, а также председателем и членами ревизионной комиссии потребительского кооператива. Вопрос о привлечении указанных лиц к уголовной ответственности решается в зависимости от характера собранных по делу доказательств.

Знание основных задач расследования по делам о хищениях в торговых предприятиях является непременным условием правильного определения направления следствия и установления его пределов.

¹ СЗ СССР, 1933 г., № 13, ст. 76.

² «О расследовании и рассмотрении дел о растратах и хищениях в потребительской кооперации». Инструкция Прокурора СССР и НКЮ СССР от 28 февраля 1939 г. Сборник материалов об охране социалистической собственности. М., 1952 г.

³ Р. Родонцев. Повысить качество следствия по делам о хищениях. Ж. «Социалистическая законность», 1952 г., № 3., стр. 75.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Уголовное право

Стр.

1. <i>Трахтеров В.С.</i> — «Вменяемость как условие уголовной ответственности»	5
2. <i>Стаишис В. В.</i> — «Ответственность должностных лиц за спекуляцию по советскому уголовному праву»	13
3. <i>Сугачев Л. Н.</i> — «Объективная сторона оскорбления по советскому уголовному праву»	24
4. <i>Корчева З. Г.</i> — «К вопросу о вредных последствиях нарушения трудовой дисциплины на железнодорожном транспорте»	36

Уголовный процесс

5. <i>Альперт С. А.</i> — «Принцип публичности (официальности) и его значение в деятельности советских органов предварительного расследования»	49
6. <i>Диденко М. П.</i> — «О гражданском иске в советском уголовном процессе»	61
7. <i>Крупаткин Л. Г.</i> — «Оценка доказательств в стадии предварительного расследования в советском уголовном процессе»	68
8. <i>Гродзинский М. М.</i> — «Некоторые вопросы организации экспертизы в предварительном расследовании по советскому уголовно-процессуальному праву»	81
9. <i>Грошевой Ю. М.</i> — «О законности и обоснованности приговоров в советском уголовном процессе»	97
10. <i>Бажанов М.И.</i> — «Полнота проверки дела вышестоящим судом в советском уголовном процессе»	116
11. <i>Ривлин А. Л.</i> — «Закон и суд в произведениях А. С. Пушкина»	128

Криминалистика

12. <i>Колмаков В. П.</i> — «Приемы использования мелких предметов — вещественных доказательств для установления личности по делам о преступлениях против личности»	145
13. <i>Колесниченко А. Н.</i> — «Роль следственных версий и построение их при расследовании преступлений»	163
14. <i>Коновалова В. Е.</i> — «Тактика допроса в целях опознания»	172
15. <i>Бачурин А. Е.</i> — «К вопросу о методике предупреждения хищений государственного и общественного имущества»	181
16. <i>Гуцин В. Ф.</i> — «Основные задачи расследования по делам о хищениях зерна и зерно-продуктов в колхозах и совхозах»	190
17. <i>Мороз Л. Н.</i> — «Основные задачи и пределы расследования по делам о хищениях в торговых предприятиях»	202

Ответственный за выпуск *А. И. Рогожин*
Технический редактор *М. И. Лиманова.*

Сдано в набор 26/I—57 г. Подписано к печати 21/VI-57 г. БЦ 09629. Формат 60 × 92¹/₁₆. Бум. л. 6,62. Печ. л. 13,25. Учет. издат. л. 13,5. Тираж 500.
Заказ 346. Бесплатно.

Книжная фабрика им. Фрунзе Главиздата Министерства культуры УССР,
Харьков, Донец-Захаржевская, 6/8.